

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 11 (44)

Academic Journal

Series:
History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ
№ 11 (44)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. ВанПоведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чую, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серий

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н., проф. (ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: Ю.Г. Бит-Юнан, канд. филол. н. (РГГУ)
М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ)

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики и литературной критики

<i>Д.И. Булдакова, О.И. Киянская</i> Столетие восстания декабристов в советской периодике середины 1920-х гг.	9
<i>Е.В. Бродская</i> Пьеса Ю.К. Олеси «Список благодеев» в зеркале советской критики: о статусе советской интеллигенции в начале 1930-х гг.	17
<i>Д.Р. Муртазина</i> Мемуарная проза А.Б. Мариенгофа в зеркале редакционной критики	25
<i>Ю.Г. Бит-Юнан, Д.М. Фельдман</i> К истории альманаха «Метрополь»	31
<i>Т.В. Скокова</i> Конституционный кризис 1992–1993 гг. в газете «Правда»	42

Проблемы теории журналистики

<i>Н.Я. Макарова</i> Проблемы восприятия профессиональной идентичности журналиста	51
<i>М.С. Корнев</i> Источниковедение 2.0: о новых подходах к работе с источниками в сетевой цифровой среде	59
<i>Д.В. Неренц</i> Возможные способы финансирования журналистов-расследователей в России и США	67

История публицистики. Риторика

<i>М.П. Одесский</i> Империя до империи. Школьная драма в контексте публицистики эпохи Петра I	74
<i>А.В. Каравашкин</i> Русская публицистика XVII в. (патриарх Никон как традиционалист)	81
<i>С.М. Волошина</i> От робеспьеризма к «постепенчеству». Проблема революции в публицистике А.И. Герцена	92
<i>А.Л. Юрганов</i> К спорам о статье Владимира Соловьева «Первое начало теоретической философии»: Валерий Брюсов и Михаил Самыгин	101
<i>Н.Ю. Казакова</i> Публицистическая позиция В.В. Розанова в «деле Бейлиса»	111
<i>А.А. Панов</i> Конфликт А.И. Деникина и П.Н. Краснова в освещении публицистики времен Гражданской войны и эмиграции	117

Язык СМИ

<i>Е.Н. Басовская</i> Из истории одной победившей ошибки (глагол <i>довлеть</i> в современном газетном тексте)	123
<i>О.М. Афанасьева, Я.Е. Каневская</i> Реализация прагматических свойств языковых единиц в медиатексте: подходы к изучению	132
<i>Ю.В. Яковлева</i> Функционирование эквивалентных заимствований в современном медиатексте	143

Рецензия на книгу

<i>М.Е. Лисицин</i> Распопова С., Богдан Е. Фейковые новости: Информационная мистификация: Учебное пособие. Москва: АспектПресс, 2018. 112 с.	151
---	-----

CONTENTS

History of the Journalism and Literary Criticism

<i>D. Buldakova, O. Kiyanskaya</i> Soviet periodicals of the mid-1920-s on the centenary of the Decembrists revolt	9
<i>E. Brodskaya</i> “List of benefactions” a play by Jury Olesha in the mirror of soviet criticism. Status of the Soviet intelligentsia in the early 1930-s	17
<i>D. Murtazina</i> Marienhof’s memoirs in editorial criticism	25
<i>Y. Bit-Yunan, D. Feldman</i> On the history of the almanac “Metropol”	31
<i>T. Skokova</i> The coverage of the Constitutional crisis of 1992–1993 by the newspaper “Pravda”	42

Issues of the Theory of Journalism

<i>N. Makarova</i> Perception issues of journalist’s professional identity	51
<i>M. Kornev</i> Source studies 2.0. New approaches to working with sources in a network digital environment	59
<i>D. Nerents</i> Possible ways of financing investigative journalists in Russia and the United States	67

History of Publicism. Rhetoric

<i>M. Odesskiy</i>	
An empire prior to the empire.	
School drama in the context of publicism in Peter the Great's epoch	74
<i>A. Karavashkin</i>	
Russian publicism of the 17 th century (Patriarch Nikon as a traditionalist)	81
<i>S. Voloshina</i>	
From "robespierrianism" to piecemeal reforms. Alexander Herzen on revolution in his political essays	92
<i>A. Iurganov</i>	
To disputes about the article by Vladimir Solovyov "The first beginning of theoretical philosophy". Valery Bryusov and Mikhail Samygin	101
<i>N. Kazakova</i>	
A journalistic position of V.V. Rozanov in the "Beilis case"	111
<i>A. Panov</i>	
The conflict of A.I. Denikin and P.N. Krasnov in the journalism coverage during the times of Civil war and Russian emigration	117

Language of Mass Media

<i>E. Basovskaya</i>	
From the history of one of the victorious errors (the verb <i>dovlet'</i> in modern newspaper text)	123
<i>O. Afanas'eva, Ya. Kanevskaya</i>	
Realization of pragmatic properties of linguistic units in the media text. Approaches to learning	132
<i>Yu. Yakovleva</i>	
The equivalent loanwords functioning in the modern media text	143

Books in Review

<i>M. Lisitsin</i>	
Review on the book: Review on the book: Raspopova S., Bogdan E. Fake News: Informational Hoax: Tutorial	151

История журналистики и литературной критики

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-9-16

Столетие восстания декабристов в советской периодике середины 1920-х гг.

Дарья И. Булдакова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, darinbouldakova@yandex.ru*

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; Институт научной информации по общественным
наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия, kianoks@inbox.ru*

Аннотация. В статье речь идет об освещении советской прессой 1920-х гг. столетнего юбилея восстания декабристов. Анализируются как материалы газет и журналов, так и выступления руководителей партии и государства. Делается вывод о том, что единой официальной позиции по отношению к декабристам в тот момент не существовало, однако большинство публицистов ориентировались в своих высказываниях на точку зрения М.Н. Покровского.

Ключевые слова: декабристы, большевики, пропаганда, газета «Гудок», журнал «Огонек», В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий

Для цитирования: Булдакова Д.И., Киянская О.И. Столетие восстания декабристов в советской периодике середины 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 9–16. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-9-16

Soviet periodicals of the mid – 1920-s on the centenary of the Decembrists revolt

Daria I. Buldakova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, darinbouldakova@yandex.ru*

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
kianoks@inbox.ru*

Abstract. This article is about the coverage of the 1920s the centenary of the Decembrist revolt by the Soviet press. It analyzes both the newspapers and magazines materials, and the speeches of the party and the state leaders. The authors conclude that there was no single official position in relation to the Decembrists at that time, but the majority of publicists were guided in their statements by M.N. Pokrovsky 's point of view.

Keywords: the Decembrists, the Bolsheviks, propaganda, the newspaper "Gudok", the magazine "Ogonek", V.I. Lenin, I.V. Stalin, L.D. Trotsky

For citation: Buldakova DI., Kiyanskaya OI. Soviet periodicals of the mid-1920-s on the centenary of the Decembrists revolt. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;11(44):9-16. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-9-16

Юбилеи всякого рода исторических событий широко отмечались в СССР. На «юбилейные» темы издавались монографии, собирались научные конференции, снимались документальные и художественные фильмы, переименовывались улицы, высказывались партийные и советские руководители. Важную роль в праздновании «круглых дат» играла пресса: именно она формировала отношение широкой аудитории к юбилюру или юбилейному событию. Одним из первых советских «юбилеев» было столетие восстания декабристов.

* * *

В первые годы советской власти официальное отношение к декабристам и их роли в истории России еще не было окончательно определено.

С одной стороны, существовали написанные еще до революции статьи В.И. Ленина «Памяти Герцена» (1912) и «Из прошлого рабочих печати в России» (1914). Ленин утверждал:

Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию [1 с. 255].

Ленин считал, что «освободительное движение в России» в своем развитии прошло «три главные этапа». Первый этап (период) он назвал «дворянским» и предложил датировать его начало 1825-м годом. «Самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен», – писал Ленин [2 с. 93].

Однако его точка зрения не была общепризнанной. Так, в 1923 г., в преддверии декабристского юбилея, в печати выступил историк М.С. Ольминский – старый большевик, партийный журналист, много лет проведенный в тюрьме и ссылке. В момент написания статьи Ольминский руководил Истпартом – Комиссией по истории Октябрьской революции и РКП(б), собиравшей, публиковавшей и изучавшей партийные и советские документы. Мнение Ольминского по сути определяло направление работ Истпарта по определению «родоначальников» революции в России.

Ольминский утверждал, что праздновать столетие не нужно:

Собираются праздновать столетний юбилей декабристов, собираются ставить им памятник и т. д. За что? Кто такие были декабристы? Это были помещики, которые обманом увлекли солдат на Сенатскую площадь и постыдно бросили их, когда царь начал этих солдат расстреливать. Это были представители чисто помещичьих интересов, которые заботились только о помещичьей выгоде. <...> И вот, что же мы будем праздновать в декабре 1925 года: 20-летие нашей первой пролетарской революции или же столетие обмана помещиками солдат? [3].

С Ольминским вступил в спор М.Н. Покровский, родоначальник советского декабристоведения, в 1923 г. – заместитель народного комиссара просвещения, влиятельный марксист, близкий

к Ленину. «Декабристы, – утверждал Покровский, – отнюдь не все были помещиками, обманно увлекшими солдат на Сенатскую площадь, а были в своей известной части... настоящими революционерами» [4 с. 20]. Противопоставляя умеренных участников Северного общества решительным южанам и членам Общества соединенных славян, Покровский считал, что они «дошли до той крайней грани революционности, которая возможна для непролетарских классов, которая возможна для буржуазии крупной и мелкой» [4 с. 20]. Столетие восстания, по его мнению, нужно отметить.

Кампания, проходившая в связи со столетием восстания, не была организована на государственном уровне: по крайней мере, никаких постановлений по этому поводу центральные партийные и государственные органы не принимали. Этот юбилей был для «вождей» не столь важен. Гораздо важнее оказалось празднование 20-летия революции 1905 года.

Соответственно советская пресса, с одной стороны, не могла не заметить юбилей восстания «первых русских революционеров», а с другой – разошлась в оценке деятельности участников тайных обществ. Предоставленные сами себе, историки и журналисты описывали декабристов в меру собственного понимания политического момента.

* * *

Большинство авторов, писавших в 1925 г. публицистические статьи о декабристах, в целом следовали концепции Покровского. При этом публицистов не смущали хорошо известные на тот момент факты: оба восстания – на Сенатской площади и под Киевом – потерпели поражение, северный «диктатор» С.П. Трубецкой с одинаковым основанием мог бы быть назван членом как Северного, так и Южного обществ, руководитель южного восстания С.И. Муравьев-Апостол принадлежал к богатому и знатному дворянскому роду, а «соединенные славяне» – за редким исключением – участия в конкретных восстаниях вообще не приняли.

Так, например, В. Плесков, автор статьи «Страничка прошлого. Декабристы», опубликованной в газетах «Беднота» и «Красная Татария», отзываясь о Южном обществе с куда большим уважением, чем о Северном. Причина этого кроется в нерадикальности позиции «северян», согласных на конституционную монархию – в сравнении с теми же «южанами», которые замыслили не только установление республики, но и царубийство. Подобные различия во взглядах автор объясняет разницей в социальном происхождении участников обоих обществ: «В Северном обществе было боль-

ше родовитого знатного дворянства, а в Южном членами состояли офицеры, происходившие из среднего дворянства, не столь знатного и родовитого» [5].

Газета «Гудок» также отчетливо противопоставляла Северное и Южное общества – утверждая, что разница в происхождении членов обоих обществ серьезно сказалась и на их программах, и на поведении в момент восстаний. В редакционной статье, опубликованной 25 декабря 1925 г., руководители Северного общества предстали «кучкой петербургских офицеров», неспособных «объяснить толком своим солдатам, в чем дело». Восстание же на Сенатской площади, по мнению автора статьи, состояло сплошь из упущенных возможностей. В отличие от северных заговорщиков, «южане» «были разбиты, но в бою» [6].

По мнению С.Я. Штрайха, автора очерка «О пяти повешенных», опубликованного одновременно в газете «Красная Татария» и журнале «Огонек», «славяне», бедные армейские офицеры, были «самым революционным элементом в среде заговорщиков». Тем не менее ни одно из обществ не было революционным по настоящему:

Плохая организованность руководителей заговора... недостаточное понимание целей и планов переворота со стороны народных масс не дали декабристам возможности использовать первоначальный испуг Николая Павловича и полную растерянность его окружения [7].

Впрочем, для Штрайха декабристы – «первомученики русской революции» [7].

Л. Войтоловский, автор опубликованной в журнале «Красная новь» большой публицистической статьи «Декабристы», пишет об «уступчивой» природе и «политическом младенчестве» участников Северного общества, больных «аристократической спесью». По мнению автора статьи, «северяне» «мечтали о революции с помощью бумажных приказов, без пролития крови и без значительных перемен» [8 с. 124–126]. Собственно, именно поэтому на площадь не вышли «диктатор» С.П. Трубецкой и главный организатор восстания К.Ф. Рылеев, из трех потенциальных царевичей на площадь пришел лишь П.Г. Каховский. Однако и «южане» недалеко ушли от петербургских заговорщиков: под кажущейся революционностью они скрывали затаенное недоверие к демократии.

Больше других Войтоловский уважал П.И. Пестеля, решительного сторонника диктатуры. Однако и Пестель не был для Войтоловского идеалом:

Цареубийственные планы с гильотинами, равенством и национализацией земли не помешали ему отстаивать чисто офицерскую революцию – безо всякого участия народа [8 с. 132].

Настоящие революционеры были опять-таки только в Обществе соединенных славян, «навербованном» из «молодого пехотного офицерства, весьма незаметного по своему служебному рангу, но уже с некоторыми революционными заслугами в прошлом». При этом Войтоловский был убежден, что «славяне» не боялись народа, напротив того, они надеялись на «всемощное содействие масс» [8 с. 133, 135, 137]. Трудно сказать, какие именно документы позволили автору столь высоко оценить революционный потенциал молодых армейских офицеров.

* * *

Обсуждение декабристской темы пошло на спад после того, как, выступая 26 декабря 1925 г. на II Всесоюзном съезде Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, на эту тему высказался Л.Д. Троцкий. Он утверждал:

Декабристы были первой попыткой дворянской интеллигенции, приобщившейся к истокам Великой Французской Революции, дать царизму отпор и пробить окно в Европу. <...> ...Мы полученный нами от Европы дар – революционную мысль – не принизили, не издержали: наоборот, мы ее обогатили опытом 1905 и 1917 годов и готовы теперь, с этим огромным наращением, поделиться ею с европейским пролетариатом [9 с. 105].

В конце 1925 г. Троцкий уже находился в конфликте со Сталиным; конфликт этот с годами только усилился. Высказывание опального организатора «мировой революции» на долгие годы определило официальный взгляд на декабристов: их не замечали и вовсе не считали «предками» большевиков. В 1928 г. Троцкий был сослан в Алма-Ату, а год спустя выслан из СССР. Статьи о декабристах стали уделом узких специалистов-историков и больше не вызывали острого общественного обсуждения.

Очередной «юбилей» – 110-летие со дня восстания – прошел практически незамеченным прессой. В конце 1930-х гг. о декабристах вспоминали прежде всего тогда, когда нужно было разоблачать «вульгарный» подход к истории «школы Покровского» (см., напр. [10 с. 313–329]).

Литература

1. Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 21. М.: Политиздат, 1968. С. 255–262.
2. Ленин В.И. Из прошлого рабочей печати в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 25. М.: Политиздат, 1969. С. 93–101.
3. Ольминский М.Н. Нужно ли праздновать юбилей декабристов? // Рабочая газета. 1923. 18 дек.
4. Покровский М.Н., Мицкевич С.И. Нужно ли праздновать юбилей декабристов? // Декабристы. 1825–1925: Сб. статей и материалов. М.: Молодая гвардия, 1925. С. 19–32.
5. Плесков В. Страничка прошлого. Декабристы // Беднота. 1925. 26 июля.
6. Столетие восстания декабристов // Гудок. 1925. 25 дек.
7. Штрайх С.Я. О пяти повешенных // Красная Татария. 1925. 25 дек.
8. Войтоволский Л. Декабристы. 1825 – 14 декабря – 1925 // Красная новь. 1925. X. Дек. С. 122–142.
9. Троцкий Л.Д. Через двадцать лет // Троцкий Л.Д. Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 2. Ч. 2. 447 с.
10. Нечкина М.В. Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. статей. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1939. Т. 1. С. 313–329.

References

1. Lenin VI. Herzen's Memory. Lenin VI. *Collected Works*. In 55 vols., 5th ed., Vol. 21. Moscow: Politizdat Publ.; 1968. P. 255-62. (In Russ.)
2. Lenin VI. From the past of the working press in Russia. Lenin VI. *Collected Works*. 5-th ed. In 55 vols. Vol. 25. Moscow: Politizdat Publ.; 1969. P. 93-101. (In Russ.)
3. Olminsky MN. Is it appropriate to celebrate the anniversary of the Decembrists? *Rabochaya gazeta*. 1923. 18 December.
4. Pokrovsky MN., Mitskevich SI. Is it appropriate to celebrate the anniversary of the Decembrists? *Dekabristy*. 1825–1925: Sb. statei i materialov. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.; 1925. P. 19–32.
5. Pleskov V. Page of the past. The Decemberists. *Bednota*. 1925. July 26.
6. The centennial of the Decembrist revolt. *Gudok*. 1925. December 25.
7. Straich SY. About the five hanged. *Krasnaya Tatariya*. 1925. December 25.
8. Voitovolskii L. Decembrists. 1825 – 14 Dec – 1925. *Krasnaya nov'*. 1925. X. December. P. 122-42.
9. Trotsky LD. In twenty years. Trotsky LD. *Collected works*. Moscow; Leningrad: Gosizdat Publ.; 1927. Vol. 2. Part 2. 447 p.
10. Nechkina MV. The revolt of the Decembrists in the concept of M.N. Pokrovsky. Collection of Articles. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR Publ.; 1939. Vol. 1. P. 313-29.

Информация об авторах

Дарья И. Булдакова, студент; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; darinbouldakova@yandex.ru

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Information about the authors

Dar'ya I. Buldakova, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; darinbouldakova@yandex.ru

Oksana O. Kiyanskaya, Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; bld. 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru

УДК 82.09

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-17-24

Пьеса Ю.К. Олеси «Список благодеяний»
в зеркале советской критики:
о статусе советской интеллигенции
в начале 1930-х гг.

Евгения В. Бродская

*Российский государственный гуманитарный университет,
eugenia.brodskaya@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается проблема интеллигенции и власти в 1930-х гг. на материале рецензии пьесы Ю.К. Олеси «Список благодеяний». В статье проанализированы рецензии советской критики, вышедшие на указанную пьесу. В статье показано, каким образом власть запускает механизм «перековки» интеллигенции (художников, поэтов, писателей), создавая из нее слой, который призван «обслуживать» государственный аппарат.

Ключевые слова: интеллигенция, советская власть, драматургия, перековка, советская журналистика, Ю.К. Олеша, советская литература

Для цитирования: Бродская Е.В. Пьеса Ю.К. Олеси «Список благодеяний» в зеркале советской критики: о статусе советской интеллигенции в начале 1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11(44). С. 17–24. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-17-24

“List of benefactions” a play by Jury Olesha
in the mirror of soviet criticism.
Status of the Soviet intelligentsia in the early 1930-s

Evgeniya V. Brodskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
eugenia.brodskaya@gmail.com*

Abstract. The paper deals with mutual attitude of intelligentsia and the soviet regime in the early 1930-s as it was reflected in a play “List of benefactions” by Jury Olesha. By the material of the soviet criticism reviews of this play it demonstrates the mechanism of “reforging” the intelligentsia (artists, poets, writers) into a social group destined to “service” the state apparatus.

Keywords: intelligentsia, Soviet regime, drama, “reforging”, Soviet journalism, Yury Olesha, Soviet literature

For citation: Brodskaya EV. “List of benefactions” a play by Jury Olesha in the mirror of soviet criticism. Status of the Soviet intelligentsia in the early 1930-s. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;11(44):17-24. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-17-24

Проблема взаимоотношений интеллигенции и революции, власти и народа волновала многих писателей в 1920–1930-е гг. Ю.К. Олеша заявляет в 1930 г.:

Мы, писатели-интеллигенты, должны писать о самих себе, должны разоблачать самих себя, свою интеллигентность. Нам, тридцатилетним, порою трудно посмотреть в лицо новому миру, и мы должны выработать в себе умение расставаться с «высокой» постановкой о своей личности [1].

Ю.К. Олеша был дружен с В.Э. Мейерхольдом и З.Н. Райх. На рубеже 1920–1930-х годов театр Мейерхольда переживал сложные времена: режиссер переругался со многими драматургами, а для постановки ему была «необходима живая пьеса» [2 с. 134]. В лице Олеша режиссер нашел «своего» автора. Олеша писал: «Будущим любителям мемуарной литературы сообщаю: замечательнейшим из людей, которых я знал в своей жизни, был Всеволод Мейерхольд. В 1929 году он заказал мне пьесу» [3 с. 25].

В октябре 1930 г. в рамках развернувшейся кампании по борьбе с «вредителями» журнал «Советский театр» публикует статью «Оружие искусства – против интервентов и вредителей», в которой представлена подборка выступлений на экстренном собрании работников искусства Москвы, состоявшемся 12 октября в Малом театре. Приходится выступать Мейерхольду (Советский театр. 1930. № 13/16), который вынужден говорить о «разоблачении вредителей... рассыпанных в громадном количестве по всем уголкам Советского Союза...» [цит. по: 3 с. 143].

Безусловно, все возрастающее давление советского официоза, атмосфера начала 1930-х годов влияет на замысел Олеси.

Фабула пьесы «Список благодеев» проста – актриса Елена Гончарова собирается в Париж, на гастроли. Она еще не знает, захочет ли там остаться или же вернется на родину. Елена (Леся) проговаривается подруге, что у нее есть секретная тетрадь, где она записывает «список преступлений» и «список благодеев» советской власти, и ее мятущаяся душа не в состоянии осознать: она «за» или «против» советской власти. Оказавшись в Париже, попав во всевозможные перипетии и увидев, что капиталистический мир подлее и хуже, а свобода на самом деле – несвобода, она выбирает советскую власть и революцию и погибает за нее на улицах Парижа.

В ноябре 1930 г. прокатывается волна демонстраций: трудящиеся требуют смертной казни вредителям (знаменитое дело Промпартии) [3 с. 147]. Мейерхольду и Олеше рекомендуют высказаться по этому поводу, тем более пьеса еще не прошла цензуру. Таким образом, в «Литературной газете» в ноябре появляется статья Олеси «В нашем словаре имеются и грозные слова» [3 с. 147].

В целом ситуация тяжелая, Ю.К. Олеса чувствует эту удушающую атмосферу и постепенно начинает отступать, как утверждает А.В. Белинков:

Из двух тем интеллигенция и революция и интеллигенция и после-революционное государство, – определивших борьбу Юрия Олеси, первая к началу 30-х годов оказалась исчерпанной, а вторая (как ее представлял писатель) не вполне желательной.

Еще возможный в эпоху «Зависти» конфликт поэта и общества становился также все более нежелательным. ...критики, которые созданы специально для того, чтобы точно формулировать, что именно необходимо читателям, все время настойчиво говорили об этом [1].

Первая рецензия на пьесу появляется в «Советском искусстве», где автор достаточно кратко сообщает потенциальному зрителю,

о чем пьеса, и берет интервью у Олеша, который сообщает, что это его последняя вещь об интеллигенции и далее он намерен переходить к другим темам. Автор констатирует, что основной замысел пьесы заключается в том, чтобы показать: «для советской интеллигенции нет иного пути – кроме как путь с пролетариатом» [4 с. 3].

Примерно через месяц после премьеры «Списка благодетней», 8 июля 1931 г., появляется рецензия на пьесу популярного критика Эм. Бескина, в которой тот пишет:

Олеша завершает в социально-эпигонствующих, хоть и ярких по выразительности формах исторический путь оскудевающего интеллигента посленароднического периода. Самым характерным для этой интеллигенции была ее раздвоенность, гамлетизм. Проклятое «быть или не быть» – куда, с кем. С одной стороны, традиционно-либеральный «бунт» против древнерусской силы, гнетущей «свободу» и «разум», с другой – боязнь оскала классовых зубов пролетариата, всякий раз, когда он выступал как историческая сила и ломал рационалистически-розовые схемы этой самой интеллигенции [3 с. 3].

Бескин придает некоторым фразам нарочито иронический оттенок, заключая слова типа «свобода» и «разум» в кавычки, будто дистанцируется от них [5 с. 3].

Интересно, что данная рецензия появилась только после того, как в «Литературной газете» выходит «Открытое письмо Ю. Олеше» А.П. Селивановского. «Литературная газета» имела вес в системе координат советской прессы и выражала официальную позицию писательского руководства, так что появление такого письма неслучайно, а Бескин просто «закрепляет» официальную позицию по отношению к пьесе Олеша, печатая отрицательный отзыв в «Советском искусстве».

Селивановский пишет, что Олеше нужно определиться с его отношением к социалистическому будущему:

Тут не академические споры происходят между сторонниками искусства – мировоззрения и активного воздействия на жизнь, и сторонниками искусства – чревательства, (*sic!*) тут классы столкнулись между собою в области искусства. С кем же вы, Олеша? [6 с. 3].

Намек более чем прозрачный. Нет ничего удивительного в том, что Олеша говорит в «Вишневой косточке»: «Я хватаю в себе самого себя... <...> Я хочу задавить в себе второе “я”, третье, и все “я”, которые выползают из прошлого. Я хочу уничтожить в себе мелкие чувства» [6 с. 3].

На диспуте «Художник и эпоха» 1932 г. Олеша уговаривает себя:

Я думаю, что класс делает искусство в союзе со временем все-таки. Я думаю, что моя писательская функция (моя лично – я как-то привык себя рассматривать одиноким среди попутчиков), моя линия – продумать вопросы искусства, для того, чтобы подготовить путь для грядущего пролетарского художника... [7 с. 271].

«Проблема» интеллигенции, которую власть обособила и уделяла ей все более пристальное внимание, приобретала в общественном сознании ярко выраженные черты. Еще в 1929 г. С. Динамов в журнале «На литературном посту» публикует подробную статью «К проблеме интеллигенции», где, в частности, отмечает выступление А.В. Луначарского в 1925 г. на диспуте «Судьбы современной интеллигенции». Луначарский говорил, что интеллигенцию считать классом никак нельзя, что она должна найти свое место между классами [8 с. 42]. Неудивительно, что относительно скоро возникает «Открытое письмо Ю. Олеше» Селивановского в «Литературной газете».

Поле, в котором Олеша мог жить и работать, стремительно сужается. Неслучайны здесь диспуты вроде «Художник и эпоха», собрания, где приходится выступать деятелям искусств, клеймя «вредителей» новой империи – Страны Советов. Власть постоянно объясняет художнику, как он должен создавать то или иное произведение искусства, какие чувства при этом должен испытывать, на что обращать внимание, на что не обращать внимания – за этим теперь пристально следит руководство страны. Неслучайно создаются институты, которые призваны оценивать, насколько художники «подходят» новообразовавшемуся государству, которое декларирует власть пролетариата. В советское время был принят своеобразный жанр оценки – «письма трудящихся» или выступления «человека труда» на очередном собрании, который буквально «ставил оценку» очередному писателю или режиссеру. И Олеше, и Мейерхольду, и другим режиссерам, музыкантам, художникам, писателям, поэтам – приходилось существовать в этом режиме каждый день.

Олеша начинает сдавать свои позиции. В советской прессе происходит усиленное наступление на Олешу, будто критики сговорились «перевоспитать» писателя, который смел произносить то, что думает. Рецензия в «Комсомольской правде» появилась вслед за статьей в «Советском искусстве». В ней отчетливо слышна

позиция превосходства автора над Олешей и гордость – вот он, рецензент, смог увидеть то, что недоступно было самому писателю и драматургу, и то, что обязательно надо объяснить зрителю.

Автор статьи, Уриэль, подчеркивает, что, несмотря на все попытки, Олеша никогда не будет «с пролетариатом», потому что тоскует по ушедшему прошлому и даже герои у него смотрят все время в прошлое. Да, Гончарова раздваивается и мечется, но это свойство интеллигента в принципе – у нормального пролетария не может быть никаких раздвоений, поэтому все, что остается Олеше – это убить свою героиню:

Он казнит ее как советский патриот, но он не дискредитирует, не разоблачает круг порочных идей Гончаровой. «Заговор чувств» и идеи старого мира не разбиваются драматургом без остатка [9 с. 3].

Уриэль хвалит режиссуру Мейерхольда, заостряя внимание читателя на том, что особое внимание Мейерхольд уделяет классовой борьбе. Однако автор не забывает покритиковать режиссера: Мейерхольд слишком любит западную музыку. Олеша же назван самым ближним из «попутнических драматургов» [9 с. 3], что в данном контексте напоминает скорее неодобрение, чем признание.

Жестче выступают критики в газете «Вечерняя Москва». Один из рецензентов прямо обвиняет Олешу в том, что тот «неправильно поставил вопрос об интеллигенции... и слишком широко обобщил проблему, как всякий большой художник» [10 с. 3]. На драматурга оказывается давление, но под маской дружеского участия. Рецензенты дружно критикуют Олешу, но общая тональность примерно следующая: надо показать писателю, как правильно писать. Журналисты явно присваивают себе больше прав в этом вопросе, чем писателю. Правда, сам Олеша прекрасно это считывает:

Пролетариату совершенно не нужно то, что мы называем интеллигентностью. Интеллигентностью в смысле достижения высот вкуса, понимания искусства, оттенков мыслей, недомолвок, душевных перемигиваний с равными себе. Ничего общего нет у пролетариата с так называемой нашей тонкостью. Это все – барское [11 с. 5].

Подобные рецензии вынуждают Олешу отступать. Вышедшие статьи показывают, что, будучи нацелены на широкую аудиторию, они искусственным образом формировали «общественное мнение», так как обратной связи – то есть официально озвученного мнения зрителя – не было.

Литература

1. *Белинков А.В.* Сдача и гибель советского интеллигента: Юрий Олеша. [Электронный ресурс]. М.: РИК Культура, 1997. 539 с. URL: http://modernlib.net/books/belinkov_arkadiy/sdacha_i_gibel_sovetskogo_intelligenta_yuriy_olesha/read (дата обращения 15 мая 2018).
2. *Олеша Ю.К.* Книга прощания / Сост. и предисл. В. Гудковой. М.: Вагриус, 1999. 480 с.
3. *Гудкова В.Ю.* Олеша и Вс. Мейерхольд в работе над спектаклем «Список благодарений». М.: Новое литературное обозрение, 2002. 608 с.
4. *Крути И.* «Список благодарений»: Театр им. Вс. Мейерхольда // Советское искусство. 1931. 3 июня. № 28. С. 3.
5. *Бескин Эм.* О флейте Олеша и нетленных мощах Гамлета // Советское искусство. 1931. 8 июля. № 35 (107). С. 3.
6. *Селивановский А.* Открытое письмо Юрию Олеше // Литературная газета. 1931. 30 июня. С. 3.
7. *Олеша Ю.К.* Пьесы. Статьи о театре и драматургии. М.: Искусство, 1968. 395 с.
8. *Динамов С.* К проблеме интеллигенции // На литературном посту. 1929. Январь. № 1. С. 42.
9. *Уриэль.* «Список благодарений» // Комсомольская правда. 1931. 16 июня. С. 3.
10. *Залесский В.* Спектакль-предостережение для театра и автора: «Список благодарений» в ГосТИМе // Вечерняя Москва. 1931. 12 июня. № 139. С. 3.
11. *Олеша Ю.К.* Тема интеллигента // Стройка. Ленинград. 1930. 31 марта. С. 5.

References

1. Belinkov AV. The surrender and death of the Soviet intellectual. Yuri Olesha. [Internet] Moscow: RIK Kul'tura Publ.; 1997. 539 p. (data obrashcheniya 15 may 2018) URL: http://modernlib.net/books/belinkov_arkadiy/sdacha_i_gibel_sovetskogo_intelligenta_yuriy_olesha/read (In Russ.)
2. Olesha YuK. The book of farewells / Compilation and introduction by V. Gudkova. Moscow: Vagrius Publ.; 1999. 480 p. (In Russ.)
3. Gudkova VYu. Olesha and Vs. Meyerhold working on the play "List of Benefactions". Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2002. 608 p. (In Russ.)
4. Kruti I. "List of Benefactions". Vs. Meyerhold Theater. *Sovetskoe iskusstvo*. 1931. June 3. P. 3. (In Russ.)
5. Beskin Em. On Olesha flute and imperishable relics of Hamlet. *Sovetskoe iskusstvo*. 1931 July 8. P. 3. (In Russ.)
6. Selivanovsky A. An open letter to Yuri Olesha. *Literaturnaya gazeta*. 1931. June 30. P. 3. (In Russ.)
7. Olesha YuK. Plays. Articles on theater and drama. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1968. 395 p. (In Russ.)

8. Dinamov S. Towards an issue of the intelligentsia. *Na literaturnom postu*. 1929. January; 1:42. (In Russ.)
9. Uriel. "List of Benefactions". *Komsomol'skaya pravda*. 1931. June 16. P. 3. (In Russ.)
10. Zalessky V. Performance-warning for the theater and the author: "List of Benefactions" in GosTIme. *Vechernyaya Moskva*. 1931. June 12. № 139. P. 3. (In Russ.)
11. Olesha YuK. Theme of the intellectual. *Stroika*. Leningrad. 1930. March 31. P. 5. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгения В. Бродская, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; 4erda4ok@gmail.com

Information about the author

Evgeniya V. Brodskaya, PhD in Philology, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; 4erda4ok@gmail.com

УДК 82.09

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-25-30

Мемуарная проза А.Б. Мариенгофа в зеркале редакционной критики

Дарья Р. Муртазина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Murtazina.dasha@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу отзывов советских редакций на предложенные А.Б. Мариенгофом воспоминания о литературной жизни 1920–1930-х годов. Автор описывает перипетии подготовки рукописи мемуаров к публикациям, а затем ее издания.

Ключевые слова: С. Есенин, А. Мариенгоф, И. Сталин, Е. Фурцева, Книготорг

Для цитирования: Муртазина Д.Р. Мемуарная проза А.Б. Мариенгофа в зеркале редакционной критики // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 25–30. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-25-30

A. Marienhof's memoirs in editorial criticism

Dar'ya R. Murtazina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Murtazina.dasha@gmail.com*

Abstract. The research focuses on the criticisms expressed by some Soviet editorial boards over A. Marienhof's memoirs about Soviet literature life of the 1920s and 1930s. The vicissitudes of their pre-publication and publication are highlighted.

Keywords: S. Esenin, A. Marienhof, J. Stalin, E. Furtseva, Knigotorg

For citation: Murtazina DR. A. Marienhof's memoirs in editorial criticism. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;11(44):25-30. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-25-30

© Муртазина Д.Р., 2018

Поэт, драматург и прозаик А.Б. Мариенгоф в историю литературы вошел как представитель и своего рода хронист группы имажинистов. Такая репутация сформировалась благодаря впервые опубликованной в 1927 г. и до сих пор самой популярной его мемуарной книге – «Роман без вранья» [1].

Пользуясь более поздней терминологией, можно сказать, что «Роман без вранья» сразу же стал бестселлером. Однако этому способствовали не только литературное дарование автора и популярность главного героя – лидера имажинистов С.А. Есенина.

На книгу и ее автора обрушился буквально шквал ярости критиков. Если верить их обвинениям, Мариенгоф оклеветал не только Есенина, но и советскую литературу в целом, сведя повествование о всесоюзно известном поэте к новеллам из божественной жизни [2].

Такая реакция вполне объяснима. Прежде всего, слишком откровенно живописал мемуарист имажинистскую безбедную жизнь в период Гражданской войны и послевоенной разрухи. Да и к Есенину у советских идеологов было уже немало претензий [3].

Мариенгофу их тоже предъявили – как есенинскому апологету. Он для большинства современников остался автором скандальных мемуаров, что немало препятствовало его публикациям в дальнейшем.

Как известно, ситуация такой и оставалась до смерти И.В. Сталина. Затем постепенно менялись официальные оценки имажинизма, всех имажинистов, а главное – имажинистского лидера.

Мариенгоф написал еще несколько мемуарных книг, пытался опубликовать их. Однако – не удалось.

Ему мешала известность автора скандальных мемуаров. Так, В.В. Ермилов опубликовал 3 июня 1954 г. статью в «Правде», где сказано, что в произведениях Мариенгофа и в «Романе без вранья» «под видом сатиры протаскивается не что иное как декаданс» [4].

По тому времени – политическое обвинение. Чуть ли не приговор.

Мариенгоф же по-прежнему работал над другими мемуарными книгами. Так, из крымского санатория 25 июня 1957 г. отправил жене открытку, где сообщал, что санаторная массажистка попросила у него «Роман без вранья»:

– Нет! – говорю. Не верит. Предлагаю: – Вот, говорю, – я Вам подарю новенькую книжку. С нежной подписью. – Никакого интереса. Подавай ей «Роман без вранья» да и только! Видно так к праотцам и отправлюсь под знаменем этого великого произведения (РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 40).

В 1957 г. Мариенгоф предоставил Ленинградскому отделению издательства «Советский писатель» рукопись мемуаров. И началась борьба за издание.

Ее перипетии отражают хранящиеся в РГАЛИ выписки из протоколов заседаний Ленинградского отделения Союза писателей СССР. Так, 12 декабря 1957 г. планировалось издание хотя бы фрагментов воспоминаний в книге «Избранное», куда должны были войти еще стихи и пьесы Мариенгофа, но 17 апреля 1958 г. принято другое решение: мемуары изъять вообще (РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 88).

Издатели обычно ссылались на мнения представителей так называемого Книготорга, т. е. Всесоюзного объединения книжной торговли. Некоторым ее сотрудникам были даны права цензоров. С ними Мариенгоф и полемизировал – официально.

В 1961 г. отправил письмо Е.А. Фурцевой, возглавлявшей Министерство культуры СССР. Мариенгоф заявил, что представители Книготорга требуют «однородности» изданий, т. е. туда включать надлежит либо только стихи, либо только пьесы и т. д. Но однотомник – литературный портрет автора, значит, алогично требование оставить изображение «только носа писателя, одного глаза или одного уха» (РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 88).

Трудно судить, оценила ли Фурцева шутку. В издательстве «Советский писатель» рукописи Мариенгофа по-прежнему оставались, но сроки публикации не уточнялись (РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 42).

Наконец, И.К. Авраменко, в ту пору возглавлявший редакцию Ленинградского отделения издательства «Советский писатель», решил подготовить выпуск залежавшихся рукописей. Что и поручил новому редактору – известному литературоведу А.Л. Дымшицу.

Сохранилась переписка Мариенгофа с Дымшицем. Дымшиц старался, чтобы новое издание не походило на «Роман без вранья».

В силу такой установки редактор требовал изъять общие сюжетные линии. А еще намекал, что неуместны рассказы о знакомых мемуариста, осужденных либо вовсе без суда уничтоженных в сталинскую эпоху. Суть намеков позволял уяснить перечень нежелательных имен. К примеру, В.Э. Мейерхольд, З.Н. Райх, С.В. Громан (РГАЛИ. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 70).

Разумеется, немыслимыми тогда были упоминания о Л.Д. Троцком. Аналогично – о Н.И. Бухарине.

Неуместными счел редактор и характеристики известных ученых, современников мемуариста: П.Н. Сакулина и П.С. Когана. Worse же неприемлемым – сказанное о деятельности народного

комиссара по просвещению А.В. Луначарского (РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 51).

Измененную рукопись неоднократно отправляли на так называемое внутреннее рецензирование. Оценки давали литераторы, чьи рецензии не публиковало, но оплачивало издательство.

Можно сказать, что особо свирепствовал Н.П. Луговцев. По его словам, «Роман без вранья» – «книга практически не существующая в наши дни, книга очень плохая и ошибочная» (РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 51).

По Луговцеву, ошибки были идеологическими. В рецензии акцентируется:

Вот так с первой страницы А. Мариенгофу вспоминаются третьестепенные мелочи, различные несурезицы, скандалы и т. п., а то ценное, чему он был свидетелем в жизни, чем исключительно богат его век он как-то позабыл вспомнить (РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 92).

Авраменко вполне солидаризовался с Луговцевым. Также и Дымшиц.

Но были и доброжелательные рецензенты. Писатели, драматурги, литературоведы. Например, Ю.П. Герман, Е.Л. Шварц, Б.М. Эйхембаум. Они доказывали, что вполне уместна публикация книги «Мой век, мои друзья и подруги» [5 с. 13–14].

Сочувствовал мемуаристу и театровед Д.И. Золотницкий. Он тоже был редактором книги, но, в отличие от других, пытался ускорить издание.

В письме Золотницкий рассказывал Мариенгофу, что объективно книгу оценят читатели независимые. Приводил и пример. Так, дочь редактора, девятиклассница, прочла рукопись и потом рассказала об этом в литературном кружке, «ребята завопили от зависти и дали ей комсомольское поручение: выкрасть у отца Вашу рукопись и передать ее в кружок» (РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 53).

Но Золотницкий среди редакторов Мариенгофа – исключение. Прочие оказались гораздо более осторожными. Количество их требований росло.

Мариенгоф соглашался вносить исправления и сокращения, но к ним работа не сводилась. По сути, требовалось заново книгу написать. Так что издания мемуарист не дождался.

Прошло менее трех лет после смерти Мариенгофа, и в 1965 г. коллегам писателя все же удалось опубликовать своего рода коллаж отрывков из его мемуаров. Под заголовком «Роман с друзьями» напечатан он в журнале «Октябрь» [6].

Редакционное предисловие – почти нейтральное. Без прежней ругани. Но – и только.

Полностью же мемуарные книги Мариенгофа были изданы почти четверть века спустя. И переизданы неоднократно.

Источники

1. РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 40.
2. РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 88.
3. РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 42.
4. РГАЛИ. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 70.
5. РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 51.
6. РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 92
7. РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 53.

Литература

1. *Мариенгоф А.Б.* Роман без вранья. Л.: Прибой, 1927.
2. *Аверин Б.В.* Проза Мариенгофа // Мариенгоф А. Роман без вранья; Циники; Мой век, мои друзья и подруги. Л.: Худож. лит., 1988. С. 473–479.
3. *Фельдман Д.М.* История «бакланки»: поэты, функционеры и советский уголовный кодекс // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 116–133.
4. *Ермилов В.* За социалистический реализм // Правда. 1954. 3 июня.
5. Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова: Сборник / Вступ. ст., коммент. С.В. Шумихина. М.: Московский рабочий, 1990. 734 с.
6. *Мариенгоф А.Б.* Роман с друзьями / [Предисл. ред.] // Октябрь. 1965. № 10. С. 83–126; № 11. С. 79–98.

References

1. Marienhof AB. A novel without lies. Leningrad: Priboi Publ.; 1927.
2. Averin BV. Marienhof's prose. Marienhof AB. *A novel without lies; The cynics; My century, my friends and girlfriends*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ.; 1988. P. 473-79.
3. Feldman DM. The history of "baklanka". Poets, functionaries and the Soviet criminal code. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011. № 108. P. 116-33.
4. Ermilov V. For socialist realism. *Pravda*. 3 June, 1954.

5. My century, my friends and girlfriends. Memoires by Marienhof, Shershenevich, Gruzinov. Collected works / Introduction and notes by SV. Shumikhin. Moscow: Moskovskii rabochii Publ.; 1990. 734 p.
6. Marienhof AV. A novel with friends [Preface by the editor]. *Oktjabr'*. 1965;10:83-126; 11:79-98.

Информация об авторе

Дарья Р. Муртазина, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *Murtazina.dasha@gmail.com*

Information about the author

Dar'ya R. Murtazina, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *Murtazina.dasha@gmail.com*

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-31-41

К истории альманаха «Метрополь»

Юрий Г. Бит-Юнан

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bityunan@gmail.com*

Давид М. Фельдман

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства публикации литературного альманаха «Метрополь». Доказывается, что инициатива была изначально санкционирована партийным руководством страны как символ предстоящей либерализации режима, однако позже был выбран иной вариант, обусловленный подготовкой советского вторжения в Афганистан.

Ключевые слова: «Метрополь», В.В. Ерофеев, В.П. Аксенов, «бульдозерная» выставка, СП СССР, советская пресса

Для цитирования: Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М. К истории альманаха «Метрополь» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 31–41. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-31-41

On the history of the almanac “Metropol”

Yury G. Bit-Yunan

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
bityunan@gmail.com*

David M. Feldman

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dmfeld@inbox.ru*

Abstract. The circumstances of the literary almanac “Metropol” being published in the USSR are researched. The scholars provide some evidence that the project was sanctioned by the Soviet administration and intended to

serve a sign of the forthcoming liberalization. However, later another option was chosen due to the preparation of the Soviet invasion of Afganistan in 1979.

Keywords: “Metropol’”, V.V. Erofeev, V.P. Aksyonov, “bulldozer” exhibition, Soviet Writers’ Union, Soviet press

For citation: Bit-Yunan YuG., Feldman DM. On the history of the almanac “Metropol’”. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;11(44):31-41. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-31-41

Вопреки опыту

Судя по опубликованным воспоминаниям «метропольцев», группа литераторов решила издать безцензурный альманах в СССР и за границей. Оформленные художниками материалы были уже макетированы, т. е. подготовлены к тиражированию, когда вмешались литературные функционеры. Но инициаторам акции удалось – через знакомых иностранцев – передать два макета книги в Нью-Йорк. Там она в 1979 г. и напечатана впервые – репринтно. Двух участников подготовки исключили из Союза писателей, а еще три добровольно вышли из этой организации.

Более десяти лет минуло, прежде чем альманах был опубликован на родине составителей. Это стало их триумфом.

«Метропольский» скандал на исходе 1970-х гг. – символ расправы с инакомыслящими. Однако сама идея – силами группы литераторов составить альманах – после смерти И.В. Сталина новой не считалась.

Так, альманах «Литературная Москва», опубликованный накануне XX съезда КПСС, не контролировался руководством ССП. И читательский успех был велик. А вот литературные функционеры реагировали агрессивно: дошло и до политических обвинений, что обусловило ликвидацию издания после выпуска второго номера [1].

Да, альманах был официально разрешен Отделом печати ЦК КПСС. Его издание обозначало перемены, декларированные Н.С. Хрущевым, пресловутую «оттепель». Потому директор издательства «Художественная литература» поддержал инициативу. Но литературные функционеры отстаивали принцип централизации управления [2 с. 118–120].

Они доказали, что попытки нарушить принцип централизации будут пресечены. Но и партийные функционеры свою задачу ре-

шили: в СССР и за границей альманах восприняли как признак «оттепели».

Инициатором подготовки еще одного не контролируемого руководством ССП альманаха стал в начале 1960-х гг. К.Г. Паустовский. Он почти безвыездно жил в Тарусе, и авторитет советского классика считался непререкаемым [см. об этом, напр., 3]. Директор областного издательства поддержал инициативу, убедил и местное партийное руководство. Однако выпуск альманаха «Тарусские страницы» прекращен руководством ССП на первом же номере.

Взыскание получили директор издательства и заведующий отделом идеологии областного комитета партии. Это стало карой и для инициатора: пострадали те, кто помогал ему.

Урок был усвоен. А в октябре 1964 г. Л.И. Брежнев возглавил ЦК КПСС. Новая эпоха началась, четверть века спустя ее официально именовали «застоем».

Термин и ныне популярен. «Застой» противопоставляют «оттепели» и эпохе, ассоциировавшейся с деятельностью возглавившего в 1985 г. ЦК КПСС М.С. Горбачева. Так называемой перестройке.

Но в 1977 г., когда В.П. Аксенов и В.В. Ерофеев решили выпустить «Метрополь», до «перестройки» далеко, «разгар застоя».

Аксенов тогда – литератор с двадцатилетним стажем. Ерофеев моложе, он только что принят в ССП. Но оба, зная историю «оттепельных» альманахов, решили готовить новый, да еще и безцензурный.

Присоединись к ним те, кого не печатали вовсе или почти, это еще можно было бы понять. Однако участниками проекта стали знаменитости: Б.А. Ахмадулина, А.Г. Битов, А.А. Вознесенский, Ф.А. Искандер.

Между строк и построчно

История «Метрополя» интерпретируется как борьба сил добра и зла. Это противоречит актуальному тогда политическому контексту.

К началу 1970-х гг. многое изменилось в силу такого фактора, как «разрядка международной напряженности». Советское правительство было вынуждено считаться с мнением иностранных организаций, декларировавших в качестве цели «защиту прав человека».

Первыми воспользовалась переменами художники. Они были в ситуации, функционально сходной с литераторской.

Выставки живописи и графики тотально контролировал Союз художников. И любая продажа картин или рисунков вне его контроля считалась нелегальной, что подразумевало уголовную ответственность.

Не состоявших в СХ такой контроль лишал источников дохода. «Разрядка» позволяла надеяться, что негласные запреты можно обойти. Группа инициаторов, которых за границей именовали авангардистами, подготовила пригласительные билеты, а затем официально известила Моссовет, что 15 сентября 1974 г. состоится «просмотр картин на открытом воздухе» [см. подробнее 4, 5].

Для вернисажей использовались обычно помещения, которые предоставлялись с разрешения СХ, «авангардисты» же выбрали пустырь на перекрестке двух улиц. Официальное уведомление понадобилось, чтобы Моссовет пресек инициативу.

Как известно, с началом выставки на пустырь съехались бульдозеры, самосвалы, экскаваторы, грузовики. Собравшимся объявили: Моссовет давно планировал разбить здесь газоны и посадить деревья. Затем машины двинулись, сметая попуитры. А прибывшая тут же группа неизвестных, именовавших себя рабочими, уничтожала картины.

Расчет инициаторов выставки был точен. Она получила международную известность как «бульдозерная».

Участники стали знаменитыми. Отношение к ним советских официальных инстанций рассматривалось правозащитными организациями как индикатор «разрядки».

В итоге «авангардистам» разрешили легализоваться как «группе» при Московском отделении СХ. Для выставок им выделили подвал в доме на Малой Грузинской улице. Но хоть так.

Литераторы усвоили алгоритм. Например, Ерофеев на исходе 1980-х гг. заявил: «“МетрОполь” был попыткой борьбы с застоем в условиях застоя» [6].

К моменту публикации этой статьи Ерофеев победителем считался. По его словам, на исходе 1977 г. он решил устроить «“бульдозерную” выставку литературы, объединив вокруг самодельного альманаха и признанных и молодых порядочных литераторов» [6].

Вот здесь и проговорился. Если упомянута «“бульдозерная” выставка», значит, планировалось соблюдать лишь формально установленные правила, нарушая при этом правила неписанные.

Согласно Ерофееву, план сразу принял Аксенов. Заявил, что «это будет альманах “отверженной литературы”, который издадим здесь».

Однако Ерофеев не объяснил, почему он и Аксенов решили, будто альманах удастся напечатать «здесь» – в СССР. Вопрос и ныне за рамками обсуждения.

Не ответил на него, к примеру, «метрополец» Е.А. Попов. Он – вместе с А.А. Кабаковым – подготовил книгу воспоминаний о самом известном инициаторе скандального проекта [7].

Попов и Кабаков – в диалогах – создавали некое подобие биографии Аксенова. Весьма просторная глава отведена в ней истории «Метрополя» [7 с. 153–179].

Можно сказать, что Попов интерпретировал версию Ерофеева. Упомянув «бульдозерную» выставку, сказал, что «Метрополь» был «последней попыткой договориться с властями».

Но если Аксенов, Ерофеев и Попов собирались «договориться», то скандал не планировался. А раз уж образец «бульдозерный», значит, скандалить и намеревались.

Поэтому уместны два вопроса. Первый – когда собрались «договориться». Второй соответственно, почему изменился план.

Реальность и формальности

Согласно воспоминаниям Ерофеева, каждый экземпляр «Метрополя» – около тысячи машинописных страниц, наклеенных по четыре на лист ватмана. Плюс рисунки.

Таков был макет альманаха. Его разработали известные театральные художники – Д.Л. Боровский и Б.А. Мессерер.

Макет получился увесистым – килограммов тридцать-сорок. Ерофеев отметил: «Один экземпляр собирались предложить Госкомиздату, другой – ВААПу. Для издания здесь и за рубежом».

Госкомиздат, т. е. Государственный комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли СССР, не был издающей организацией, но курировал издательства. Предложить ему выпустить книгу – все равно что обратиться за медицинской помощью сразу в Министерство здравоохранения СССР, игнорируя все поликлиники и больницы.

ВААП, т. е. Всесоюзное агентство по авторским правам, заключало договоры с зарубежными издателями на перевод и тиражирование уже опубликованного в стране. «Предложить» ему издать «Метрополь» – все равно что попросить цензора санкционировать публикацию заведомой крамолы.

Еще один макет доставили руководству ССП. Но только для осведомления. Ерофеев подчеркнул, что такой принцип и огово-

рили инициаторы «в предисловии: “Может быть издан типографским способом только в данном составе. Никакие добавления и купюры не разрешаются”. Это требование особенно взбесило наших оппонентов».

Согласно Ерофееву, еще более «взбесила» писательское руководство подготовка к презентации макета. Изначально «было задумано так: мы устраиваем вернисаж “МетроПоля”, то есть знакомим с ним публику. Сняли помещение. Праздник должен был состояться в кафе “Ритм” возле Миусской площади. Пригласили человек триста».

Разумеется, о подготовке узнали и литературные функционеры. Они, по словам Ерофеева, испугались, что известие распространят иностранные радиостанции, вещавшие для СССР: «Голос Америки», «Голос Израиля», «Свобода», «Немецкая волна» и т. д. Ну а «потом выйдет книга на Западе. “Предупреждаю вас, – заявил председатель собрания Ф. Кузнецов, – если альманах выйдет на Западе, мы от вас никаких покаяний не примем”».

Ф.Ф. Кузнецов был в ту пору известным критиком и литературоведом. Официальный статус – «первый секретарь правления Московской писательской организации Союза писателей СССР».

Понятно, что Кузнецову и надлежало пресекать «метропольскую» инициативу. Странно другое: за дело он взялся с большим опозданием.

Около года подготовка альманаха продолжалась, а Кузнецов ей не препятствовал. При этом не мог не узнать в первый же месяц о планах, обсуждаемых «метропольцами» прямо за ресторанными столами Центрального дома литераторов.

В том же здании – кабинеты писательских начальников. Функционеры отнюдь не пренебрегали кухней, славившейся на всю Москву. Было кому рассказать Кузнецову о крамольной инициативе. Да он и сам нередко посещал ресторан ЦДЛ. А «метропольцам» не мешал.

Объяснение здесь одно. Была договоренность – «Метропольскую» инициативу санкционировали в ЦК КПСС. Гарантом и стал высокопоставленный литературный функционер. Удалась бы затея – получил бы известность, как, допустим, В.П. Катаев, первый редактор «оттепельного» журнала «Юность».

Но изменилась ситуация. Шла подготовка советского вторжения в Афганистан, что обусловило бы окончание «разрядки». И Кузнецов получил указание пресечь инициативу. Тогда и планы «метропольских организаторов» стали иными.

«Вернисаж» обозначил рубеж. Заказанное кафе администрация объявила закрытым. Не помогло: среди приглашенных – иностранные журналисты. Согласно Попову, «вечером того дня все “голоса” уже трубят о преследованиях писателей в СССР».

Да, попытка устроить «вернисаж» не противоречила законам. Неписанные правила были нарушены, а их соблюдение контролировал СП, где «метропольские» организаторы состояли. Они не могли не предвидеть, как будет пресечена инициатива. Вот и аналогия с «бульдозерной» выставкой.

Акция и реакция

Скандал получил международную известность. Но и руководство ССП должно было реагировать. 9 февраля 1979 г. в газете «Московский литератор» опубликована кузнецовская статья «Конфуз с “Метрополем”» [8].

По Кузнецову, не было литературного события. Он утверждал: «Водевильная история эта с самого начала была замешана на лжи».

В чем ложь заключалась – пояснил. Согласно Кузнецову, «метропольские» организаторы подходили

к крупному или не очень крупному писателю и, отведя в сторонку, спрашивали: «Нет ли у вас чего-нибудь такого... что когда-нибудь куда-нибудь не пошло?..» – «А зачем?» – «Да мы тут литературный сборник замышляем, в ВААП думаем предложить...» [8].

Но если так говорили, значит, *была* санкция. Проверить мог каждый приглашенный, стоило посетить кабинет любого функционера в здании ЦДЛ. Кузнецов же настаивал, что «метропольцы» лукавили:

Заботой о литературе объяснили эту затею ее организаторы (В. Аксенов, А. Битов, Ф. Искандер, В. Ерофеев, Е. Попов и др.) и секретариату правления Московской писательской организации, и всем остальным [8].

По Кузнецову, заботы не было. Если б заботились, обратились бы

в родную писательскую организацию с интересным начинанием, попросили творчески обсудить его, чтобы отобрать все действительно ценное, что по недоразумению не попало на журнальные

или книжные страницы, подготовить предисловие, начинающееся процитированными только что словами – и в путь! В любое ответственное издательство [8].

Тут Кузнецов и проговорился. Он ведь о цензуре и рассуждал. Далее – политические инвективы:

Не успели составители дать клятвенное заверение в чистоте своих намерений, заверить своих товарищей по организации, что альманах не отправлен за рубеж, что буржуазные корреспонденты ничего не знают о нем, как буквально на следующий же день на Западе началась пропагандистская шумиха вокруг «Метрополя» [8].

Ерофеев утверждал, что изначально такое не предусматривалось. «Метропольцы» лишь

отослали – через знакомых, которые с огромным риском для себя взялись вывезти альманах за границу, – два экземпляра во Францию и Америку, но не для того, чтобы печатать, а на сохранение, и в этом оказались предусмотрительны [6].

Однако сам же Ерофеев рассказывал о солидном размере и немалом весе каждого макета – в одиночку не унести. А ведь предстояло два экземпляра *незаметно* передать иностранцам. Значит, отправка была подготовлена *не после* «скандала», а до.

Неудавшийся компромисс

Судя по цитируемой статье, «метропольцы» полагали, что из ССП их не исключат. Но, как Ерофеев отметил, его и Попова исключили заочно. Аксенов обратился к участникам проекта с просьбой о поддержке.

Успеха добился. Как вспоминал Ерофеев, несколько участников «написали письмо протеста: если нас не восстановят, они все выйдут из Союза».

Была и другая поддержка. Ерофеев отметил:

12 августа 1979 года «Нью-Йорк таймс» опубликовала телеграмму американских писателей в Союз писателей СССР. К. Воннегут, У. Стайрон, Дж. Апдайк (по приглашению Аксенова участвовавший в альманахе), А. Миллер, Э. Олби выступили в нашу защиту. Они

требовали восстановить нас в Союзе писателей, в противном случае отказывались печататься в СССР [6].

Ответил Кузнецов. 19 сентября 1979 г. «Литературная газета» опубликовала статью «О чем шум?» [9].

Следовало из статьи, что вопрос об исключении не решен. Действительно, с Ерофеевым и Поповым вели переговоры о так называемом восстановлении.

Функционеры отступили. Однако Ерофеев подчеркнул, что они «получили сначала одно указание свыше, а после другое».

Последняя консультация с Отделом печати ЦК партии состоялась вечером 20 декабря 1979 г. На следующий день – собрание. Ерофеева, по его словам, тогда «спросили: считаете ли вы, что участвовали в антисоветской акции? Я понял – шьется дело: участие в антисоветской акции – это 70-я статья, а не прием в Союз писателей».

Имелась в виду статья 70 УК РСФСР. Там речь шла об антисоветской пропаганде. Резолюция собрания – экспертное заключение для суда. Однако такой вариант был лишь обозначен.

Непредвиденные изменения

21 декабря 1979 г. собрание подтвердило: Ерофеев и Попов исключены из ССП. На следующий день Аксенов заявил, что выходит из этой организации.

Но примеру его последовали только И.Л. Лиснянская и С.И. Липкин. Другие промолчали.

Ерофеев попытался объяснить такой результат. Утверждал, что он и Попов «написали письмо друзьям с призывом не выходить из Союза, не обнажать левого фланга литературы. Битов, Искандер и Ахмадулина нас послушались».

Но в «письме» нужды не было, все жили в столице, у каждого – домашний телефон. Документ адресован иностранным журналистам. Кстати, Ерофеев – в другой публикации той же статьи – характеризовал решение «друзей» иронически: «Битов, Искандер и Ахмадулина нас *осмотрительно* послушались (курсив наш. – Ю. Б-Ю., Д. Ф.)» [10].

Скандал все равно был громкий. Что и предотвратило другие карательные меры.

Аксенов получил вскоре приглашение одного из университетов США – преподавать русскую литературу. Командировку

разрешили на два года, однако выехавший был лишен советского гражданства. Стал американским профессором, книги публиковал. Печатались за границей Ерофеев, Попов, Липкин и Лиснянская, хотя угроза привлечения к уголовной ответственности оставалась актуальной – до «перестройки». Итогом же стала «мифологическая» история о борьбе сил добра и зла.

Но изначально ориентировались «метропольцы»-организаторы на «разрядку». И получили заверения в поддержке. Международный олимпийский комитет уже выбрал тогда Москву для проведения Олимпиады-80, «голоса» передавали, что брежневскому окружению все труднее скрывать болезнь генсека [см., напр., 11 с. 150–174].

Знаком либерализации в СССР мог бы стать «Метрополь». Однако в Политбюро ЦК партии выбрали иной вариант. Началось вторжение в Афганистан.

Литература

1. *Казакевич Л.Э.* Об альманахе «Литературная Москва», и не только // Мы здесь. [Электронный ресурс]. 2012. URL: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=5299> (дата обращения 24 ноября 2017).
2. *Казакевич Э.Г.* Слушая время. Дневники, записные книжки, письма / Вступ. ст. Л.А. Гладковской. М.: Советский писатель, 1990. 525 с.
3. *Измайлов А.Ф.* Наедине с Паустовским: К.Г. Паустовский – прозаик, публицист, критик, драматург. Л.: Наука, 1990. 134 с.
4. *Агамов-Тутицын В.* Бульдозерная выставка. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 74 с.
5. *Глезер А.Д.* Искусство под бульдозером. London: Overseas publishers inter-change, 1976. 163 с.
6. *Ерофеев В.В.* Десять лет спустя // МетрОполь: Литературный альманах. М.: Текст, 1991. С. 5–13.
7. *Кабаков А.А.* Аксенов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 509 с.
8. *Кузнецов Ф.* Конфуз с «Метрополем» // Московский литератор. 1979. 9 февраля.
9. *Кузнецов Ф.* О чем шум? // Литературная газета. 1979. 19 сентября.
10. *Ерофеев В.В.* Время «Метрополя» // Ерофеев В. Страшный суд. Роман, рассказы, маленькие эссе. М.: Союз фотохудожников России, 1996. С. 493–506.
11. *Чазов Е.И.* Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М.: Новости, 1992. 221 с.

References

1. Kazakevich LE. On the “Literaturnaya Rossiya” almanac and not only. We are here. [Internet]. 2012 (data obrashcheniya 24 nov. 2017) URL: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=5299> (In Russ.)
2. Kazakevich EG. Listening to time. Diaries, notebooks, letters / Preface by LA. Gladkovskaya. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.; 1990. 525 p. (In Russ.)
3. Izmailov AF. With Paustovsky in private. KG. Paustovsky – prosaic, essayist, critic, dramatist. Leningrad: Nauka Publ.; 1990. 134 p. (In Russ.)
4. Agamov-Tupitsin V. Bulldozer exhibition. Moscow: Ad Marginem Press, 2014. 74 p. (In Russ.)
5. Glezer AD. Art under a bulldozer. London: Overseas publishers interchange, 1976. 163 p. (In Russ.)
6. Erofeev VV. 10 years later. *Metropol'. The literary almanac*. Moscow: Text Publ.; 1991. P. 5-13. (In Russ.)
7. Kabakov AA. Aksonov. Moscow: AST, Astrel' Publ.; 2011. 509 p. (In Russ.)
8. Kuznetsov F. A discomfiture with the “Metropol”. *Moskovsky literator*. 1979. 9 Febr. (In Russ.)
9. Kuznetsov F. What's the fuss? *Literaturnaya gazeta*. 1979. Sept. 19 (In Russ.)
10. Erofeev VV. The time of “Metropol”. Erofeev V. *The last judgement*. Novel, short stories, short essays. Moscow: Soyuz fotokhudozhnikov Rossii Publ.; 1996. P. 493-06. (In Russ.)
11. Tchazov EI. Health and power. Memoires of a Kremlin doctor. Moscow: Novosti Publ.; 1992. 221 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Юрий Г. Бит-Юнан, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; bityunan@gmail.com

Давид М. Фельдман, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dmfeld@inbox.ru

Information about the authors

Yury G. Bit-Yunan, PhD in Philology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; bityunan@gmail.com.

David M. Feldman, Dr. in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; dmfeld@inbox.ru

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-42-50

Конституционный кризис 1992–1993 гг. в газете «Правда»

Татьяна В. Скокова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, skokovatatyana@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются методы и приемы пропаганды газеты «Правда» во время Конституционного кризиса 1992–1993 гг. Газета последовательно отстаивала точку зрения Верховного совета РФ в его противостоянии с президентом Б.Н. Ельциным. Линия «Правды» была построена на обвинениях сторонников президента в разжигании конфликта между исполнительной и законодательной ветвями власти и в стремлении к установлению личной диктатуры.

Ключевые слова: газета «Правда», Б.Н. Ельцин, Р.И. Хасбулатов, пропаганда, Конституционный кризис 1992–1993 гг.

Для цитирования: Скокова Т.В. Конституционный кризис 1992–1993 гг. в газете «Правда» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 42–50. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-42-50

The coverage of the Constitutional crisis of 1992–1993 by the newspaper “Pravda”

Tatyana V. Skokova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
skokovatatyana@gmail.com*

Abstract. This article considers methods and propaganda techniques of the newspaper “Pravda” during the Constitutional crisis of 1992–1993. The newspaper consistently defended the standpoint of the Supreme Council of the Russian Federation in its confrontation with President B.N. Yeltsin. The “Pra-

vda”-line was built on accusations of the president’s supporters in fomenting a conflict between the executive and legislative branches of power and in striving to establish a personal dictatorship.

Keywords: newspaper “Pravda”, B.N. Yeltsin, R.I. Khasbulatov, propaganda, constitutional crisis of 1992–1993

For citation: Skokova TV. The coverage of the Constitutional crisis of 1992–1993 by the newspaper “Pravda”. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*. 2018;11(44):00-00. DOI:

VII Съезд народных депутатов (1–14 декабря 1992 г.), с которого, как принято считать, берет начало Конституционный кризис, председатель Верховного совета (далее – ВС) Р.И. Хасбулатов назвал со страниц газеты «Правда» «оплотом демократического развития страны» [1]. Газета состояла в оппозиции к президентским инициативам, резко критиковала проводимый правительством курс.

«Депутаты также избраны народом», как и президент, заявляла газета. Съезд – единственная конституционная сила, «способная противостоять авторитарной тенденции», «стабилизирующее» начало в кризисное время [2].

Слова «разгон», «путч» и «переворот» со страниц «Правды» начинают звучать еще во время работы Съезда. «Президент получил неограниченную власть, теперь легко может уже конституционным путем разогнать Съезд», – заявляют журналисты газеты [3]. Предложенные Б.Н. Ельциным поправки в Конституцию, расширяющие президентские полномочия, газета расценила как угрозу «установления демократуры в стране», увидев в них «дальний расчет на дискредитацию Верховного Совета и Съезда» [4], и стремление президента к авторитарной власти¹. Б. Ельцин – «авторитарный, импульсивный, амбициозный» лидер [5], не имеющий реальной народной поддержки. Во всех статьях «Правда» подчеркивает не-

¹ Дополнительные полномочия Б.Н. Ельцин получил еще на V Съезде в 1991 г. при вступлении в должность. Съезд тогда утвердил экономическую программу Е.Т. Гайдара, наделив президента сроком на 13 месяцев полномочиями, позволяющими ему совмещать президентскую должность с обязанностями премьера. VI Съезд подтвердил курс экономических реформ, но жестко критиковал политику правительства.

самостоятельность и зависимость Б. Ельцина от его ближайшего окружения. Группа «закулисных вождей» делает все, чтобы усугубить конфликт между ВС и президентом, «диктует свою губительную для страны политику» [6].

Итог работы VII Съезда – принятие Постановления № 4079-I «О стабилизации конституционного строя РФ» и назначение на 11 апреля 1993 г. референдума об основных положениях новой Конституции – названы «Правдой» компромиссом, восстановившим хрупкий баланс властей [7].

Однако в перерыве между съездами противостояние между президентом и депутатами продолжалось, что получило полное отражение в «Правде», заявлявшей, что ельцинская жажда личной власти («верен обкомовской закалке и признает только одну власть – свою собственную» [8]) и чрезмерное влияние президентского окружения – главные причины политической нестабильности в стране.

Пытаясь обосновать право ВС на власть, «Правда» обращалась к истории. Советы – одна из форм народовластия, закономерное продолжение демократических традиций, исторически близкая для России форма управления. Верховный совет – это современное Народное вече и Земский собор, к созданию которых «подвела сама жизнь», в то время как институт президентства, сравниваемый с монархией, был отвергнут страной еще в марте 1917 г. [9].

Критикуя правительство, «Правда» прибегала к социальной пропаганде, указывая на рост цен и падение зарплат по стране, безработицу, высокий уровень смертности. В этом свете компромиссный апрельский референдум уже не кажется «Правде» выходом из ситуации, а, напротив, рискует превратиться в финансово затратный [10] «демагогический фарс» [11], который «дает широчайшие возможности манипулировать общественным мнением» [12]. «Правда» писала о будущем установлении «президентской диктатуры» и «демократического рейха», о наличии в Кремле антиконституционного плана переворота, цель которого – «самороспуск Съезда, установление в стране авторитарного режима» [13].

10 марта 1993 г. был созван VIII, внеочередной, Съезд народных депутатов, отменивший «компромиссное» Постановление № 4079-I предыдущего VII Съезда, включая референдум, и «разморозивший» принятые, но приостановленные ранее ограничения президентских полномочий. В результате этого 20 марта Ельцин выступил с обращением по центральному телевидению, заявив о том, что подписал указ о приостановке действия Конституции и введении в стране «особого порядка управления до преодоления

кризиса власти», сильно расширяющего президентские полномочия. Конституционный суд признал положения, высказанные в телеобращении, не соответствующими Конституции РФ. Реально этот указ подписан не был, однако журналисты «Правды» уверяют читателей: «президент не отказался от диктаторских замашек» [14].

После этого выступления Ельцина 26 марта 1993 г. был созван IX Съезд народных депутатов, также внеочередной, итогом работы которого после неудачной попытки объявления импичмента президенту стало решение о проведении Всероссийского референдума 25 апреля 1993 г. Начинается новый этап кризиса, связанный с подготовкой каждой из сторон к референдуму.

«Правда» обвиняет президентскую сторону в массовой пропаганде с целью заложить «идеологическую базу нового государственного переворота», утверждая, что президентское окружение получило установку «внушить населению, что если к власти придут красные, то наступит 37 год» [15].

С апреля 1993 г. в «Правде» начинает работать социальная рубрика «Красный телефон», публиковавшая жалобы читателей, а также рубрика «Прочти и передай товарищу», где издание предлагает «правильные» варианты ответов для голосования: «Два “Нет”, два “Да”» [16], т. е. предлагалось выразить недоверие президенту Ельцину и его социально-экономической политике, а также поддержать досрочные выборы президента и народных депутатов. Лишь тогда это будет «народной победой» [17].

Однако после выступления вице-президента А.В. Руцкого в ВС с докладом о коррупции в высших эшелонах власти [18] «Правда» агитирует голосовать против досрочных выборов депутатов, в качестве пропагандистского инструмента используя рассуждения о предстоящих подтасовках. Сообщается, что в Москву из США приезжает «специалист по фальсификации выборов», «изготовлена крупная партия дополнительных бюллетеней на референдум» [19]. Подтасовки же в ходе голосования приведут к перевороту и установлению президентского правления [20].

Итоги референдума, фактически оставившего все как есть² («Формальное подтверждение доверия президенту и его курсу, ве-

² При подсчете голосов по п. 1–2 и 3–4 применялась разная методика: в первом случае проценты считались от числа проголосовавших, во втором – от общего числа избирателей, имеющих право голоса. Поэтому большинство от числа проголосовавших, поддержавших досрочные выборы президента и Съезда, не дало положительного результата по этим двум вопросам.

роятно, состоялось», а идея досрочных выборов президента и депутатов «поддержки не получила» [21]), «Правда» назвала «ничьей в цугцванге», то есть позиция каждой из сторон «неизбежно ведет к ухудшению положения» [22].

После референдума наступает завершающий этап Конституционного кризиса, закончившийся трагической развязкой в октябре 1993 г. Своеобразной предтечей ее стали события 1 мая, когда ОМОНОм была разогнана демонстрация противников президента и его проекта основного закона, опубликованного в «Известиях» днем ранее.

В начале июня Ельцин собирает так называемое Конституционное совещание для принятия Основного закона. «Правда» окрестила его «политическим фокусничеством с новым проектом Конституции» [23]. «Скоропалительное протаскивание» президентского проекта новой Конституции³ «политическими стахановцами» [24], по мнению газеты – «отвлекающий маневр» на фоне ухудшающейся экономической ситуации [25]. Проект этот представлялся «Правдой» как инструмент «разрушения конституционности России» [25], нарушения прав человека, с помощью которого президент получит абсолютную власть, а Советы ликвидируются [26].

Летом «Правда» привлекает новый пропагандистский прием, который затем будет использоваться оппонентами президента Ельцина и станет «общим местом» после его избрания на второй срок в 1996 г. до отставки в декабре 1999 г. – акцент на плохом состоянии его здоровья и на том, что на самом деле Россией управляет президентское окружение – «С. Филатов, М. Барсуков и А. Коржаков». Сам же президент, усталый пожилой человек, «раздраженный, с болезненным, отекающим лицом, который неуверенно передвигается» [27], сравнивается с советскими генсеками: он все чаще читает по бумажке, «точь-в-точь как Л. Брежнев, слывший когда-то тоже неплохим оратором» [28].

В августе–сентябре конфронтация между президентом и депутатами продолжает усиливаться. Ельцин берет курс на формирование нового представительного органа власти – Совета Федерации, о чем объявляется на совещании глав республик в Петрозаводске

³ К июню 1993 г. существовало три проекта Основного закона: 1) поправки и изменения в действующую Конституцию РСФСР 1978 г.; 2) «румянцевская», которая была разработана Конституционной комиссией ВС под руководством О.Г. Румянцева и 3) «ельцинская» – вариант, разработанный окружением президента и предложенный Конституционному совещанию. Р.И. Хасбулатов предлагал вынести все три проекта на референдум.

в середине августа. После этого озвучивается идея о досрочных выборах. Пытаясь бороться с этими инициативами, «Правда» обращает внимание на то, что итоги референдума «не предполагают досрочных выборов ни президента, ни народных депутатов» [29], а Съезд – это «последний барьер на пути к самовластию и диктатуре» [30]. Продолжается начатая еще после VII съезда социальная пропаганда. С ее помощью «Правда» пытается отвлечь внимание читателя от политического кризиса и предложений Ельцина. Итог «двухлетнего послеавгустовского развития», заявляют журналисты газеты, – полный развал экономики, падение производства, обнищание населения [31]. Вместо того чтобы обратить внимание на реальные социально-экономические проблемы, президентское окружение занимается «надоевшей всем политической борьбой с представительной властью» [32].

Кризис становится необратимым после отстранения от должности 1 сентября 1993 г. президентским указом вице-президента А.В. Руцкого. Конституция перестает действовать «явочным порядком», т. к. нарушается один из базовых ее принципов – принцип разделения властей: президент не может отстранять от должности вице-президента, это уполномочено делать только квалифицированное большинство Съезда народных депутатов на основании заключения Конституционного суда (ст. 121, п. 10). ВС признает указ вне закона и считает его недействительным. Президент, заявляет «Правда», «заведомо идет на конфронтацию с Конституцией» [33], провоцирует конституционный переворот.

Однако аргументов, выдвигаемых ВС, оказалось недостаточно, чтобы в октябре 1993 г. привлечь сторонников парламента. Отсутствие поддержки ВС среди населения «Правда» объясняла сложившейся за долгое время «монополией на неограниченную власть – монарха, вождя или генсека» [30]. Кризис необратимо близится к развязке, наступившей уже в начале октября. Вместе с «силовым» завершением противостояния президента и ВС 4 октября 1993 г. была закрыта «Правда». Выпуск ее был возобновлен уже в новых условиях.

Литература

1. *Кожанов Н.* Выбраться бы сначала из хаоса: Пресс-конференция Р. Хасбулатова // Правда. 1992. 16 дек. С. 2.
2. *Соб. инф.* Президент обиделся // Правда. 1992. 5 дек. С. 1.
3. *Кожанов Н., Овчаренко Г., Шинкин А.* Здравый смысл победил: глава правительства – Виктор Черномырдин // Правда. 1992. 15 дек. С. 1.

4. *Кожанов Н., Овчаренко Г., Шинкин А.* Правительство верно себе. Но не народу // Правда. 1992. 4 дек. С. 1.
5. *ИТАР-ТАСС.* Большие маневры – кто кого // Правда. 1992. 12 дек. С. 1.
6. *Кожанов Н., Овчаренко Г., Славин Б., Шинкин А.* Декабрь 92, не август 91 // Правда. 1992. 11 дек. С. 1–2.
7. *Овчаренко Г., Трушков В.* Рынок без базара и без Гайдара // Правда. 1992. 16 дек. С. 2.
8. *Павлов А.* Их ждут нелегкие времена // Правда. 1993. 12 янв. С. 1.
9. *Устюжанин В.* Не торопитесь прощаться со съездом. Прощание может стоить дорого // Правда. 1993. 21 янв. С. 1.
10. *Трушков В.* Референдум обойдется в 20 млрд рублей. Интервью с Василием Казаковым // Правда. 1993. 6 февр. С. 1.
11. *Перуанский В.* Демагогический фарс // Правда. 1993. 3 марта. С. 1.
12. *Марченко М.* Поможет ли референдум? // Правда. 1993. 17 февр. С. 1.
13. *Шинкин А.* Что же нам готовят лидеры демократического рейха // Правда. 1993. 19 февр. С. 1.
14. *Илюхин В.* ОПУС не прошел, но фокус продолжается // Правда. 1993. 25 марта. С. 1.
15. *Славин Б.* Один переворот не прошел. Будет ли второй? // Правда. 1993. 7 апр. С. 1.
16. *Обозреватель.* Давайте победим с таким счетом: Два «нет», два «Да» // Правда. 1993. 10 апр. С. 1.
17. *Без автора.* Ответы предельно просты: «Нет», «Нет», «Да», «Да» – тогда народная победа! // Правда. 1993. 8 апр. С. 1.
18. *Руцкой А.* Россия, скажи мафии «нет!» // Правда. 1993. 17 апр. С. 1–3.
19. *Соб. инф.* Итоги выборов уже готовы? // Правда. 1993. 24 апр. С. 2.
20. *Собственный корреспондент.* Готов к прыжку? // Правда. 1993. 23 апр. С. 1.
21. *Мусиенко Н.* Предварительный итог объявлен // Правда. 1993. 28 апр. С. 1.
22. *Быковский А., Трушков В.* Президента уважили. Референдум провели. Наш комментарий // Правда. 1993. 27 апр. С. 1.
23. *Боховкин В., Серебрянников В.* Игра на поле беззакония // Правда 1993. 13 июля. С. 1.
24. *Шинкин А.* Политические стахановцы спешат, не заботясь об интересах России // Правда. 1993. 2 июня. С. 1.
25. *Трушков В.* Не того поля ягода // Правда. 1993. 3 июня. С. 1.
26. *Шенин О.* Монархический зуд. Тени диктатуры бродят по проекту Конституции // Правда. 1993. 4 июня. С. 2.
27. *Федоров А.* В Кремле беспокойно // Правда. 1993. 4 авг. С. 1.
28. *Трушков В.* Так вырастают анекдоты // Правда. 1993. 15 июня. С. 2.
29. *Трушков В.* В Кремле остановилось время // Правда. 1993. 20 авг. С. 1.
30. *Ильин А.* Если нельзя, но очень хочется... // Правда. 1993. 18 авг. С. 1.
31. *Трушков В.* Вопросы после исповеди // Правда. 1993. 21 авг. С. 2.

32. *Славин Б.* Кремлевский садовник готовит обрезание ветвей власти // *Правда*. 1993. 12 авг. С. 1.
33. *Трушков В. Б.* Ельцин открывает артобстрел Конституции // *Правда*. 1993. 2 сент. С. 2.

References

1. Kozhanov N. Getting out of chaos first. Press conference of R. Khasbulatov. *Pravda*. Moscow. 1992. Dec. 16. P. 2. (In Russ.)
2. Own information. The President took offence. *Pravda*. Moscow. 1992. Dec. 5. P. 1. (In Russ.)
3. Kozhanov N., Ovcharenko G., Shinkin A. Common sense won: the head of government is Viktor Chernomyrdin. *Pravda*. Moscow. 1992. Dec. 15. P. 1. (In Russ.)
4. Kozhanov N., Ovcharenko G., Shinkin A. The government is true to itself. But not to the people. *Pravda*. Moscow. 1992. Dec. 4. P. 1. (In Russ.)
5. ITAR-TASS. Great maneuvers – who is whom? *Pravda*. Moscow. 1992. Dec. 12. P. 1. (In Russ.)
6. Kozhanov N., Ovcharenko G., Slavin B., Shinkin A. December 92, is not August 91. *Pravda*. Moscow. 1992. Dec. 11. P. 1-2. (In Russ.)
7. Ovcharenko G., Trushkov V. Market without a bazaar and without Gaidar. *Pravda*. Moscow. 1992. Dec. 16. P. 2. (In Russ.)
8. Pavlov A. The hard times are waiting for them. *Pravda*. Moscow. 1993. Jan. 12. P. 1. (In Russ.)
9. Ustyuzhanin V. Do not rush to say goodbye to the congress. A farewell can be expensive. *Pravda*. Moscow. 1993. Jan. 21. P. 1. (In Russ.)
10. Trushkov V. The referendum will cost 20 billion rubles. Interview with Vasily Kazakov. *Pravda*. Moscow. 1993. Feb. 6. P. 1. (In Russ.)
11. Peruanskii V. Demagogic farce. *Pravda*. Moscow. 1993. March 3. P. 1. (In Russ.)
12. Marchenko M. If the referendum will help? *Pravda*. Moscow. 1993. Feb. 17. P. 1. (In Russ.)
13. Shinkin A. What are the leaders of the democratic Reich preparing for us? *Pravda*. Moscow. 1993. Feb. 19. P. 1. (In Russ.)
14. Ilyukhin V. The OPUS did not pass, but the focus continues. *Pravda*. Moscow. 1993. March 25. P. 1. (In Russ.)
15. Slavin B. One coup failed. Will there be a second one? *Pravda*. Moscow. 1993. Apr. 7. P. 1.
16. The Observer. Let's win with such a score: two "No", two "Yes". *Pravda*. Moscow. 1993. Apr. 10. P. 1.
17. Without the author. The answers are extremely simple: "No", "No", "Yes", "Yes" – therefore it is people's victory! *Pravda*. Moscow. 1993. Apr. 8. P. 1. (In Russ.)
18. Rutskoi A. Russia, tell the mafia "no!". *Pravda*. Moscow. 1993. Apr. 17. P. 1-3. (In Russ.)

19. Own. Inf. Are the elections results yet ready? *Pravda*. Moscow. 1993. Apr. 24. P. 2. (In Russ.)
20. Own correspondent. Ready to jump? *Pravda*. Moscow. 1993. Apr. 23. P. 1. (In Russ.)
21. Musienko N. Preliminary total is announced. *Pravda*. Moscow. 1993. Apr. 28. P. 1. (In Russ.)
22. Bykovskiy A., Trushkov V. The President was shown respect. The referendum was held. Our comment. *Pravda*. Moscow. 1993. Apr. 27. P. 1. (In Russ.)
23. Bohovkin V., Serebryannikov V. Playing on the field of lawlessness. *Pravda*. Moscow. 1993. July 13. P. 1. (In Russ.)
24. Shinkin A. Political Stakhanovites (overachievers) hurry, not caring about the interests of Russia. *Pravda*. Moscow. 1993. June 2. P. 1. (In Russ.)
25. Trushkov V. The wrong field berry. *Pravda*. Moscow. 1993. June 3. P. 1. (In Russ.)
26. Shenin O. Monarchic itching. Shadows of dictatorship roam the draft Constitution. *Pravda*. Moscow. 1993. June 4. P. 2. (In Russ.)
27. Fedorov A. The Kremlin is restless. *Pravda*. Moscow. 1993. Aug. 4. P. 1. (In Russ.)
28. Trushkov V. That's how the jokes originate. *Pravda*. Moscow. 1993. June 15. P. 2. (In Russ.)
29. Trushkov V. The time in the Kremlin stopped. *Pravda*. Moscow. 1993. Aug. 20. P. 1. (In Russ.)
30. Il'in A. If you can not, but really want to... *Pravda*. Moscow. 1993. Aug. 18. P. 1. (In Russ.)
31. Trushkov V. Questions after Confession. *Pravda*. Moscow. 1993. Aug. 21. P. 2. (In Russ.)
32. Slavin B. Kremlin gardener prepares for cutting branches of power. *Pravda*. Moscow. 1993. Aug. 12. P. 1. (In Russ.)
33. Trushkov VB. Yeltsin opens shelling the Constitution. *Pravda*. Moscow. 1993. Sept. 2. P. 2. (In Russ.)

Информация об авторе

Татьяна В. Скокова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6; skokovatatyana@gmail.com

Information about the author

Tatyana V. Skokova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; skokovatatyana@gmail.com

Проблемы теории журналистики

УДК 070

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-51-58

Проблемы восприятия профессиональной идентичности журналиста

Наталья Я. Макарова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rsuh.makarova@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию факторов, определяющих профессиональную идентичность журналиста в условиях информационного общества и их восприятию медиасообществом. Благодаря универсализации профессии идентификаторы профессиональной деятельности претерпели существенные изменения, а сама идентичность размывается. Сегодня быть современным журналистом означает уметь работать для разных медийных форматов, при этом одновременно адаптироваться к новым технологиям, пользоваться современной техникой для сбора и передачи информации, работать с большим объемом информации, уметь взаимодействовать с аудиторией исходя из «субъектно-субъектных» отношений, соблюдать этические и правовые нормы, находить новые формы профессионального творчества. Важную роль в формировании профессиональной идентичности играет журналистское образование. Если до начала своей профессиональной деятельности студент обретет прочные профессиональные идентификаторы, это станет залогом его карьерного и личностного роста.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, профессиональные компетенции журналиста, журналистское образование, информационное общество

Для цитирования: Макарова Н.Я. Проблемы восприятия профессиональной идентичности журналиста // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 51–58. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-51-58

Perception issues of journalist's professional identity

Natalia Ya. Makarova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
rsuh.makarova@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the study of factors that determine the professional identity of journalists in the information society and their perception by the media community. Due to the universalization of the profession, the identifiers of professional activity have undergone significant changes and the identity itself is eroded. Today being a modern journalist means to be able to work for different media formats simultaneously, to adapt to new technologies and use modern equipment for collecting and relaying the information, to work with a large amount of information, being able to interact with the audience keeping in mind the “subject-subject” relationships, to comply with ethical and legal norms and find new forms of professional creative work. Journalism education plays an important role in the formation of professional identity. If prior to beginning his professional activity, the student gains strong professional identifiers, that will be the key to his career and personal growth.

Keywords: professional identity, professional competence of journalists, journalism education, information society

For citation: Makarova NYa. Perception issues of journalist's professional identity. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;11(44):51-58. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-51-58

В эпоху монополии традиционных СМИ вопросы профессиональной идентичности журналиста не были в центре внимания исследователей. В условиях информационного общества сама коммуникация становится формой жизни, коммуникатором – каждый желающий, а потому вопрос о профессиональной идентичности журналиста нуждается в тщательном переосмыслении.

Важно это не только с точки зрения общественного блага, но и для персональной, личностной самоидентификации. Каково отношение аудитории к СМИ? И как влияют новые информационные

технологии на развитие личности? Адекватно ли понимает абитуриент факультета журналистики то, что ждет его в рамках обучения и профессиональной деятельности? Каковы его цели и установки? По каким критериям он, вчерашний школьник, отделяет себя от «массового коммуникатора», чтобы получить слово и выступить перед публикой? И какие рейперные точки должен обозначить преподаватель профильных дисциплин, чтобы дать студенту возможность идентифицировать себя и коллег как профессионалов отрасли? Очевидно: проблематика поднимает массу вопросов, и все они должны быть детально рассмотрены.

В проведенном А.М. Сосновской в 2004 г. исследовании профессиональной идентичности на основе интервью с журналистами выдвигается ряд критериев и условий, отражающих профессиональную практику. Так, человек считает себя (а также коллег) журналистом, если он/она:

Поведенческие критерии:

- 1) работает в СМИ;
- 2) зарабатывает на жизнь с помощью этой профессии;
- 3) регулярно публикует (выдает в эфир) свои материалы;

Эмоциональный критерий:

- 4) имеет интерес к профессии;

Когнитивные критерии:

- 5) имеет журналистское образование;
- 6) входит в журналистское сообщество и признан коллегами;
- 7) имеет коммуникационные и публичные способности и интересы, а также активность [1 с. 125].

Этот набор – идеальная модель, норма соответствия, минимальный набор условий толерантности к «своим». Не упуская из вида историю процесса, стоит отметить, что во времена СССР набор критериев мало отличался от представленного в работе 2004 г. Правда, когнитивный аспект принадлежности значительно доминировал над остальными: советский журналист должен был лучше, чем «простой» советский человек, знать нормы, ценности и декларируемые цели общества.

В условиях современной универсализации границы идентичности размываются. Современные журналисты готовы включать в свои ряды людей с иной профессиональной самоидентификацией (историков, социологов, PR-специалистов, маркетологов): такие важные прежде характеристики, как стаж работы, регулярность деятельности и позиционирование себя в качестве журналиста, сегодня не имеют прежнего влияния, что также свидетельствует о размывании границ профессии.

Какова роль журналистики и журналистов в системе медиапрофессий современности и то, каков баланс между фундаментальным гуманитарным знанием и профессиональной практикой в образовании журналиста, обсуждалось на форсайт-сессии «Медиапрофессии XXI века» на базе МГУ в 2016 г. Тогда среди студентов и практикующих работников медиаотрасли звучали предположения, согласно которым «журналистики» (а соответственно «журналистов») сегодня не существует [2]. То, что принято называть «журналистикой», ушло в историю. Это некое представление о положении индустрии раньше, до глобализации, универсализации и конвергенции – то есть ДО информационного общества. Напротив, сегодня есть медиасфера и обслуживающие ее медиакommunikации, а значит, профессионалы в медиа и медийные коммуникаторы. Наряду с критерием наличия профессионального журналистского образования информационное общество выдвинуло новый критерий – прохождение профессиональной «журналистской школы», т. е. получение знаний от опытных журналистов [3], куда более котирующихся при трудоустройстве. Формальная характеристика принадлежности к профессии, обусловленная полученным образованием, значительно уступает неформальной «школе» и по результатам социологических опросов, в которых респондентами выступали профессиональные журналисты [3].

На той же форсайт-сессии заместитель министра связи и массовых коммуникаций РФ А.К. Волин заявил, что стремление к самосовершенствованию, систематизации собственных знаний и социализации к кругу «правильной публики» – вовсе не те опорные точки, на которых основан вектор развития российской журналистики ближайших лет. Идеалам, вычитанным в учебниках Г.В. Кузнецова, В.Л. Цвика и А.Я. Юровского, там нет места, как и курсу бакалавриата. Специалист медиабизнеса должен был эффективен, быстр и усидчив. «По большому счету любая редакция в состоянии открыть у себя платные курсы и выпустить у себя специалистов» [2], – подытожил заместитель министра.

Вторят этой позиции результаты опроса 2017 г., согласно которым 55% респондентов – членов профессионального журналистского сообщества (включая студентов) – отметили наличие формального образования по специальности «Журналистика» как необязательное и только 3% как обязательное [3]. Также мнение о том, что СМИ – это бизнес (и должны сами обеспечивать свое существование), преобладает над мнением о СМИ как деятельности социально важной и нуждающейся в субсидиях государства [3].

Сколь бы претенциозными и циничными ни были данные заявления, в них есть и разумное зерно. В системе российского журналистского образования крайне редко реализуется прикладной бакалавриат, что предполагает практико-ориентированную программу. Сама журналистика же профессия прикладная, а потому для трудоустройства выпускнику необходима не только теоретическая база знаний, но и определенный набор практических навыков. Среди ожидаемых работодателями компетенций выпускников на форсайт-сессии были названы: знание и понимание производственно-хозяйственной деятельности СМИ, медиаменеджмента; умение работать в команде; умение работать с аудиторией; знание и понимание маркетинга; умение критически мыслить, анализировать; умение использовать конкретные технологии; знание истории журналистики; понимание медиаиндустрии и тенденций ее развития.

Как видно, перечисленные работодателями и зафиксированные во ФГОС ВО по направлению подготовки 42.03.02 «Журналистика» компетенции идентичны. Следовательно, речь идет уже не об установленном стандарте, а о технологии и методике преподавания дисциплин, каждая из которых, будь то история журналистики или разработка медиастратегии, должна быть прочно связана с профессиональным, содержательным и общественным контекстом. В связи с этим ключевая роль в формировании профессиональной идентичности лежит на преподавателе, который выстраивает стратегию обучения, понимая, какие профессиональные компетенции, а также личностные качества потребуются студенту в его профессиональной деятельности и какая именно конкретная дисциплина окажется полезной.

Сегодня выпускнику факультета журналистики недостаточно предложить работодателю свой авторский стиль написания текстов и подборку интересных тем для будущих материалов. В условиях информационного общества определение, данное журналисту в рамках законодательства еще в начале 1990-х гг., теряет всякую актуальность, совершенно не отвечая тенденциям времени. Напомним, Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» понимает под журналистом «лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию» [4]. Медиабизнесмены хотят видеть не просто журналистов, а медиаменеджеров, которые умеют оценивать, планировать, продвигать контент, достигать целевой

аудитории и расширять потенциальную. Медиаспециалисты должны умело применять в своей работе новейшие технологии. Именно университетское образование как конгломерат научных исследований отрасли и актуальной практики естественным образом поможет сформировать у студентов необходимые компетенции и сделать их более конкурентоспособными на медиарынке.

Надо признать, система критериев профессиональной идентификации журналиста практически не изменилась за последние 15 лет, однако сами критерии качественно усложнились. Если поведенческие и эмоциональный критерии достаточно стабильны, то когнитивные изменяются вместе со сменой типа общества. Согласно критерию наличия профессионального журналистского образования, эта позиция познавательного блока претерпела колебания в аспекте актуальности, но сохранила свою важность в модернизированном виде.

Динамичным критерием в когнитивном блоке профессиональной идентичности является и критерий признания в медиасообществе. В этой связи представляют интерес результаты исследования, проведенного группой ЦИРКОН и фондом «Медиастандарт», в котором участвовали 492 респондента (практикующие работники СМИ – от главных редакторов до внештатных сотрудников). В рамках опроса была предпринята попытка оценить, с кем из представителей профессионального сообщества идентифицируют себя журналисты, с кем сравнивают, на кого равняются – иными словами, кого признают («значимые другие»). Всего было упомянуто 938 журналистов, но лишь около трети из них (356) были упомянуты 5 раз и более. Самые популярные «значимые другие» – Владимир Познер (70 упоминаний) и Леонид Парфенов (56 упоминаний). Условное третье место с большим отрывом от «лидеров мнений» поделили Андрей Колесников и Дмитрий Соколов-Митрич (14 упоминаний). По мнению участников опроса, профессионала определяет наличие писательского таланта, грамотной речи и языка. Опыт работы оценивается выше, чем наличие формального профильного образования; при этом больше половины опрошенных имеют диплом журналиста или филолога.

Еще более парадоксальна статистика ответов на вопрос: можно ли назвать профессиональным журналистом человека, который пренебрегает профессиональной этикой. Абсолютное большинство (79% респондентов) ответили отрицательно, но, когда речь зашла о реальной работе, допустили возможность нарушать эти правила. На вопрос «Можно ли считать профессиональным журналистом человека, который не является сотрудником СМИ?» голоса «мож-

но» и «нельзя» разделились поровну. Обнажается проблема, верно подмеченная исследователями социологии СМИ И.М. и М.И. Дзялошинскими:

...в большинстве своем труженики пера и микрофона понимают, что и как они должны делать, но реальность подталкивает их к реализации диаметрально противоположного сценария профессиональной реализации [5].

В журналистику часто приходят по идеалистическим побуждениям, затем ключевой мотивацией становится материальная сторона вопроса, а далее наступает разочарование как в идеалах, которые невозможно воплотить, так и в возможности заработать на журналистике и сделать в ней карьеру.

Своевременное осознание журналистом собственной профессиональной идентичности способствует выбору направлений для дальнейшего самообразования, чтобы упрочить владение профессиональными компетенциями и получить перспективы личного роста. Чем эффективнее, квалифицированнее и успешнее журналист справляется с задачами, обусловленными его профессиональной деятельностью, тем легче ему себя идентифицировать, несмотря на подвижность медиасистемы.

Литература

1. *Сосновская А.М.* Профессиональная идентичность журналиста (анализ случаев) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 3. С. 116–138.
2. Форсайт-сессия «Медиапрофессии в XXI веке» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journ.msu.ru/about/news/19099/> (дата обращения 26 апр. 2018).
3. Представления журналистов о профессии и профессиональном сообществе: Общий аналитический отчет по результатам научно-исследовательских работ. Фонд Медиастандарт. Комитет гражданских инициатив. ЦИРКОН. [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/dd6/zhurnalisty_otchet.pdf (дата обращения 5 мая 2018).
4. Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 г. № 2124-1 (ред. от 25.11.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения 5 мая 2018).
5. *Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И.* Десять «смертных грехов» журналистики глазами будущих журналистов // Медиаскоп: Электронный научный журнал. [Электронный ресурс]. 2011. № 4. URL: <http://mediascope.ru/node/952> (дата обращения 5 мая 2018).

References

1. Sosnovskaya AM. Professional identity of a journalist (analysis of cases). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2004;3:116-38. (In Russ.)
2. Foresight-session “Media professions in 21st century”. [Internet]. URL: <http://www.journ.msu.ru/about/news/19099/> (data obrashcheniya 26 april 2018). (In Russ.)
3. Journalists' ideas about the profession and the professional community General analytical report on the results of research. Mediastandart Foundation. Civil Initiatives Committee. ZIRCON [Internet]. 2017 (data obrashcheniya 5 may 2018). URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/dd6/zhurnalisty_otchet.pdf (In Russ.)
4. The law of the Russian Federation “About mass media” of 27.12.1991 № 2124-1. [Internet]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (data obrashcheniya 5 may 2018).
5. Dzyaloshinskii IM., Dzyaloshinskaya MI. Ten Mortal Sins of Journalism in the Perspective of to-be Journalists (так в журн). *Mediascope* [Internet]. 2011;4 (data obrashcheniya 5 may 2018). URL: <http://mediascope.ru/node/952> (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья Я. Макарова, кандидат педагогических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; rsuh.makarova@gmail.com

Information about the author

Nataliya Ya. Makarova, PhD in Education, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; rsuh.makarova@gmail.com

УДК 930.2+070

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-59-66

Источниковедение 2.0:
о новых подходах к работе с источниками
в сетевой цифровой среде

Максим С. Корнев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mxm.kornev@gmail.com*

Аннотация. В данной работе кратко очерчены некоторые проблемы отечественного источниковедения в условиях развития междисциплинарности и перехода в цифровую эпоху, а также предложена авторская концепция «Источниковедения 2.0», которая ориентирована во многом на медиакоммуникации и журналистику. В результате общего обзора современных пособий по источниковедению показаны некоторые пробелы в предметном поле и обоснована необходимость развития актуальной методологии и обобщения практического опыта и методик в цифровой гуманитаристике.

Ключевые слова: источниковедение, журналистика, медиакоммуникации, ИКТ, методология, цифровая среда, интернет-исследования, digital humanities

Для цитирования: Корнев М.С. Источниковедение 2.0: о новых подходах к работе с источниками в сетевой цифровой среде // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 59–66. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-59-66

Source studies 2.0. New approaches to working with sources in a network digital environment

Maxim S. Kornev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
mxm.kornev@gmail.com*

Abstract. This paper briefly outlines some issues of domestic source studies in the context of the development of interdisciplinarity and transition to the digital age, it also presents the author's concept of «Source Studies 2.0», which is focused largely on media communication and journalism. As a result of the general review of modern manuals for source studies, some gaps in the subject field are shown and the necessity in development of the nowadays methodology and generalization of practical experience and techniques in digital humanities is proved.

Keywords: source studies, journalism, media communications, ICT, methodology, digital environment, Internet research, digital humanities

For citation: Kornev MS. Source studies 2.0. New approaches to working with sources in a network digital environment. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;11(44):59-66. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-59-66

Введение

В современных условиях понимание междисциплинарного развития науки как части процесса эволюции познания, применение синтеза методологий и методов, повсеместное использование возможностей цифровых информационных систем и сети Интернет становятся нормой и даже необходимым квалификационным минимумом для исследователя. Источниковедение как ключевая междисциплинарная дисциплина, формирующая базовые компетенции и критическую автономию исследователя, становится одной из ключевых в науке и практике.

Однако современная теория и практика отечественного источниковедения не дает целостной и достаточно ясной картины работы с источниками в современных условиях развития

информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), цифровизации и новых медиа. Соответственно одна из главных задач – предложить авторские теоретические и практические наработки, объединенные концепцией «Источниковедения 2.0».

В качестве теоретической базы используются труды О.М. Медушевской, В.И. Заботкиной, Ю.А. Русиной, С.О. Шмидта, И.Д. Ковальченко и других исследователей. В практической плоскости привлекаются собственные авторские наработки.

Вызов междисциплинарности

Еще в первом постсоветском учебном пособии «Источниковедение: теория, история, метод, источники российской истории» 1998 г. [1] подчеркивалась роль источниковедения как основы для интеграции наук и междисциплинарных исследований. При этом исторический источник рассматривается общим объектом различных гуманитарных наук при разнообразии предметов их изучения. То есть источниковедение рассматривается как теория и методика добывания исторических фактов. При таком подходе источниковедение занимает место одной из фундаментальных гуманитарных дисциплин и становится одним из базовых условий подготовки исследователя.

Проблемы интегрированных методологий и междисциплинарности ставятся на разных уровнях. В частности, в одной из самых перспективных интегральных науках – когнитивистике – постулируется, что современный этап развития науки и общества характеризуется и новыми моделями создания и использования знаний. В.И. Заботкина пишет:

Если традиционная модель была узкоспециальной, гомогенной, иерархической и определялась, как правило, академическим сообществом, то новая модель междисциплинарна, генерируется в прикладном контексте и не укладывается в конвенциональные дисциплинарные схемы. Эта модель гетерогенна – она востребует широкий спектр навыков и умений и вовлекает разнообразные формы передачи знаний [2 с. 15–16].

О повороте к когнитивным наукам в современном источниковедении пишет также О.М. Медушевская [3], предлагая рассматривать предмет источниковедения через концепцию когнитивной истории, которая, в свою очередь, для понимания человека и про-

дуктов его осознанной деятельности синтезирует теории информации и источниковедения.

Одним из важнейших современных навыков как теоретического медиаисследователя, так и практикующего медиакоммуникатора является навык работы с источниками. Необходимость в источниковедении давно вышла за рамки только комплекса вспомогательных исторических дисциплин и характеризуется универсальным применением. Для этого нужны соответствующие обучающие программы и материалы. Однако даже в новейших учебных пособиях по источниковедению [4–6] не удалось обнаружить описания принципов работы с цифровыми источниками, использования Интернета, работы с базами данных и большими данными и пр. Либо эта тема была затронута по касательной, что недостаточно для теоретической базы и практической подготовки, формирования представлений и навыков. Безусловно, в других сферах науки и практики эти темы представлены, но также крайне разрозненно, бессистемно и вне парадигмы источниковедческой традиции.

Это служит основанием для обоснования концепции «Источниковедения 2.0» как специфического направления в источниковедении, как вспомогательной концепции, объединяющей новые подходы и инструменты. Само название означает, с одной стороны, продолжение традиции источниковедения, а с другой – переход в новое состояние.

Вызовом и необходимостью для развития «Источниковедения 2.0» являются всё возрастающая роль цифровизации, развитие ИКТ и сетевых технологий. Это вынуждает искать и формировать новые взгляды, подходы, методологические и методические решения. Нынешняя ситуация для исследователя разительно отличается от недавней ситуации на горизонте нескольких годов, не говоря уже о дистанциях в десятки лет. То, на что у исследователя могли уходить месяцы и даже годы, теперь возможно осуществить за считанные дни или даже часы.

Источниковедение 2.0: возможности для исследователей

Междисциплинарность, смешанные методы исследований и новые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) ныне позволяют исследователю серийно выстраивать теоретические гипотезы и за короткий период эмпирически проверять ее количественно и качественно.

Например, у автора данной статьи во время написания диплома в 2004 г. стояла задача выявить количественные и качественные показатели употребления идеологемы «олигарх». Основным источником выступили эфиры радиостанции «Эхо Москвы» с 1997 по 2003 г. Благодаря оцифрованным и транскрибированным на тот момент эфирам (это делалось силами самой редакции), удалось проанализировать 7908 документов, из которых формировалась выборка эфиров с упоминанием слова «олигарх» (735 эфиров) [7]. Это был первый значимый опыт использования комплекса компьютерных, цифровых и сетевых средств для решения исследовательской задачи.

Важно, что обработка такого массива «сырых» данных в формате прослушивания архивов эфира заняла бы многие месяцы, если не годы. Оцифрованные же транскрипции эфиров позволили провести количественно-качественное исследование на выборке из большого массива.

В данный момент через поиск на сайте «Эха Москвы» фиксируется уже 12 940 документов (на базе эфиров и текстовых публикаций) с упоминанием слова «олигарх» [8]. Таким образом, исследование может быть актуализировано и дополнено, причем любым автором, владеющим логикой подобных исследований и соответствующим инструментарием, в том числе техническим, для дальнейшего разбора, классификаций и анализа.

Этот пример наглядно показывает, что формирование и развитие концепции «Источниковедение 2.0» способны помочь исследователям сократить временные и человеческие затраты на рутинные операции и выйти на исследования гораздо большего масштаба.

Базовые установки Источниковедения 2.0

Важно, что концепция «Источниковедение 2.0» не предполагает сложной и догматической структуры – она опирается на синтетическую методологию, актуальные вызовы, текущие потребности, практический опыт и полезные инструменты (компьютерные программы, сервисы и приложения, экспертные и алгоритмические системы и пр.).

В основных контурах объект такого источниковедения – любая информация в цифровом или аналоговом виде, которая несет в себе полезные сведения в рамках выбранного предмета исследования и в соответствии с целями и задачами исследователя.

Кроме того, цифровая или оцифрованная форма существования способна объединить практически все типы источников внутри себя. Качественно оцифрованный источник сохраняет все свои аудиовизуальные свойства (кроме тактильных и обонятельных). И у этого источника сразу появляется множество измерений: бесконечная возможность копирования, легкость в передаче, складирование и хранение документов почти в неограниченных количествах с минимальными затратами (ограничения только в емкости виртуального хранилища), удобная каталогизация и тегирование и прочие возможности.

В отличие от традиционных представлений об источнике, который мыслится результатом деятельности человека, в новых измерениях информация, выступающая источником, может генерироваться без участия человека или при его косвенном участии. Такой подход близок к позиции С.О. Шмидта: признавать источником не только результаты человеческой деятельности, но и независимые от него явления [9].

Концепция «Источниковедение 2.0» только в начале разработки. Предстоит обобщить и/или разработать теоретические и практические основания в нескольких взаимосвязанных аспектах:

- классификация цифровых носителей и цифровых источников;
- специфика сетевой доступности источников (через сеть Интернет прежде всего);
- теория и технологии верификации инфы и проверки на достоверность (фактчекинг);
- использование баз данных, статистических массивов и корпусов текстов;
- применение больших данных, алгоритмов (в том числе самообучаемых искусственного интеллекта);
- формирование баз знаний, инструментов и кейсов по работе с цифровыми и иными источниками и прочих элементов.

Выводы

Источниковедение из вспомогательной исторической дисциплины стало универсальной дисциплиной и междисциплинарной базовой потребностью для научного исследователя, а также полезным навыком для широкой общественности. Также эта трансформация соответствует логике развития когнитивных наук, которые объединяют знания о человеке и техносфере, их конвергенции.

Традиционному источниковедению не хватает расширения в цифровую среду, сетевые структуры. Не хватает также прикладных знаний, методов и инструментов, в числе которых работа с базами данных, статистическими массивами, большими данными, алгоритмами, экспертными и аналитическими сервисами и другими актуальными инструментами. Эти пробелы, без отхода от научной традиции, призвана восполнить концепция «Источниковедение 2.0» как универсальная методология, набор теоретических и прикладных знаний, рекомендаций и инструментов для работы с цифровым контентом.

В частности, навык источниковедения необходим для профессиональной работы современного медиакоммуникатора, особенно в области журналистики, где достоверность и качество информации влияют на адекватность восприятия мира в общественном сознании.

Литература

1. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
2. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / Под общ. ред. В.И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры, 2015. 344 с.
3. *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
4. Источниковедение: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: ИД ВШЭ, 2015. 685 с.
5. Источниковедение: Учебник для академического бакалавриата / Под ред. А.В. Сиренова. М.: Юрайт, 2017. 396 с.
6. *Русина Ю.А.* Методология источниковедения: Учеб. пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 203 с.
7. *Корнев М.С.* Материалы к исследованию идеологем в современных цифровых сетевых коммуникациях // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 4. С. 114–120.
8. Поисковый запрос по слову «олигарх» на сайте радиостанции «Эхо Москвы» [Электронный ресурс]. URL: <http://echo.msk.ru/search/> (дата обращения 02 июня 2018).
9. *Шмидт С.О.* О классификации исторических источников // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. С. 73–91.

References

1. Source Study. Theory. History. Method. Sources of Russian history. Textbook. IN. Danilevskii, VV. Kabanov, OM. Medushevskaya, MF. Rumyantseva. Moscow: RGGU Publ.; 1998. 702 p.
2. Methods of cognitive analysis of word semantics. Computer-corpus approach / Ed. by VI. Zobotkina. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, Publ.; 2015. 344 p.
3. Medushevskaya OM. Theory and methodology of cognitive history. Moscow: RGGU Publ.; 2008. 358 p.
4. Source Study. Textbook. IN. Danilevskii, DA. Dobrovol'skii, RB. Kazakov and others; Ed. by MF. Rumyantseva. Moscow: VShE Publ.; 2015. 685 p.
5. Source study: Textbook for academic bachelor's degree. Ed. by AV. Sirenov. Moscow: Yurait Publ.; 2017. 396 p.
6. Rusina YuA. Methodology of source studies. Textbook for academic bachelor's degree. Moscow: Yurait Publ.; Ekaterinburg: Ural'skii universitet Publ.; 2016. 203 p.
7. Kornev MS. Materials to the study of ideologems in the modern digital network communications. RSUH/RGGU Bulletin. 2016;4(13):114-20.
8. Search query: «oligarch» on the website of the radio station "Ekho Moskvу" [Internet]. URL: <http://echo.msk.ru/search/> (data obrashcheniya 02 june 2018).
9. Schmidt SO. On the classification of historical sources. Schmidt SO. A path of the historian. Selected works on the source studies and historiography. Moscow: RGGU Publ.; 1997. P. 73-91.

Информация об авторе

Максим С. Корнев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mxm.kornev@gmail.com

Information about the author

Maxim S. Kornev, PhD in Philology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; mxm.kornev@gmail.com

УДК 070

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-67-73

Возможные способы финансирования журналистов-расследователей в России и США

Дарья В. Неренц

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ya.newlevel@yandex.ru*

Аннотация. В среде журналистов-расследователей поиск финансирования – ключевой фактор для успешной работы. В данной статье описаны основные источники финансирования, которые используют современные расследователи. В частности, рассмотрены возможности краудфандинга, фондов, грантов, совместная журналистика, а также премии как источник финансовой поддержки после публикации расследования. Для анализа ситуации с финансированием в США и России были взяты примеры деятельности успешных СМИ и некоммерческих центров, которые зарекомендовали себя как профессиональные организации в области расследований. В США это центры Propublica, International Consortium of Investigative Journalists (ICIJ) и New England Center for Investigative Reporting (NECIR). В России – «Новая газета», РБК, «Ведомости». Примечательно, что в зависимости от разной политической, экономической ситуации в стране, а также настроений и предпочтений аудитории, источники финансирования могут существенно отличаться друг от друга, что и подтверждает проведенное исследование. В статье также рассмотрены приоритетные источники финансирования в России и США в их сравнительной характеристике и сделаны выводы о наиболее эффективных способах финансирования в современной медиасреде.

Ключевые слова: журналисты-расследователи, финансирование, гранты, премии, совместная журналистика, краудфандинг

Для цитирования: Неренц Д.В. Возможные способы финансирования журналистов-расследователей в России и США // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 67–73. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-67-73

Possible ways of financing investigative journalists in Russia and the United States

Dar'ya V. Nerents

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ya.newlevel@yandex.ru*

Abstract. The search for funding is a key factor for successful work among investigative journalists in nowadays. This article describes the main sources of funding that modern investigators use. In particular the possibilities of crowdfunding, funds, grants, collaborative journalism and awards as a source of financial support were considered. For analysis the situation with funding in the US and Russia examples of funding were taken. These examples are successful media and non-profit centers that have established themselves as professional organizations in the field of investigative journalism. There are the Propublica, the International Consortium of Investigative Journalists (ICIJ) and the New England Center for Investigative Reporting (NECIR) in the USA. There are Novaya Gazeta, RBK, Vedomosti in Russia. It is noteworthy that the sources of funding can differ from each other significantly because it depends on different political, economic situations in the country as well as the mood and preferences of the audience. It confirms the study. The article also contains the priority sources of financing in Russia and the United States in their comparative characteristics and draws conclusions about the most effective ways of financing in the current media environment.

Keywords: investigative journalists, funding, grants, awards, collaborative journalism, crowdfunding

For citation: Nerents DV. Possible ways of financing investigative journalists in Russia and the United States. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;11(44):67-73. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-67-73

Введение

Финансирование – предоставление определенных ресурсов, как правило, денежных, но это могут быть также трудовые, временные ресурсы, для поддержки проекта, человека, бизнеса или любых других частных или государственных учреждений.

Способы финансирования включают в себя кредиты, пожертвования, гранты, сбережения, субсидии и налоги, «краудфандинг» (определяется как дотации интернет-пользователей в целях поддержки определенного проекта посредством виртуальных платежных систем).

Другими словами, в настоящее время журналисты-расследователи пользуются всеми возможностями для поиска финансовой поддержки. И благодаря современным технологиям и интернет-инструментам, журналисты получают все больше шансов довести свое расследование до конца. В связи с этим можно сказать, что финансовых источников хоть и не много, но все же достаточно. И их можно разделить на две категории: финансирование до начала расследования и оплата (или вознаграждение) за расследование после его публикации.

Финансирование до начала расследования

В этой категории можно обозначить несколько вариантов получения денежных средств. Первый – финансирование со стороны редакции СМИ. И здесь тоже возможно два вида развития событий: редакция поддержит расследование, если журналист является штатным сотрудником, или заинтересованное СМИ поддержит расследование, если репортер – фрилансер (бывают случаи, когда СМИ делает фрилансерам заказ на проведение расследования). Примеров такого финансирования огромное количество. Касательно России это, в первую очередь, расследования «Новой газеты», «Ведомостей», «РБК». В США это, например, «The New York Times», «The Los Angeles Times», «Miami Herald», Frontline, CNN и др.

Второй вариант – личные средства журналиста.

Третий – спонсоры. Однако такой способ зачастую несет в себе неприятные последствия, поскольку спонсоры дают деньги только на выгодное для них дело, расследование может быть скомпрометировано и потерять свои ключевые свойства – независимость и объективность.

Четвертый и один из самых востребованных на сегодняшний день способов финансирования – различные стипендии и гранты. Эти средства могут быть направлены на краткосрочные или долгосрочные проекты. В настоящее время финансовую поддержку журналистам-расследователям в США могут оказать более 600 фондов различных видов и направленности. В России их гораздо меньше, можно говорить об около 20 организациях.

Приоритетна грантовая поддержка от различных фондов. Фонд представляет собой некоммерческую организацию, владельцем

которой может быть один человек или семья, местные сообщества или компания. Цель фонда – оказать финансовую или иного рода поддержку при работе над проектом, соответствующим тематике фонда. Любой официальный фонд имеет: юридические документы о его создании, отчеты об экономической активности, положение о контроле и управлении, положение об отчетности и аудите, учредительные документы или положение о внесении поправок в устав, документы о налоговом статусе корпоративных и частных доноров, документы о налоговом статусе фонда.

Финансирование организаций журналистских расследований полностью зависит от характера организации, ее условий предоставления денежных средств, от направленности этой организации.

Практика показывает, что источниками финансирования журналистов-расследователей с уходом их в Интернет являются различные фонды и благотворительные организации, а также добровольные взносы от читателей. Благодаря получаемым средствам расследователи имеют возможность ездить в командировки и лично общаться с очевидцами, участниками и экспертами, а также тратить на работу необходимое количество времени.

В США основными фондами, поддерживающими журналистские расследования, являются: Фонд Открытого Общества, Фонд Ватерлоо, Фонд Адессииум, Фонд Оак, Благотворительный фонд Пью, Фонд Дэвида и Люсиль Паккард. В России можно выделить: проект «Открытые медиа» фонда «Открытая Россия», экспертную группу по борьбе с трансграничной коррупцией Гражданского форума ЕС-Россия, Журналистскую стипендию Вацлава Гавела, радио «Свобода», проект «Трансграничная журналистика» программы «Перспективы», программу поддержки расследовательской журналистики SCOOP Russia (поддерживает только северо-западный регион РФ). Здесь стоит отметить, что в США этот способ наиболее распространен и особенно удобен с точки зрения свободы действий расследователя. Фонд либо дает деньги на поддержку любого журналистского расследования или некоммерческого центра в целом, либо на любое расследование, но в конкретной области (например, экологическая проблема). В России более строгие рамки: стипендии и гранты выдаются на конкретный проект, причем многие фонды финансируют только в определенных регионах, то есть получить его могут журналисты из определенного города или населенного пункта.

Довольно распространенный сейчас способ закончить расследование при недостаточном финансировании, который можно обозначить как пятый источник, – совместная журналистика (*collaborative journalism*) или сотрудничество с крупными СМИ,

которые в обмен на информацию предоставляют этим центрам необходимое оборудование и даже дополнительную команду журналистов, если тема интересная и сложная.

Центры также зачастую сотрудничают между собой. Например, Новый английский центр расследовательской журналистики Бостонского университета [1] и Расследовательская новостная сеть (INN) [2], одним из основателей которой является Чарльз (Чак) Льюис. Эти организации нередко оказывают поддержку друг другу в работе над расследованиями и делятся материалами по схожей тематике. Кроме того, специалисты INN проводят ежегодные курсы по обучению расследователей работе с программами Excel и Access, что в наше время позволяет репортеру экономить значительную часть своего времени при анализе и обработке данных, особенно числовых.

Единственное исключение из этого списка организаций, с трудом получающих финансирование, составляет ProPublica, основатели которой ежегодно пополняют бюджет на несколько миллионов долларов.

Шестым финансовым источником (хоть и сравнительно небольшим) может служить членство в Союзе журналистов-расследователей. Сейчас американские расследователи проводят многочисленные встречи и круглые столы, на которых обсуждают дальнейшее развитие расследовательской журналистики, сотрудничество друг с другом, новые методы и способы работы. Вход на такое мероприятие стоит от 10 до 30 долларов, в зависимости от масштаба. Например, 19 июня 2014 г. Новый английский центр расследовательской журналистики Бостонского университета и телеканал WGBH news провели панельную дискуссию с участием известных расследователей на тему «Роль журналистских расследований в сегодняшнем мире». Попасты на эту встречу можно было, заплатив 25 долларов. 9 мая 2018 г. на базе этого же центра прошла встреча «Убивают ли социальные сети журналистику?», вход на которую стоил 10 долларов.

Седьмой и последний вид финансирования до начала расследования – краудфандинг. Этот вид расследования весьма распространен в США. Для подтверждения этого можно обратиться к любому сайту некоммерческих центров расследовательской журналистики, например, ProPublica [3], International Consortium of Investigative Journalists (ICIJ) [4] или New England Center for Investigative Reporting (NECIR) [1]. На каждом из них в верхнем углу сразу бросается яркий значок с надписью «Пожертвовать», сумму пользователь определяет самостоятельно. В России журналисты-расследователи крайне редко обращаются к краудфандингу. В качестве причины можно указать, в первую очередь, на отсутствие доверия к рассле-

дованиям со стороны аудитории. Низкая результативность таких публикаций приводит аудиторию к расхожему мнению, что финансирование расследования неэффективно.

Финансирование после публикации расследования

К такому способу финансирования относятся журналистские премии, которые выдаются после выхода публикации. Некоторые журналисты тратят вознаграждение на проведение следующего расследования, такой практики придерживаются многие американские редакции, где работа проходит, в основном, в команде из 4–5 человек.

Безусловно, одной из самых известных премий за такие произведения является Пулитцеровская премия, которую ежегодно получают американские расследователи. Кроме того, есть премия имени Дэниела Перла, премия Livingston Award, премия Эварда Мюрроу, премия Пибоди, премия за бесстрашную журналистику имени семьи Тейлоров и др.

В России премию за журналистские расследования выдает Союз журналистов России. Это премия «Камертон» имени Анны Политковской. Далее стоит упомянуть ежемесячную премию «Редколлегия», премию «Профессия – журналист» от Открытой России и ежегодную премию имени Юлиана Семёнова в области экстремальной геополитической журналистики.

Заключение

Самым эффективным способом финансирования на сегодняшний день является одновременное использование нескольких источников. По такому принципу работает большинство некоммерческих центров расследовательской журналистики в США. В качестве источников финансирования выступают и фонды, и гранты, и краудфандинг. Такой подход позволяет добиться максимальной независимости и объективности и, как следствие, вызвать доверие со стороны аудитории.

В России по-прежнему действует классическая схема финансирования: это редакционная поддержка. Краудфандинг среди журналистских расследований в стране не распространен и не пользуется успехом, а фонды могут выдать поддержку только в том

случае, если тема расследования полностью отвечает поддерживаемой ими программе.

Что касается финансирования после проведения расследований, то это наименее распространенный способ поиска средств, поскольку у журналиста не может быть гарантий получения этой премии по итогу выхода материала.

Литература

1. New England Center for Investigative Reporting [Электронный ресурс]. URL: <https://www.necir.org> (дата обращения 04 мая 2018).
2. Institute for Nonprofit News [Электронный ресурс]. URL: <https://inn.org> (дата обращения 04 мая 2018).
3. ProPublica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.propublica.org> (дата обращения 01 мая 2018).
4. International Consortium of Investigative Journalists [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icij.org> (дата обращения 30 апр. 2018).

References

1. New England Center for Investigative Reporting [Internet]. URL: <https://www.necir.org> (data obrashcheniya 04 may 2018).
2. Institute for Nonprofit News [Internet]. URL: <https://inn.org> (data obrashcheniya 04 may 2018).
3. ProPublica [Internet]. URL: <https://www.propublica.org> (data obrashcheniya 01 may 2018).
4. International Consortium of Investigative Journalists [Internet]. URL: <https://www.icij.org> (data obrashcheniya 30 april 2018).

Информация об авторе

Дарья В. Неренц, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, ГСП-3, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ya.newlevel@yandex.ru

Information about the author

Dar'ya V. Nerents, PhD in Philology, senior lecturer, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993; ya.newlevel@yandex.ru

История публицистики. Риторика

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-74-80

Империя до империи. Школьная драма в контексте публицистики эпохи Петра I

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. Автор анализирует школьные драмы эпохи Петра Великого как публицистические произведения. Материал исследования – пьеса «Торжество мира православного» (*The Triumph of the Orthodox World*). В этой школьной пьесе, написанной в 1703 г., уже используются образы империи и апостольской проповеди для прославления политики Петра I.

Ключевые слова: публицистика, политическая терминология, школьная драма, эпоха Петра I, империя, апостол

Для цитирования: Одесский М.П. Империя до империи: Школьная драма в контексте публицистики эпохи Петра I // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 74–80. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-74-80

An empire prior to the empire. School drama in the context of publicism in Peter the Great's epoch

Mikhail P. Odessky

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The author analyzes school dramas of Peter the Great's Epoch as publicist writings. The research is based on the play *The Triumph of the Orthodox World*. In this school drama written in 1703 images of the empire and apostles teaching are used to praise Peter the Great's policy.

Keywords: publicism, political terms, school drama, Peter the Great's epoch, empire, apostle

For citation: Odessky MP. An empire prior to the empire. School drama in the context of publicism in Peter the Great's epoch. *SUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*. 2018;11(44):74-80. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-74-80

Петр I отличился в русской истории не только как реформатор, но и как организатор пропагандистского продвижения своих реформ, чему уделял постоянное внимание и добился успехов. Вместе с тем техника петровской пропаганды (и официальной публицистики) принципиально отличалась от современной. Если современная пропаганда следует установке на убедительность, то Петр I – самодержец и законный государь – не имел практической надобности убеждать. Соответственно, если современная пропаганда оперирует представлениями, привычными социуму, то петровская пропаганда, безразличная к степени своей убедительности, скорее инициировала ситуацию убеждения, а потому использовала пропагандистские приемы, социуму неизвестные и шокирующие [см. подробнее 1 с. 41–47].

Значимое место в арсенале петровской пропаганды отводилось так называемой школьной драме. Это – своего рода «самостоятельность» духовных училищ, уходившая корнями в Средневековье, но особую популярность обретшая в Реформацию. С одной стороны, ее высоко оценивал Мартин Лютер, с другой – в совершенстве владели иезуиты. На Русь школьные пьесы попадают в XVII–XVIII вв. при посредстве ученых украинцев (реже – белорусов), которые обучались в католической Польше. Когда в Москве была учреждена Славяно-греко-латинская академия (в качестве академии это первое в Великодержавии учебное заведение функционировало с 1701 г.), то силами ее преподавателей стали сочиняться и пьесы. Для школьной драмы были характерны: соблюдение строгих теоретических предписаний; обработка мифологических или библейских сюжетов; использование аллегорических фигур; преобладание декламации над действием и т. д. Однако в первое десятилетие XVIII в. Славяно-греко-латинская академия превратила школьные пьесы в эффективное средство публицистического освещения внешней политики петровской России, а именно – событий Северной войны. На академической сцене

регулярно ставились драматические панегирики, прославлявшие русские победы: от начальных – до Полтавы. Постановки согласовывались с торжественными мероприятиями, которые устраивало правительство, и наглядно «визуализировали» официальную идеологию. Также постановки сопровождалась подробными программками, которые печатались (редкость для того времени) и функционировали как самостоятельное публицистическое произведение. В данной статье рассматривается представленная 16 января 1703 г. пьеса «Торжество мира православного» (см. комментарии В.В. Кускова [2 с. 494–495]), которая как раз сохранилась только в виде печатной программки.

«Торжество мира» было не первым в ряду драматических панегириков: ей предшествовали «Страшное изображение второго пришествия Господня» (4 февраля 1702 г.) и «Царство мира православного». Эту последнюю пьесу приготовили к именинам царя (29 июня 1702 г.), но Петр столицу не посетил и спектакль не состоялся (притом программку опубликовали, что свидетельствовало о высоком пропагандистском статусе). Когда зимой 1703 г. было решено организовать в Москве торжества, должные ознаменовать победы над шведами, то «Царство мира» переделали в новую пьесу – «Торжество мира православного». Легкость трансформации объясняется тем, что в обеих пьесах центральным героем выступал апостол Петр, но только первая была приурочена к церковному празднику первоверховных апостолов Петра и Павла, а вторая – к поклонению веригам апостола Петра.

Пьеса «Торжество мира» имеет типичную для школьной драмы структуру и состоит из пролога, трех действий, эпилога. В I и II действиях на аллегорическом и историческом уровне представлены апостольские подвиги св. Петра: проповедь истинной веры; одоление в Риме языческого мага Симона; крестная смерть. Ничто, казалось бы, не сигнализирует о политическом подтексте – военных победах 1702 г. Имеется в виду русское наступление в Ингерманландии; там пал Нотебург, ставший крепостью Шлиссельбург (Ключ-город), потом другие крепости (в 1703 г. Ингерманландия полностью перейдет под контроль русской армии).

В III действии авторы все-таки пытаются актуализировать сюжет. Фигура Злочестия, которая ранее прислуживала гонителю христианства императору Нерону, теперь

вжигает две кометы, луну таврикийскую, льва шведского, еже вредити Православие; но Благодестие, под крилома орла великороссийского неврежденно, Марсу российскому дает крест и мечь,

еже Православия борителя побеждати. <...> Злочестие полки свои чиновне разполагает, на них же Марс роксоланский со вои нашед, ко многой брани злочестивыя в бегство приводит и достизати бегущих устремляется, воином догнанныя убивающым <...> Фортуна Генеуша Марса российского венчает, брати города противных... [2 с. 203–205].

Политическая актуализация здесь в том, что Православию, которое ранее защищал апостол Петр, теперь угрожают геральдические замещения враждебных государств – «луна таврикийская» (в данном случае сюзерен «таврикийских» крымских ханов – Турция) и, конечно, «лев шведский», а христианское Благочестие осеняется крылами геральдического Орла Российского. В этом противостоянии рядом с Орлом борется – в христианском панегирике! – языческий бог войны Марс. Марс имеет подсказывающее определение «российский», ему (точнее, его аллегорическому удвоению – «Гениушу»-Гению Марса) дано «брати города противных» (как Петру в Ингерманландии), а потому языческий бог предстает панегирическим замещением самого победоносного царя.

«Торжество мира православного» заканчивается триумфом Марса, который происходит в Риме: «торжественный воз» с Гениушем Марса влекут аллегорические Мужество и Фортуна; также «воз» влеком львом и змеей – «знамениями побежденных»; направляется колесница триумфатора Марса «до Капитолия, торжествующих храма» [2 с. 206].

Наконец, в эпилоге снова вспоминается св. Петр: его Гениуш вместе с Благочестием и Миром православным слагают «похвальная анаграмматa» из имени царя [2 с. 206] – тезки апостола. Однако, как неоднократно указывалось, глубинный аспект панегирической актуализации заключается в том, что апостол Петр – не просто тезка, а патроним царя, то есть святой, в память которого он получил имя. А значит, это – пример хорошо известного в то время риторического приема восхваление-через-соименников [1 с. 181–186]. Потому и будущая столица России, в 1703 г. заложенная царем на взятых землях, названа городом святого Петра: Санкт-Петербург. Следовательно, вся пьеса «Торжество мира православного» (и «Царство мира») – коль скоро она посвящена подвигам апостола Петра, даже вероучительным – автоматически означала восхваление подвигов царя, даже воинских. Это с одной стороны. С другой – добавляя к сказанному новые соображения, продуктивно акцентировать, что в петровской пропаганде апостольское служение его патронима получало дополнительный публицистический смысл.

Действительно, царь Петр и его сотрудники стремились позиционировать государственную идею как основанную не на историческом предании, а на славном настоящем и будущем – героических подвигах государя-реформатора. Российская империя не только и не столько наследует московскому царству, сколько предстает небывалым прецедентом – государством с новой территорией, с новой армией и флотом, с новыми институтами. В петровской публицистике преобладает апелляция не к «своим», а к вечным образцам: подданных надо просвещать и заново учить, чтобы сформировать совершенно нового человека – унифицированного подданного нового государства.

Это выражается и в идеологическом дискурсе. Прежде всего – в новом титуле государя: в 1721 г. – после победы в Северной войне – вместо традиционного «царь» вводится «император», универсальный по характеру и наделенный античными коннотациями. Но еще в «Торжестве мира православного» (в III действии) языческая богиня войны Беллона вещает Александру Македонскому и Помпею Великому, что они «паки» возродились в Марсе российском (то есть царе Петре), который «их храбрости торжеств и величества есть наследник», а в сцене римского триумфа эти великие полководцы древности шествуют перед колесницей Марса, которая влечет современного героя в Капитолий [2 с. 206].

Другим наглядным и эффективным приемом презентации универсальной концепции петровской власти – наряду с образом империи – служил образ нового миссионерства. Иначе говоря – апостольства. Как Христовы апостолы просвещали народы светом новой религии, так при Петре правительственная пропаганда следовала установке на приобщение русского общества к новой идеологии, которая практически трансформировалась в новую религию. Новые ценности аргументировались необходимостью радикального преобразования общества и создания нового человека. Программа – грандиозная, и адекватным ее символом оказывалась только христианская миссия – распространение новой, истинной веры. Закономерно, что в качестве первого ордена России еще в конце XVII в. учреждается орден апостола Андрея Первозванного (апостол, согласно исторической традиции – от «Повести временных лет» до «Синописа», некогда посетил русские земли). Аналогично апологетам царя Петра из Славяно-греко-латинской академии понадобился св. Петр, не только патроним монарха, но и первоверховный апостол.

Более того, авторы «Торжества мира православного» наметили панегирический образ, который замечательно синтезировал идеи

империи и апостольской миссии. В III действии – перед решительной битвой во имя Православия – Гениуш российского Марса обращается с молитвой к Богу (так!), и языческому богу является христианский крест с надписанием: «В сем знаменнии победиши» [2 с. 205]. В этом эпизоде легко узнать аллюзию на чудесное явление креста римскому императору Константину, а император Константин почитался церковью как «равноапостольный». Дефиниция «равноапостольный» означает повторение миссии апостолов: правители прославляются в качестве равноапостольных, если они (как Константин в Римской империи) легализовали христианство в своих государствах. Апостолы действовали словом, равноапостольные государи – правительственной властью, что делало сравнение с ними еще более привлекательным для царя Петра. Позднее – в походе против турок 1711 г. – Петр вводит новые знамена, украшенные Константиновым девизом «Сим знаменем победиши!» [3 с. 53]. Наконец, в траурном «Слове на погребение Петра Великого» (1725) Феофан Прокопович, перечисляя невероятные успехи правления императора, вспоминает и Константина Великого:

Се же твой, о и церкви российская... Константин. Его дело – правительство синодальное, его попечение – пишемая и глаголемая наставления. О, коликая произносило сердце сие воздыхания о невежестве пути спасенного! [4 с. 127]

Кстати, тот же Феофан Прокопович – наиболее яркий представитель петровской публицистики – свою киевскую школьную драму (трагедокомедию) «Владимир» (1705 г.) посвятил другому равноапостольному государю, крестителю Руси. Восхваление христианского подвига киевского князя символизировало московского царя Петра: равноапостольный Владимир неспроверг языческие суеверия, а царь борется с суевериями своего времени, то есть негативно оцениваемой традиций. Соответственно, в финале трагедокомедии Феофан Прокопович вывел и апостола Андрея, пророкствующего о грядущем величии Петра [4 с. 207].

Итак, школьная драма «Торжество мира православного», несмотря на подобающий духовному учебному заведению религиозный сюжет – христианские подвиги апостола Петра, публицистически транслировала базовые идеологемы правительственной пропаганды: деятельность царя Петра настолько не имеет национальных прецедентов и столь величественна, что ее могут достойно символизировать лишь универсальные идеи империи и апостольства.

Литература

1. *Одесский М.П.* Поэтика русской драмы: Последняя треть XVII – первая треть XVIII в. М.: РГГУ, 2004. 397 с.
2. Пьесы школьных театров Москвы / Ред. А.С. Демин. М.: Наука, 1974. 584 с.
3. *Härtel Н.-J.* Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič. Würzburg: Augustinus-Verlag, 1970. 254 s.
4. *Феофан Прокопович.* Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 502 с.

References

1. Odessky MP. Poetics of the Russian Drama; 17th – the first third of the 18th century. Moscow: RGGU Publ.; 2004. 397 p.
2. The School dramas of Moscow Theatres / Ed. by AS. Demin. Moscow: Nauka Publ.; 1974. 584 p.
3. Härtel Н.-J. Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič. Würzburg: Augustinus-Verlag, 1970. 254 s.
4. Feofan Prokopovich. Works / Ed. by IP. Eremin. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ.; 1961. 502 p.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. in Philology, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; modessky@mail.ru

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-81-91

Русская публицистика XVII в. (патриарх Никон как традиционалист)

Андрей В. Каравашкин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, karavash2008@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения индивидуальной творческой манеры патриарха Никона и литературной традиции русского Средневековья. Главным объектом филологического анализа становятся письма Никона к современникам и его обращения к царю по личным и злободневным вопросам. Последние имели и широкое общественное звучание, поскольку касались отношений светской и церковной власти, будущего церковных реформ, отношений России и православного Востока. Автор статьи приходит к выводу, что сочинения известного новатора и реформатора церкви соответствовали консервативному литературному обычаю и в большинстве случаев отвечали требованиям древнерусской книжной культуры.

Ключевые слова: публицистика, литературный обычай Средневековья, эпистолография, послания, литературная культура

Для цитирования: Каравашкин А.В. Русская публицистика XVII в. (патриарх Никон как традиционалист) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 81–91. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-81-91

Russian publicism of the 17th century (Patriarch Nikon as a traditionalist)

Andrey V. Karavashkin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
karavash2008@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the issue of correlation of the individual creative manner of Patriarch Nikon and literary tradition of the Russian Middle Ages. The main object of philological analysis are Nikon's letters to contemporaries and his appeals to the Tsar on the personal and topical issues. The author comes to the conclusion that the famous innovator and reformer of the church as a writer and publicist corresponded to the conservative etiquette of the ancient Russian book culture.

Keywords: publicism, etiquette of medieval literature, epistolography, letters, literary culture

For citation: Karavashkin AV. Russian publicism of the XVII century (Patriarch Nikon as a traditionalist). *SUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;11(44):81-91. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-81-91

Патриарх Никон, реформатор Церкви и один из лидеров беспрецедентной «справы» середины XVII в., как знаток книжности и образцовый писатель не уступал своим главным противникам – старообрядцам. Никон-проповедник и автор посланий смело может быть отнесен к традиционалистами. Протопоп Аввакум в этом смысле выглядит даже большим новатором: увлечение разговорной стихией давало о себе знать у пустозерского сидельца почти в каждом сочинении. Впрочем, и Никон порой был способен к реалистической манере повествования, предполагавшей и сниженную профанную речь, и наглядность художественной детали. Не случайно описание тесноты, физических неудобств, болезненных состояний у Никона и Аввакума очень близки. Так Никон говорит о своих бедах в ссылке, обращаясь к царю в письме 1671 г. [1 с. 232]. И все-таки для патриарха это скорее исключение, чем правило.

Послания и проповеди – ведущие лирические жанры XVII века. Они не утратили свою традиционную природу, то есть были насы-

щены отсылками к авторитетным текстам, сохраняли основу суггестивных средств воздействия на адресата и речеповеденческие тактики, которые сложились еще на заре церковной книжности Древней Руси, в XI–XII вв. Книжным приемам не мешал даже личный или деловой характер переписки. Один из самых ярких лидеров «переходной» эпохи в этом смысле оставался в русле многовековой традиции. Некоторые из его посланий и челобитных представляют исключительный интерес именно как примеры глубокого усвоения этоса и литературных особенностей древнерусских пастырских поучений.

Исследовательница эпистолярного наследия Никона С.К. Севастьянова приходит к выводу:

Патриарх Никон по духу и убеждению, образованности и стилю письма – традиционалист. Он был начитан в святых отцах и превосходно знал Священное Писание; Никон прекрасно ориентировался в церковном и светском законодательстве. В то же время патриарх, судя по богатейшей библиотеке Воскресенского монастыря, проявлял интерес к античным авторам, мировой истории, к медицине, астрологии. Однако в эпистолярных текстах Никон никак не использовал своих познаний в этих областях [2 с. 239].

Как образцовый древнерусский книжник автор посланий сосредоточен на скриптурных текстах: большинство примеров, цитат, аналогий, образов, сюжетов он заимствует именно из библейских книг. При этом Никон приспособливает вечные истины и ситуации к современному контексту таким образом, что цитата порой служит точкой отсчета для описания обстоятельств более драматичных, нежели те, что изображаются в священном первоисточнике. Так, в послании царю «об опечатании на Московском подворье писем и бумаг» патриарх замечает:

Аще и я, по долгу своему, прощения от тебя, великаго государя, чрез писание просил, в них же яко человек согрешил, по заповеди Господни, рекшей: «Аще принесеши дар свой ко олтарю и имать нечто брат твой на тя, остави ту дар и шедмирисясо братом своимъ» (Мф. 5, 23–24)¹. Аз же не яко брат, но яко последний богомолец вашь. Ты же, великий государь, чрез спальника своего Афанасия Ивановича Матюшкина прислал свое милостивое прощение. Ныне же слышу,

¹ Здесь и далее ссылки на Новый Завет приводятся в тексте цитируемых источников в скобках.

многаториши не яко прощеному, но яко последнему злодею: худыя моя и смиренныя вещи, иже суть в келье остались, и писма, в них же много таинство, егоже никому от мирских ведать [2 с. 389].

Иными словами, Никон не столько комментирует авторитетную цитату, сколько избирает ее в качестве исходного смыслового и эмоционального импульса для своих рассуждений. Эта особенность отсылок к библейским первоисточникам типична для эпистолярного наследия Никона, что уже было отмечено исследователями, занимавшимися особенностями экзегезы этого патриарха XVII в. [3 с. 1019].

Такая речеповеденческая тактика, как апелляция, получает у Никона многообразные риторические и художественные функции. Особенно заметными выглядят евангельские аллюзии в деловом контексте, там, где сходятся вечные нравственные принципы и повседневность. В челобитной Алексею Михайловичу от сентября-октября 1673 г. читаем:

А что было твоего, великого государя, жалования, милости ко мне, богомольцу твоему, и то истоших алчным, жадным, странным, нагим, босымъ, в темницы за ваше, государево, душевное спасение и телесное здравие. Да в день судный з десными стояние ваше будет, и да сподобитесь слышати сладкий глас Господень, реченный: «Приидете, благословении Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царство от сложения мира: взалкахбоя, и дасте ми ясти» и прочее (Мф. 25, 34–36). И сиихъ ради не остави и нас алкати, вели, Господа ради, давать с Шексны реки, з Богословского езу (ез – плетни, частокол в реке для ловли рыбы. – А. К.), рыбки длинные, что было дано мне, богомольцу твоему, на препитание в Воскресенском монастыре. <...> Да пожалуй, Господа ради пришли яблочекъ, сколько тебе, великому государю, Богъ известит, а я того благословения Божия седьмой год не едал, потому что здесь не роятся, да и купить негде и нечем, понеже не могу сокровищствовати чрез заповедь Божию, глаголющую: «Всякому, просящему у тебе, дай» (Лк. 6, 30). И сего ради раздах [2 с. 495].

Личная житейская просьба сочетается в челобитной с мыслями о воздаянии на Страшном суде, заботы повседневности и ее тяготы – с размышлениями о непреходящем значении евангельских заповедей. Во время ссылки Никон часто писал челобитные, благодарственные послания и пространные поучения эпистолярного характера, адресованные царю Алексею Михайловичу и его семье. Конечно, в большинстве челобитных богословские размышления

отсутствовали. Тем интереснее, что в отдельных случаях речеповеденческие тактики высоких жанров заявляли о себе по самым, казалось бы, непримечательным поводам. Изверженный из священства Никон благодарит царя за милости и просит о помощи, объясняя свое бедственное состояние издержками на помощь бедным и страждущим. Хотя речь идет всего лишь о присылке яблок и о праве пользоваться плетнями для ловли рыбы, евангельские слова должны напомнить о долге каждого христианина.

Излюбленным приемом Никона была ретроспективная историческая аналогия – одна из констант древнерусской литературы. Она связана с таким важным принципом средневековой книжности, как *подобие* [4 с. 183–184]. Всему в мире соответствует образец. Как текст восходит к готовым формам, так и сама жизнь опирается на ситуации прошлого. Правдивость заключается не в отражении реальности, а в следовании должному, тому, что уже существует как эталон и мера. В своей жизни Никон видит лишь повторение прежде бывшего. Правда, образцы для подражания он выбирает самые высокие, способствуя тем самым сакрализации автобиографического дискурса. В письмах Алексею Михайловичу Никон сравнивает суд над собой с осуждением Христа иудеями, а также не забывает о событиях из жизни апостолов Петра и Павла. Патриарх также проводит аналогии между своей судьбой и памятными для всех христиан изгнанием Иоанна Богослова на Патмос и гонениями на Иоанна Златоуста. В письме Паисию Лигариду Никон кроме уже приведенных примеров обращается к историям Афанасия Великого и Григория Богослова. В письме Никите Алексеичу Зюзину появляются сопоставления с похожими ситуациями в житиях Василия Великого и российского митрополита Филиппа (Колычева) [5 с. 61–62; 6 с. 70–71].

Иногда адресант царя прибегает к толкованию образов, их развитию, что роднит этот прием с речеповеденческой тактикой метафоризации, предполагающей не прямое понимание символов и предметов. «Солнце» и «дождь» уподобляются словам и милости государя, которые не бывают напрасными. На страницах благодарственного письма Никона царской семье от 1673 г. есть такое сравнение:

Да и вы оставление примете от Господа Бога, глаголющаго: «Оставите и оставится вам» (Лк. 6, 37). И паки: «Блаженнимилостивии, яко типомиловани будут» (Мф. 5, 7). Божие есть слово се и не изможет, якоже и Самъ Господь свидетельствует, глаголя: «Небо и земля преидет, словеса же Моя не имутьпреити» (Лк. 21, 33). Такожде и ваши, государевы, глаголы от истины неизменны бывають, якоже солнце не

умалается своего кола и не изменяется своя теплоты и светлости, ни истощается изливанием лучь, или якоже благополучный дождь, сходяи от небесе, не обратится, дондеже не напоить землю и плод блажь сотворит. Также и ваша, государева, милость не обращается тща, дондеже произыдет в дело [2 с. 484].

Неоднократно сравнивает царя с солнцем и Симеон Полоцкий. Отметим, что уподобление царя солнцу становится одним из общих мест культуры русского барокко и заявляет о себе в весьма неожиданных контекстах. Так, при постановке балета «Орфей» Алексей Михайлович должен был услышать хвалебные стихи в свою честь, в том числе сравнение монарха с солнцем, луной и звездами. Стихи известны нам в изложении Якова Рейтенфельса [7 с. 34, 41–42].

В обличительном послании архиепископу вологодскому Симону Никон разъясняет значение слова «церковь» (метафоризация²) и одновременно опровергает ложное мнение, присовокупляя к этому и уничижающие адресата обороты речи, и детали быта, и апелляцию в виде цитаты, и ряд ретроспективных исторических аналогий, восходящих к Ветхому и Новому Заветам:

И то ты, чернец, забыв Священное Евангелское приточное наказание фарисейское, паки и другое о малом сущце во очеси брата и в своем глазе берна не чуеши: «Лицемере! Измипервиберноизо очесе твоего и потом да уразумеши и братнисучщыизимати» (Мф. 7, 5; Лк. 6, 42). Забыл еси то, какъ ты в Александрове монастыре на кобыле пахивал? И ныне содомиты полнь двор твой, и зденарицаешь каменные стены церковию: оба полы полны содомитов, горшивсякия ереси, ибо всякой ереси Богътерпитъ, а Содому и Гомору не к тому, но огнемъ и камени-емгорящимъ всю они землю погубиль и растлил, и курение дыма оного и до днесь курится во страх то всем творящим. «Лицемере, очисти первеевнутренаясткляницы и блюду, да и внешняя тебе будутъ чиста» (Мф. 23, 26). Мню, яко мало чтеши Священного Писания и разумеши. Церковь бо не стены каменные и древяныя, но закон и собрание благочестивых людей, якоже и во Священном Писании Павел апостоль писал в посланиих своих разным Церквам, и святыи апостоль Иоанн Богословъ во Апоколеписе разным же Церквам: не зданию и стенам сущим, но собрание множество народа, веровшим Христу Богу нашему. Павел и Сила, в темнице молящся, получиша прощение (Деян. 16, 25–34). Фарисей, во церкви молящся, осудися (Лк. 18, 10–14) [2 с. 510].

² О понимании свойств Церкви русскими книжниками конца XVII в. см.: [8 с. 135–154].

Показательно, что в послании Симону все фигуры речи и приемы служат одной цели: раскрыть источник греха, заключающийся, по мнению Никона, в духовном невежестве, в неспособности видеть истину, в материальной приземленности («в Александрове монастыре на кобыле пахивал»). Симон забыл Священное Писание, подменил подлинную суть церковного учения грубыми признаками внешнего благочестия. Отсюда появляется необходимость объяснить, ссылаясь на полноту мысли апостола Павла, что Церковь есть не здание с каменными или деревянными стенами, а собрание духовно близких людей, есть суть веры, а не материальный объект, есть спасительная связь с высшим началом, а не место, где выставляют напоказ внешние добродетели. Поэтому молитва Павла и Силы в темнице оказалась действеннее молитвы фарисея в храме. В темнице произошло чудо освобождения от плена, а фарисей был поставлен духовно ниже мытаря и осужден.

Часто патриарх прибегает к опровержению ложных мнений, что придает его эпистолографии полемический характер. В послании царю Алексею Михайловичу 1675 г. Никон рассказывает о распространении в Кириллове монастыре капитоновской ереси. Опальный иерарх не только излагает суть ошибочных суждений, но и дает подробное описание неправедных деяний одного из монастырских «вкладчиков», капитоновца Александра Боркова, который способствовал опасному уклонению обители в ересь: «А они, архимандрит з братьею, о том к тебе, великому государю, не пишут. А какъ, государь, та ересь умножится, и у них то же будет, что и в Соловках» [2 с. 527].

Как видим, Никон по-прежнему исповедует свои взгляды на реформу Церкви, а его подробный отчет о состоянии дел в монастыре (отчет, адресованный самому царю) служит и подтверждением лояльности, и знаком того, что экс-патриарх, сильно разочаровавшийся в греческом духовенстве, не пересмотрел своего отношения к церковным реформам по существу. И в этом смысле он и после осуждения на соборе 1666–1667 гг. остается сторонником государя:

Да у них же, государь, в Кириллове монастыре есть вкладчикъ Александръ Борков, а ереси держится капитонские и исправленные книги называет еретическими, а меня, богомольца твоего, называетъ антихристом. А я несть антихристь, аще и грешеньесмы, но благодатию Божию совершен христианин и святым крещением просвещен, а антихристь егдаво свое время будетъ, аще что и сотворит – все по привидению и ложнымъ действом. А тебя, великого государя, называет онъ, Александръ, изумившымся и прельстившымся того ради, что ты, великий государь, святыя книги почитаешь, справленыя с старогрецкихъ [2 с. 525–527].

Однако это не означало, что конфликт между царем и патриархом был исчерпан. В письмах Никон неоднократно вспоминает про несправедливость тех, кто не посчитался с законной суверенностью его духовной власти. При этом в текстах Никона заявляет о себе порой конвенциональная модель мученичества за Христа. Отметим, что тогда же этот вид типичного объяснения становится излюбленным способом интерпретации гонений у сторонников Неронова и Аввакума. То есть у реформатора Никона и его противников обнаруживаются общие культурные коды, которые мы вправе отнести к числу фундаментальных для русской средневековой книжности. В послании письмоноосу иерусалимского патриарха Савве Дмитриеву Никон замечает:

И паки самому Господу глаголющу: «Прежде же сихъ всех возложать на вы руки своя и изженуть, предающе на сонмищи и темницы, ведоми ко царемъ и владыкамъ имени Моего ради. Прилучит же ся вам во свидетелство» (Лк. 21, 12–13). И все, еже о насъ, збыстся, и несть лепогневатися намъ на царя и владыки, и боляръ, яко тако писано есть, и тако подобаетъ всемъ писаннымъ скончатися. Ихъ время пришло, что мучити, а намъ, Христа ради и святыхъ Его ради заповедей, мучитися. Злопостражи, яко добръ воинъ Христовъ! [2 с. 595].

В евангельских пророчествах Никон видит предсказание о будущих мучениях за веру. На этот раз патриарх примеряет обещанный подвиг к себе и своим сторонникам, готовым страдать от действий светской власти.

Порой в текстах Никона заметны и такие традиционные жанрообразования, как видения и знамения. Например, в челобитной Никона от июня 1652 г. – еще в бытность его новгородским митрополитом – царю Алексею, царице Марии Ильиничне и царевнам находим описание сна, в котором Филипп Кольчев представлен лежащим в раке. При этом образ его подобен иконописному и просветлен. Святой Филипп пробуждается и обращает слова поддержки сокрушенному Никону:

Мало ми воздремавшу, и се вижу святаго отца Филиппа митрополита по обычаю в раки лежаща. И отъкрывъ самъ покровъ, на немъ лежащий, вельми светло святое лице его явися тако въобразомъ, яко пишется на иконе [2 с. 366].

Вслед за этим Никон рассуждает о том, что Бог «о святей вельцей соборной церкви святой свой промыслъ показатии мать, и добраго намъ, словеснымъ Его овцамъ, пастыря дати...» [2 с. 366].

Итак, здесь также развит традиционный книжный топос «пастырь / овцы / волки». О значении этой топики писали С.К. Севастьянова и Г.М. Зеленская [6 с. 91]. Стоит обратить внимание на то, что в этом случае мы встречаемся с одним из наиболее ярких проявлений древнерусского литературного обычая. Евангельская притча о пастыре, наемнике и угрожающем овцам волке (Ин. 10, 11–16) была настолько популярна в Средние века, что ее присутствие в текстах может быть одним из показателей принадлежности памятника к христианской традиции как таковой. Но именно в русской средневековой книжности эта символично-метафорическая образность стала применяться к государству и «делам земским», на что обратила в свое время внимание В.П. Адрианова-Перетц [9 с. 97–102]. В Русском государстве «пастырь добрый» и «наемник» стали обозначать оппозицию истинного государя-помазанника и его антагониста – тирана или врага христианства. Традиция эта прослеживается от «Послания на Угру» Вассиана Рыло до «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого.

Челобитная Никона написана после смерти патриарха Иосифа. Таким образом, сон оказывается в руку, служит знаком возвышения: ведь Филипп в пророческом видении призывает именно Никона, который демонстрирует богобоязненное смирение, замечая: «А еже бес пастыря быти надолзе стаду Христову – многая беда оть волкъ есть душетленныхъ» [2 с. 366].

27 февраля 1654 г. в письме Алексею Михайловичу Никон описал чудесное явление огненного столпа в Иверском монастыре:

Прежде нашего пришествия в ваше, государево, богомолье, в новой монастырь Пресвятыя Богородицы Иверския и святого священномученика и исповедника Филиппа митрополита, от четвертка против пятка в ноци в третий чась бысть над монастырем тем знамение страшно: столпъ огнень явися от земли до небеси, и от того огненаго столпа окрестъ светъ облиста великъ зело версты по три и по пяти, и по десяти, и по дватцати и боле, яко во дне светитися всему. Мнози по деревням от необычнаго того света в страх впали... [2 с. 371].

Символические жанры в контексте эпистолярного наследия Никона отвечают как традициям иконописи и агиографии, так и публицистическим интенциям автора, который использовал видения для того, чтобы выразить собственное отношение к важным вопросам современности [2 с. 163]. Этот подход лежит в русле традиции видений и знамений Древней Руси и тесно связан с литературной практикой «переходного» века.

Итак, мы можем констатировать не абстрактную априорную принадлежность Никона к древнерусской литературной культуре, но точное совпадение его творческой манеры с основными приемами и речеповеденческими тактиками литературного обычая Древней Руси.

Литература

1. Демин А.С. Реально-бытовые детали в Житии протопопы Аввакума (к вопросу о художественной детали) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII – начало XVIII в.). М.: Наука, 1971. С. 230–246.
2. Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона: Переписка с современниками: Исследование и тексты. М.: Индрик, 2007. 776 с.
3. Патриарх Никон. Труды / Науч. иссл., подгот. док., сост., общ. ред. В.В. Шмидта. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 1264 с.
4. Сапожникова О.С. Иоанн Златоуст и митрополит Филипп (к вопросу об образах, прообразах и моделях) // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 183–213.
5. Севастьянова С.К. Патриарх Никон и митрополит Филипп (Колычев): к вопросу о жизненных ориентирах и подобию // Соловецкое море. 2010. № 9. С. 61–73.
6. Севастьянова С.К., Зеленская Г.М. Патриарх Никон и святитель Филипп, митрополит Московский: опыт комплексного исследования // Palaeoslavica. 2015. Т. 23 / 2. С. 69–164.
7. Черная Л.А. Придворная культура Алексея Михайловича: от Артаксеркса до Орфея... // Исторический вестник. 2013. Т. 3 (150). С. 24–47.
8. Севастьянова С.К. Символично-аллегорические определения и метафорические образы Церкви в новонайденном сочинении конца XVII в. о Патриархе Никоне // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 135–154.
9. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1947. 188 с.

References

1. Demin AS. Reality and everyday details in the Life of Avvakum (On the question of an artistic detail). *Russian literature at the turn of two eras (17th – beginning of 18th century.)*. Moscow: Nauka Publ.; 1971. P. 230-46. (In Russ.)
2. Sevast'yanova SK. Epistolary heritage of Patriarch Nikon. Correspondence with his contemporaries. A study and texts. Moscow: Indrik Publ.; 2007. 776 p. (In Russ.)

3. Patriarch Nikon. Works. Scientific research, preparation of documents for publication, comp., general editorship VV. Shmidt. Moscow: Moscow University Publ.; 2004. 1264 p. (In Russ.)
4. Sapozhnikova OS. John Chrysostom and Metropolitan Philip (on images, prototypes and models). *Book centers of Ancient Russia. Scribes and manuscripts of the Solovetsky monastery*. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ.; 2004. P. 183-213. (In Russ.)
5. Sevast'yanova SK. Patriarch Nikon and Metropolitan Philip (Kolychev). To the question of life orientations and the likes. *Solovetskoe more*. 2010;9:61-73. (In Russ.)
6. Sevast'yanova SK., Zelenskaya GM. Patriarch Nikon and St. Philip, Metropolitan of Moscow. An essay of comprehensive research. *Palaeoslavica*. 2015; 23(2):69–164. (In Russ.)
7. Chernaya LA. Alexei Mikhailovich court culture. From Artaxerxes to Orpheus... *Istoricheskii vestnik*. 2013;3(150):24-47. (In Russ.)
8. Sevast'yanova SK. Symbolic and allegorical definitions and metaphorical images of the Church in the new composition of the late 17th century about Patriarch Nikon. *Vestnik PSTGU. II Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. 2014;4 (59):135-54. (In Russ.)
9. Adrianova-Peretts VP. Essays on the poetic style of ancient Russia. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ.; 1947. 188 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей В. Каравашкин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; karavash2008@yandex.ru

Information about the author

Andrei V. Karavashkin, Dr. in Philology, professor, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; karavash2008@yandex.ru

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-92-100

От робеспьеризма к «постепенчеству».
Проблема революции
в публицистике А.И. Герцена

Светлана М. Волошина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, s.m.voloshina@gmail.com.*

Аннотация. В статье дается общий обзор развития взглядов А.И. Герцена на проблему революции и их отражение в его публицистике. Понимая революцию достаточно широко, Герцен причисляет к ее образцовым, архетипическим примерам возникновение и первые века христианства в Древнем Риме, а также Французскую революцию 1789–1794 гг. Обе революции, их «апостолы» и вера в преобразование мира были для Герцена критериями оценки и моделями для последующих переворотов и их участников. Революция 1848 г. пошатнула веру Герцена в новых революционеров, целесообразность якобинских методов и необходимость революционных преобразований для современности; привела к кризису его мировоззрения и потребовала глубокого анализа причин провала революции. С 1848 г. Герцен все более охладевал к идеям государственного переворота, отказывался от идеализации «апостолов революции», а также террористических якобинских методов.

Ключевые слова: А.И. Герцен, революция, Французская революция, история России, террор, публицистика

Для цитирования: Волошина С.М. От робеспьеризма к «постепенчеству». Проблема революции в публицистике А.И. Герцена // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 92–100. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-92-100

From “robepierrianism” to piecemeal reforms.
Alexander Herzen on revolution
in his political essays

Svetlana M. Voloshina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
s.m.voloshina@gmail.com.*

Abstract. In the article, the author presents the overview of A.I. Herzen’s changing views on revolution and the way they are reflected in his political essays. Having a broad perception of revolution, Herzen considers the emergence of Christianity and its early years in Ancient Rome as well as the French Revolution to be the exemplary, paradigmatic revolutionary cases. Both revolutions, their “apostles” with their belief in the world transformation were Herzen’s assessment criteria and models for the prospective coups and their participants. The revolution of 1848 shattered Herzen’s faith in the new revolutionaries, in the expedience of Jacobin methods as well as in the necessity of revolutionary changes for the present. It resulted in a crisis in his worldview and demanded deep analysis of the reasons why the revolution failed. From year 1848 on, Herzen was getting less inclined to the idea of a coup d’etat, he refused to idolize the “apostles of the revolution” and Jacobin terrorist methods.

Keywords: A. Herzen, revolution, French Revolution, the history of Russia, terror, political essays

For citation: Voloshina SM. From “robepierrianism” to piecemeal reforms. Alexander Herzen on revolution in his political essays. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;11(44):92-100. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-92-100

Отношение А.И. Герцена к революции, ее методам, алгоритму, анализ предыдущих и прогнозы возможных будущих – частая тема его публицистических высказываний.

Великая французская революция была для Герцена вторым из двух величайших исторических эпизодов современной цивилизации. Первым было возникновение и первые века христианства, колоссальный цивилизационный слом, истинная – по мнению Герцена – революция. Мир Древнего Рима, как и старый порядок во Франции, обветшал и стал теми старыми мехами, что непригодны

для нового вина. Эта параллель неслучайна: с начала 1840-х гг. Герцен был последователем Л. Фейербаха, и принципиальное значение для него имела не столько религия и/или идеи, ради которых совершался поворот, а чистота и нравственная сила людей, менявших мир по своей искренней вере и ради всего человечества.

Именно эти две «революции» и их «участники» стали высшим этическим мериллом для Герцена и основой универсального тезауруса.

Революция – как христианская, так и французская – универсальна, демократична по своей природе; она не может быть достижением и принадлежностью отдельных сословий и наций и имеет целью высшее (по мнению Герцена) благо – нравственную и социальную свободу.

Кто своекорыстно хочет себе и своим воли и в то же время набивает колючки на соседа, тот не достоин свободы. Тем-то и было велико сначала христианство, потом та великая революция 1789 г. (о которой и наши пигмеи говорят теперь свысока), что если они не спасли и не освободили всего света, то все же верили в общее спасение и освобождение, звали к ним всех без зверской ненависти одной породы к другой, без зоологических пристрастий и антипатий [1 XIX с. 224]¹.

И первые христиане, и «апостолы революции» конца XVIII в. – лучшие, высшие люди, горячая вера которых если и не привела к прямой реализации их мечты, то улучшила нравственный и общественный климат определенных исторических периодов и дала универсальные образцы для подражания революционерам и просто хорошим людям следующих эпох. Все эпизоды, посвященные этим двум темам, неизменно выписаны Герценом в возвышенном романтическом ключе.

Цель революций всякого рода – вовсе не сугубо прагматическая, революции – вечное выражение идеи свободы, неподчиненности жизни узким рамкам определенных государственных формаций и социальных устоев. По Герцену, развитие рода человеческого неостановимо, и революции (как религиозные, так и социальные – важно, что истинные) будут (и должны) происходить на всех последующих витках истории, стяхивать обветшалые и замедляющие ее ход общественные формы. Когда-то «...начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущее, неизвестное нам революцией... Вечная игра жизни, безжалостная, как смерть, неотразимая, как рождение...» [1 VI с. 110].

¹ Здесь и далее ссылки на это издание даются с указанием тома римской цифрой.

Но если идея революции до последних лет жизни представлялась Герцену неизменно высокой, а сами революции – неотъемлемой частью развития человечества, то его отношение к отдельным «методам» (террору) и целесообразности ускоренного «проведения» революций принципиально менялось.

И Евангелие, и история революции 1789 г. с их «действующими лицами» стали частью детского знания и мировоззрения Герцена, как и многих его сверстников. Все, даже самые краткие, воспоминания его о детстве неизменно политизированы и содержат упоминания о Французской революции и ее деятелях – таким образом, наряду с традиционными автобиографическими акторами влияния (семьей и событиями отечественной истории), эта революция становится органической частью биографии героя, а сам он – полным преемником революционных преобразований.

Уже гораздо позже Герцен настаивает на интериоризации, присвоении этого (чужого) исторического опыта. «Мы так же пережили Руссо и Робеспьера, как французы, Шеллинга и Гегеля, как немцы», – пишет он, например, в статье «Прививка конституционной оспы» (1865 г.) [1 XVIII с. 322].

Французская революция появляется и переживается не только в публицистических «думах», но и художественных произведениях Герцена (рассказ «Первая встреча» («Германский путешественник») (1836 г.) и повесть «Долг прежде всего» (1854 г.)). Описание «приключений» путешественника-иностранца, оказавшегося в Париже во время революции, оставалось, по замечанию Мартина Малиа, «одной из... наиболее устойчивых фантазий» Герцена [2 с. 463].

Присваивая таким образом европейский опыт революции, Герцен давал себе свободу анализировать как сильные, так и слабые ее стороны, строить на этом анализе возможные пути развития общественно-политической ситуации в России. Французская революция 1789 г. стала образцовой, с которой сравнивались последующие и возможные будущие.

Именно этими ретроспективно выработанными критериями и оценивалась Герценом неудача революции 1848 г. Находясь непосредственно в зоне ее действия (хоть и в роли наблюдателя), А.И. Герцен смог если не актуализировать, то увидеть воплощение идей, до тех пор пребывавших «в отвлеченности».

Как известно, центральным впечатлением от этой революции стало разочарование не только в ней, но и в европейском мире вообще, и как следствие – перенос ядра чаемых революционных преобразований из Европы в Россию. Кризис мировоззрения

Герцена этого времени виден в переписке, «Письмах из Франции и Италии», особенно заметен в пессимистичных диалогах «С того берега» (1847–1855) и в пятой части «Былого и дум».

В своем фундаментальном труде «Александр Герцен и происхождение русского социализма» (1965 г.) Мартин Малиа настойчиво доказывает, что разочарование в Европе и ее революционном потенциале настигло Герцена еще до событий 1848 г. [2 с. 460].

Эта гипотеза дебатировалась, в частности, другим англоязычным исследователем Герцена – Эдвардом Актоном. Он считал, что Герцен в Европе «сдерживал свой энтузиазм», по мнению его друзей (уже побывавших, в отличие от него, в Европе), потому что «не желал показаться наивным, впечатлительным туристом» [3 с. 27–28].

Так или иначе, итальянские события весны 1848 г. поначалу дали надежду на революционное обновление. Любопытно, как позже, в «Былом и дум», Герцен аккуратно выписывает момент, когда его мечты об участии в революции сбылись:

Чичероваккио² был на балконе, сильно освещенный факелами и канделябрами, а возле него – осененные знаменем Италии четыре молодые женщины, все четыре русские... <...> ...здесь *аристократический пролетарий*, потомок Мария и древних трибунов, горячо и искренно приветствовал нас. *Мы им были приняты в европейскую борьбу...* и с одной Италией не прервалась еще связь любви, по крайней мере сердечной памяти [1 X с. 28] (курсив мой. – С. В.).

В нескольких строках расставлены необходимые акценты: аристократия и пролетариат – два класса (прошлого и будущего), наделенные общественными добродетелями и революционным потенциалом, и в лидере итальянского демократического движения оба класса соединились. Передача знамени Италии русским выглядит долгожданной революционной инициацией, реализацией любимой Герценом модели «скиф Анахарсис Клоотс в революции». «Связь сердечной памяти» также важна: итальянцы – чуть ли не единственная нация Европы, о которой Герцен отзывался с одобрением, ведь оба «братских», бедных и подавленных жестокой властью народа могут «стать первыми», перейти в авангард революционной борьбы [см., напр., 2 с. 488].

Но с приездом во Францию Герцен быстро перешел от оптимистических прогнозов к мрачному скептицизму. После июньских со-

²Чичероваккио – Брунетти Анджело (1800–1849), итальянский революционер, участник защиты Римской республики.

бытий Герцен окончательно разочаровался в способности Европы страхнуть с себя ветхие одежды и возродиться. «Все заветное, что мы любили, к чему стремились, чему жертвовали. Жизнь обманула, история обманула, обманула в свою пользу...», – писал он в пятой части «Былого и дум» [1 X с. 232–233].

«Обман» истории требовал анализа и осмысления причин, применения критериев тех двух главных революций к новой. Причину Герцен упоминает уже в первом по хронологии публицистическом документе о революции – «Письмах из Франции и Италии»: дело не в идеях, а в людях, пытавшихся повторить опыт великих предшественников – первых христиан и якобинцев. В отличие от них новые революционеры не обладали истовой верой и действовали как благоразумные чиновники – сравнение в устах Герцена убийственное.

Апостолы и якобинцы веровали, что они спасут мир, что их спасение есть единое возможное, и оттого действительно спасли его. <...> Для того чтоб быть деятелем в истории, скорее надобно несколько мономании, сумасшествия, нежели холодного беспристрастия; люди, захватившие власть после 24 февраля, конечно, не были сумасшедшие, они заслуживают премию за умеренность и благоразумие, но за это не дается лавровых венков, а много-много – Владимир в петлицу [1 V с. 186].

Герцен настаивает, что для получения верных выводов необходим трезвый и жесткий анализ, не щадящий ничего и никого, даже светлые идеалы. Необходимо убрать те формы и факты ветхого мира, что мешают обновлению и продвижению вперед, даже если они дороги. Надо судить историю судом «неподкупного разума» [1 VI с. 44] – и теперь под этот суд попадают даже герои первой революции, якобинцы.

Не будет миру свободы, пока все религиозное, политическое не превратится в человеческое, простое подлежащее критике и отрицанию. <...> Мало ненавидеть корону, надобно перестать уважать и фригийскую шапку; мало не признавать преступлением оскорбление величества, надобно признавать преступным *saluspopuli* [1 VI с. 46].

После 1848 г. постепенно меняется и отношение Герцена к террору. Обладая характером, не приемлющим идолопоклонства, Герцен прямо пишет об ужасах террора любимых героев-якобинцев – более того, эта мера не помогла спасти революцию. Ранее террор мог быть оправдан чистотой веры и помыслов революционеров, что

превращало его в событие эстетически прекрасное: «Террор 93 года был величественен в своей мрачной беспощадности» [1 V с. 155]. В современном мире этот революционный алгоритм немислим:

Террористы были люди недюжинные. Суровые, резкие образы их глубоко вываялись в пятом действии XVIII века... но нынешние французы-республиканцы на них смотрят не так, – они в них видят образцы и стараются быть кровожадными в теории и в надежде приложения [1 XI с. 59].

Теперь – до самых последних статей – Герцен последовательно и настойчиво доказывает ненужность, вредность террора.

В середине – второй половине 1850-х гг., в начале царствования Александра II, Герцен надеется на мирные реформы и обновление жизни в России – и еще азартнее и убедительнее призывает отказаться от кровавых революционных «французских» средств в пользу мирных – «английских». В статье с красноречивым названием «Революция в России» он утверждает:

В то время, как Франция с 1789 года шла огнедышащим путем катаклизмов и потрясений, двигаясь вперед, отступая назад, метаясь в судорожных кризисах и кровавых реакциях, Англия совершала свои огромные перемены и дома, и в Ирландии, и в колониях с обычным флегматическим покоем и в совершенной тишине [1 XIII с. 21–22].

Важно отметить, что в это время Герцен не просто осуждает якобинский путь и кровавые революции – он отказывается быть центром революционной организации по образу и подобию партии Джузеппе Мадзини – «партии нового типа» [подробнее об этом: 4 с. 120]. Отказ этот тем более значим, что идет вразрез с революционным организационным «мейнстримом» тех лет, когда «эталонными героями» были «Мадзини и его ученик, “народный полководец” Дж. Гарибальди» [4 с. 121]. Герцена (и на время – Н.П. Огарева) отталкивала не идея тайного общества и роль Мадзини как его главы, а возможные (т. е. неизбежные) жертвы среди их последователей.

Чем дальше, тем чаще Герцен в статьях выступает с позиции «отцов», пытающихся образумить радикальных «детей». Так, в статье «Журналисты и террористы» (1862 г.), реагируя на появление манифестов и листовок «Молодой России», Герцен представляет увлечение террором юношеским максимализмом и детской тягой к сильным, но опасным эффектам:

Кто знаком с возрастом мыслей и выражений, тот в кровавых словах «Юной России» узнает лета произносящих их. Террор революций с своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношам, так, как террор сказок с своими чародеями и чудовищами нравится детям. Террор легок и быстр, гораздо легче труда... [1 XVI с. 221].

Более того – «нерасчетливо и вредно пугать» [1 XVI с. 221] террором общество, это не приведет ни к чему, кроме подавления оппозиции.

В конце своей недолгой жизни Герцен и вовсе стал выступать в амплу антиреволюционного пропагандиста. В цикле писем «К старому товарищу», обращенному к М.А. Бакунину, который «запил свой революционный запой» [1 XI с. 370], т. е. вместе с «внучком» С.Г. Нечаевым разрабатывал террористически-революционные планы, он писал о бесплодности этих мер: «...насильем можно разрушать и расчищать место – не больше» [1 XX с. 578].

Революцией в мире, в котором пока не произошли коренные изменения экономического, социального и этического характера, ничего изменить нельзя, торопить события – значит идти против законов природы и общества:

Петр I, Конвент научили нас шагать семимильными сапогами, шагать из первого месяца беременности в девятый и ломать без разбора все, что попадется на дороге. <...> Подорванный порохом, весь мир буржуазный, когда уляжется дым и расчистятся развалины, снова начнет с разными изменениями какой-нибудь буржуазный мир [1 XX с. 576–577].

Таким образом, Герцен проделал путь от одного полюса к другому – от «религии» якобинцев и Робеспьера – через разочарование революцией 1848 г., через разочарования в обновлении европейского мира и перенос центра чаемого обновления в русскую крестьянскую общину – к пропаганде ухода от насильственных, кровавых революционных переворотов, к постепенной, мирной эволюции, базирующейся на просвещении и изменениях в социально-экономической сфере.

Для атеиста (с 1840-х гг.) и фейербахианца Герцена великие религиозные и социальные перевороты равны и славны величием их вдохновителей и участников: «Социализм соответствует назарейскому учению в Римской империи» [1 VI с. 78]. При этом Герцен выходит за узкие рамки политических и социальных категорий, указывая на бесконечность процесса обновления общества и его форм:

Будущее вне политики, будущее носится над хаосом всех политических и социальных стремлений и возьмет из них нитки в свою новую ткань, из которой выйдут саван прошедшему и пеленки новорожденному [1 VI с. 78].

Литература

1. *Герцен А.И.* Собрание сочинений и писем: В 30 т. / Редкол.: В.П. Волгин (глав. ред.) и др. М.: АН СССР, 1954–1966.
2. *Малия М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма 1812–1855 / Пер. с англ. А. Павлова и Д. Узланера. М.: Территория будущего, 2010. 568 с.
3. *Acton E.* Alexander Herzen and the Role of the Intellectual Revolutionary. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 194 p.
4. *Одесский М., Фельдман Д.* Поэтика власти: Тираноборчество. Революция. Террор. М.: РОССПЭН, 2012. 263 с.

References

1. Hertsen AI. Collected Works and Letters / Ed. Board: V.P. Volgin (Chief editor) and others. In 30 volumes. Moscow: AN SSSR Publ.; 1954 *Territoriya budushchego* 1966. (In Rus.)
2. Malia M. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism 1812–1855 / Trans. from the English by A. Pavlov and D. Uzlaner. Moscow: *Territoriya budushchego* Publ.; 2010. 568 p. (In Rus.)
3. Acton E. Alexander Herzen and the Role of the Intellectual Revolutionary. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 194 p.
4. Odesskii M., Fel'dman D. Poetics of power: Tyrannism. Revolution. Terror. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2012. (In Rus.)

Информация об авторе

Светлана М. Волошина, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; s.m.voloshina@gmail.com

Information about the author

Svetlana M. Voloshina, PhD in Philology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; s.m.voloshina@gmail.com.

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-101-110

К спорам о статье Владимира Соловьева
«Первое начало теоретической философии»:
Валерий Брюсов и Михаил Самыгин

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается полемика двух выдающихся представителей русского модернизма по статье Владимира Соловьева, опубликованной в журнале «Вопросы философии и психологии» (1897. № 40). В истории модернизма это едва ли не самая ранняя полемика о сущности «Я» как первоосновы в конституировании бытия. Эту проблему будут обсуждать особенно активно в журнале «Вопросы Жизни» (1905). В полемике 1898 г. между Валерием Брюсовым и Михаилом Самыгиным видны наиболее трудные вопросы самоопределения раннего модернизма.

Ключевые слова: модернизм, ренессанс личности, Серебряный век, журнал «Вопросы Жизни», журнал «Вопросы философии и психологии»

Для цитирования: Юрганов А.Л. К спорам о статье Владимира Соловьева «Первое начало теоретической философии»: Валерий Брюсов и Михаил Самыгин // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 101–110. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-101-110

To disputes about the article by Vladimir Solovyov
 “The first beginning of theoretical philosophy”.
 Valery Bryusov and Mikhail Samygin

Andrey L. Iurganov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
 Iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the controversy between two outstanding representatives of Russian modernism on the article of Vladimir Solovyov, published in the journal “Questions of Philosophy and Psychology” (№ 40). In the history of modernism, this is perhaps the earliest polemic about the essence of the “I” as the first principle in the constitution of being. This issue will be discussed especially actively in the journal “Questions of Life” (1905). In the polemics of 1898 between Valery Bryusov and Mikhail Samygin, the most difficult questions of the self-determination of early modernism are seen.

Keywords: modernism, personality renaissance, the Silver Age, the journal “Questions of Life”, the journal “Questions of Philosophy and Psychology”

For citation: Iurganov AL. To disputes about the article by Vladimir Solovyov “The first beginning of theoretical philosophy”. Valery Bryusov and Mikhail Samygin. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;11(44):101-110. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-101-110

В начале 1898 г. эпицентром философских размышлений двух друзей, Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924) и Михаила Владимировича Самыгина (1874–1952), впоследствии писателя под псевдонимом «Марк Криницкий», стала полемика вокруг проблемы «Я», связанная с неординарной статьей Владимира Сергеевича Соловьева «Первое начало теоретической философии».

Валерий Брюсов сам предложил (23 января 1898 г.) эту статью для обсуждения:

В 40 книге «Вопросов философии и психологии» помещена статья Вл. Соловьева: «Первое начало теоретической философии». Не обсудите ли Вы, Михаил Владимирович, ее сообща со мной. Вот ее содержание:

1. Мерило достоверности для мысли присуще ей самой. Но может случиться, что она по самообольщению или из шарлатанства остановится, не дойдя до конца, и провозгласит: дальше идти некуда, я уперлась в стену, около которой мужики на небо зипуны вешают. Тогда другая мысль может и должна пощупать эту стену, не есть ли она со всем этим небом и зипунами только бумажная декорация.

2. В чистом сознании нет никакого различия между кажущимся и реальным, для него все одинаково действительно. То, что (*quid, was*) мне виделось во сне, могло не быть действительностью, но что (*quid, was*) оно мне виделось, есть факт безусловно достоверный; если даже воспоминание меня обманывает, все же факт воспоминания, хотя бы объективно ложный, *остаётся безусловно достоверным, как субъективное состояние* (курсив мой. – А. Ю.).

Может быть есть признаки различия кажущегося от подлинно существующего, но они не лежат в наличности сознаваемого факта.

3. Если самодостоверность наличного сознания, как внутреннего опыта, не ручается за достоверность сознаваемых предметов, как внешних реальностей, то нельзя ли от этого сознания заключать к реальности сознающего субъекта, как особого самостоятельного существа? (Это сделал Декарт – *Cogitoergosum.*) Ответ: невозможно, ибо от наличности мысли можно перейти лишь к чистому субъекту мышления, который мыслит, а не к эмпирическому субъекту, к живой индивидуальности. Чистый субъект мышления есть *феноменологический факт* (курсив мой. – А. Ю.) не менее, но и не более достоверный, чем все другие, т. е. он достоверен только в составе наличного содержания сознания. (Из того, что всевозможные психологические состояния соотносятся с одной и той же мыслью о я, никак не следует, чтобы это я было не мыслью, а чем-то другим.)

5. (Четвертый пункт в письме отсутствует. – А. Ю.) Как обманы чувств дают право сомневаться в достоверности ощущения, как свидетельства о реальности физического мира – так обманы самосознания (гипноз, раздвоение личности etc.) возбуждают сомнение в его (самосознания) показаниях о нашем психологическом субъекте. (Определение души, как потенции, уже предполагает тождество индивидуального субъекта и следовательно не может обосновывать это тождество.)

6. Итак, на вопрос, чье же это сознание существует как наличный факт, надо отвечать: неизвестно (ибо вопрос, существуют ли разные кто). Может быть мое, может быть иной личности, воображающей себя мною, может быть некоего трансцендентального субъекта, впавшего в иллюзию множественности «я», может быть – ничье [1 с. 390].

Статья Вл. Соловьева была опубликована за несколько лет до выхода в свет фундаментального труда Эдмунда Гуссерля «Логические исследования» (1900–1901 гг.) и содержала в себе глубокие идеи по феноменологии (еще не ставшей «движением»). Они перекликались с учением Гуссерля об интенциональности сознания и даже с последующими его идеями о философской редукции.

Обратимся к наиболее существенным высказываниям Владимира Соловьева о феноменологической достоверности любого сознания.

Как бы ни был глубок этот философский очерк, ему явно не хватало законченности и методичности, что, собственно, не скрывал и сам Соловьев. Русский философ честно признался, что проблема «Я» не решена ни им в статье, ни в современной ему философии, и эта открытость проблемного мышления не могла не волновать Брюсова, любившего обсуждать подобные вопросы. Вл. Соловьев же, будто заранее зная, что его нерешительность не будет поставлена ему в вину, предоставил читателям возможность включиться в общий разговор о сущности «Я».

Вл. Соловьев писал:

Что же такое есть Я? Исчерпывается ли оно этим своим являемым или феноменологическим бытием, относительно которого нет сомнений? Есть ли оно только одно из множества психических состояний, мысль, как и всякая другая, явление среди других явлений (мнение английской психологической школы)? Или Я есть нечто особое и единственное в своем роде, не одно из явлений, а общее формальное условие всех, априорный связующий акт мысли... Или, наконец, Я есть некоторая сверхфеноменальная сущность или субстанция, реальный центр психической жизни, имеющий собственное бытие независимо от данных своих состояний... Нескончаемый спор между этими тремя мнениями с достаточною очевидностью показывает, что ни одно из них не может быть признано бесспорным, – вот все, что я пока утверждаю [2 с. 128].

М.В. Самыгин ответил Брюсову 8 февраля 1898 г.:

Дорогой Валерий Яковлевич!

1. Бесспорно, что мысль имеет внутреннее ручательство своей достоверности; это – закон, открытый Декартом и таинственный по своей природе.

2. Предложенное Вами или Вл. Соловьевым понятие «чистого сознания» не соответствует действительности. Чистого сознания нет:

это ошибка Лейбница и Канта. Есть непреложный факт взаимного определения субъект-объекта. Этот факт существует в форме более или менее продолжительного процесса прояснения индивидуального сознания. Сон есть плохо проясненное размышление, т. е. медленный процесс взаимного определения субъект-объекта. Мое рассуждение Вам станет понятно, если Вы обратитесь к анализу понятия памяти (здесь и далее подчеркнуто автором. – А. Ю.): память есть условие, как легковерного «восприятия», так и длительного процесса обсуждения. Сон не менее достоверен, чем действительность, ибо в обоих случаях происходит работа самоопределения субъект-объекта, работа далеко не совершенная по своему метафизическому результату. Вся разница во времени, т. е. на языке моей метафизики, в степени. Присовокупляю к этому, что сон пользуется тем же материалом, что и бодрствующее сознание. С этой точки зрения не существует никакого различия между «кажущимся» и «подлинно существующим». Вся ошибка Вл. Соловьева произошла от пагубной привычки принимать логические отвлечения за реальности.

3. Все дальнейшее рассуждение, помещенное под пунктом 3, есть новая логическая ошибка. Утверждение самодостаточности наличного сознания, не ручающегося за достоверность (т. е. вне-бытие?) сознаваемых предметов, как внешних реальностей, равносильно признанию бытия «монады». Ваш или Вл. Соловьева «ответ» есть повторение известного заблуждения Канта.

5. Обманы самосознания есть действительно факты величайшей метафизической загадочности. Они так же непонятны, как и природа нормального индивидуального сознания. Вы или Вл. Соловьев также приходите к такому выводу в пункте 6, напрасно воскрешая для этого заблуждения нескольких мудрецов. Корень нашего бытия есть Тайна. Склонимся перед нею и будем питаться ее высокою красою. Из высшей Тайны мы можем еще объяснять наш мир слов, отвлеченных понятий и заблуждений, но словами условной правды земли не дерзнем живописать тайных глубин Неба! [3 л. 7–9].

Преткновение между ними – различное понимание границ собственного «Я». Для Самыгина Тайна, запредельная земной жизни, есть условие существования «Я». Не из человеческого, а из божественного источника исходят объяснения мира слов и понятий – потому-то и возможно мистическое (нерациональное) богопознание...

В.Я. Брюсов же, напротив, страшился потерять границы собственного «Я» в надличной природе, он также боялся раствориться в самосознании других «Я». Поэта устраивала радикальная

постановка вопроса о достоверности любого сознания, он соглашался с тем, что нет различия в любых фактах сознания, поскольку они суть самосознание. Его не устраивало только одно – если все акты сознания достоверны и относятся к самосознанию, то как быть с личностью, с ее уникальностью; не растворяется ли она в самосознании так, что, кроме самосознания, нет ничего больше? Ибо если все достоверно, то нет контуров, обрамляющих «личную монаду».

В письме от 9 февраля 1898 г. В.Я. Брюсов отвечал Самыгину, обращая внимание на их философские расхождения:

Друг мой!

Отвечаю Вам с точки зрения Вл. Соловьева.

1. Он, как и Вы, признает только непреложный факт взаимного определения субъект-объекта, и это вполне равносильно тому выражению, что в «чистом сознании (или просто в сознании) нет различия между фактами – все они равносильны, все они действительны, все они непреложны» (именно это выражает весь § 2). Но только они и непреложны, ничто более. Вы, как и Вл. Соловьев, утверждаете непреложность первой половины декартовской формулы – *cogito, ɰerense*. Это дано, но только это и дано. Отсюда нельзя вывести *ergosum, don-cjesuis*, я существую я, личный я, индивидуальное я.

2. Пусть перед Вл. Соловьевым вечно носится проблема различения реального от кажущегося. Забудем это. Но вот вопрос, – сознает ли человек себя отдельной личностью, индивидуальностью? Я мыслю, – так; моя жизнь есть непрерывное самоопределение субъекта-объекта – так; но этот субъект, можно ли о нем сказать <–> это я, именно я, и не кто другой. Различия между «кажущимся» и подлинно существующим» нет, пусть. Но, отбросив все эти факты и те, что кажутся кажущимися и те, что кажутся подлинно существующими, найдем ли мы некое я, хоть как потенцию. Ведь пантеизм мыслим! возможен для разума! – как же мне спасти (это уж я говорю, а не Вл. С.) мою личность, ибо я хочу знать, что эта личность едина, обособлена, что я монада. Мне это необходимо.

3. «Корень нашего бытия есть тайна». Может быть. Если нельзя ее «живописать словами», я хочу ее чувствовать, – а слова могут мне указать путь к этому. Чувствую ли я себя как монаду, как единое я. Да, чувствую, знаю и верю. Могу ли я указать другим, как прийти к этому чувствованию? К чувствованию, что я не может стать не этим, иным я, не может раствориться в божестве, что я ведь был и всегда буду? – Нет, я не могу указать другим путь к такому чувствованию. Убежден ли я однако, что каждый его (это чувство) ведает? Нет, не убежден <...>

4. В заключение несколько слов о сне. Вряд ли сон есть «плохо проясненное сознание», как Вы говорите. Дю Прель («Философия мистики») для меня ясно показал, что во сне существуют способности высшие, чем те, которыми обладает бодрствующее сознание... [1 с. 391–392].

26 февраля 1898 г. М.В. Самыгин ответил:

Дорогой философ!

Вас интересует, в чем больше правды, в «пантеизме» или в «микрокосмизме»? Сами Вы, по-видимому, склоняетесь к последнему. Основным вопросом в этом давнишнем споре является природа временного существования. Я не думаю, чтобы по этому пути можно было бы прийти к чему-нибудь прочному! Что есть время? Все определяется по закону противоречия, как справедливо говорил Гегель, определить же временное бытие можно только по контрасту с вечным началом. Но кто из нас похвастается, что он осязает это последнее. Попытка Грота в этом направлении в свое время казалась мне плачевною. Надо перечитать! Имейте в виду, что дальше «*cogito*» нельзя переступить ни вправо, ни влево. Потом следует заняться внимательнее понятием субстанции (здесь и далее подчеркнуто автором. – А. Ю.). Бьюсь об заклад, что мы в глубине души не представляем ее себе только чистым бытием. Вспомните «бесчисленные атрибуты» Спинозовской субстанции. <...> Тайна! Вечная, Прекрасная Тайна! Монада или пустой образ! Не все ли равно, когда есть Он? И мы принадлежим Ему? Каков закон нашего с Ним воссоединения? Да не все ли равно. Ни Лейбниц, ни Спиноза не умолчали об этом воссоединении! Оно было и для них! Он есть! А есть ли мы? Что за вопрос! Мы созерцаем Его, значит мы Его созерцаем! Что такое бытие, вечность, бессмертие души? Для того, кто коснулся лишь раз хотя бы края Его рук, все это праздные вопросы. Вопрос о бессмертии порождает страх смерти, а его нету у созерцателей Бога!.. [3 л. 10–11 об.].

Из письма Самыгина от 10 марта 1898 г.:

Дорогой друг!

Основные положения философской мистики Дю-Преля скорее склоняются в пользу пантеизма, *чем монадологию* (так в рукописи. – А. Ю.)! Как объяснить Ваше лейбницианство, которым одновременно проникнуты Ваши письма? С одной стороны, Вы радуетесь возможности «умчавшись в безбрежность, увидеть за собою себя», с другой – печалуетесь о невозможности личного бессмертия и т. п. Охота Вам,

мой друг, играть в пустые отвлеченности? Что есть бытие? Что есть все? Что есть «я»? Все эти вопросы важны для того, кто сказал себе, что они есть и на них нужно ответить. Я, со своей стороны, нахожу, что наши философы обращаются с Вечной Тайной уж слишком запросто! Скажет: «бытие», «модификация», «самоопределение» и думает человек, что эти жалкие комплексы звуков что-то собою покрывают! Не думайте, однако, что душа моя потускла и ум притупился, что я с такою не похвалою отзываюсь о философии, всегда мною столь нежно любимой. Душа моя в божественном напряжении, я живу всеми закоулками моего духа и потому<->то нахожу, что нельзя так упрощать Вечной Тайны в угоду книжному искусству. Впрочем, я думаю, что упреки мои мало касаются Вас, Вы выражались философским языком, а не мыслили им. А в мыслях своих Вы всегда были чужды схоластики. Я усиленно занимаюсь литературой, со страхом перечитывая плоды своей лихорадочной работы. О, если бы повесть, роман или драма оказались моим призванием! [3 л. 12–13 об.].

Если Самыгин склонялся к мистическому пантеизму, то Брюсов тяготел к микрокосмизму: для одного непознаваемая Великая Тайна есть первоисточник всего сущего, в том числе и мышления (потому и необходимо умаление души); для другого – Личность как монада есть в своей потенции целая вселенная, мыслящая сама в себе, и одновременно часть бесконечного космоса.

Из недатированного письма М.В. Самыгина (весна 1898 г.):

Хотелось быть на Пасхе в Москве у Вас и с этой целью откладывал свое письмо. Но каникулы мои превратились в тяжкую болезнь (тульская малярия). Только теперь я немного оправился. В последнем письме Вашем Вы оправдываете свои занятия философией следующими, совершенно неубедительными для меня словами: «Да, есть высшие области, есть созерцание (не в кантовском смысле), есть интуиция, в смысле постижения на миг Тайны; но вернувшись на землю (здесь и далее подчеркнуто автором. – А. Ю.), – разум не имеет лучшей цели, как постичь сам себя». Почему? И разве есть выбор между целями на земле? На земле все цели для разума одинаково неизменны! Нет здесь для разума худших и лучших целей. В царстве бессилия нет силы! Ну, положим, мое рассуждение спорно; но вот что бесспорно: разум не может постичь сам себя, потому что постичь, т. е. классифицировать хотя бы все наличные <...> познания – это значит не выходить из сферы сознания, а для того, чтобы постичь, нужно выйти за границу этой сферы. Моя философия сводится теперь к такому афоризму: *мы не знаем не только Бога, но и самих себя; возможно, что это одна и та же*

вещь (курсив мой. – А. Ю.). Вот где основы пантеизма, осторожнейшей и глубочайшей из философских систем! [3 л. 14–15].

В письме от 3 сентября 1898 г. Брюсов вновь возвращается к спорам, и вновь в центре его внимания философия «Я»:

Друг мой! Есть одно, чего я не понимаю в раздумьях других: возможность искать предела. «Я» – бесконечно и самобытно и всевластно. Разве есть истина более истинная, более очевидная? Бездонную глубину духа я чувствую. Моя душа, моя жизнь в этой бесконечности – лишь мгновение, лишь то, что на своем земном языке мы называем частью. Предела нет. Не ограничены мы нашей жизнью. Как – то краткое время, в которое мы не успеваем продумать всего мелькнувшего в мыслях, не успеваем до дна упиться всеми чувствованиями! Это время чтоб оно было всем! Нет предела! Не ограничены мы нашей призрачной смертью. Есть бытие для моего «Я» и за ее черной, но геометрически тонкой, чертой. Буду жив я, а не иной кто мною. Мои замыслы я понесу дальше, мои чувства раскроют крылья во всю широту и ринутся в свободное пространство. Ничто не умирает, ибо входит как доля развития в бессмертный дух. Будем творить и мыслить, зная, что все замыслы воплотятся и всем стремлениям дано будет удовлетворение. И это все не мудрствование на бумаге, не поучение для книги – это сознание, что так я чувствую, моя вера. Подумайте об этом и скажите, можно ли плакать, или сомневаться, или идти назад? [1 с. 395–396].

Согласно Лейбницу, не существует ни полного рождения, ни совершенной смерти: души то расширяются, то сужаются, они были и до рождения, они остаются бессмертными и после физической смерти тела. Судьба человеческого духа такова, что, получив разум и нравственную силу, он не может потерять их и навеки становится соучастником духовного царства.

Валерий Брюсов надолго остался микрокосмистом, Михаил Самыгин после этого спора увлекся пересмотром своих и чужих стереотипов, касавшихся теории литературы. Каждый шел своей дорогой, но вместе они постулировали в сущности одно и то же – феноменологическое значение Личности как конституирующей основы бытия.

Литература

1. Литературное наследство. Том 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1 / АН СССР. ИМЛИ им. А.М. Горького; Отв. ред. Н.А. Трифонова. М.: Наука, 1991. 831 с.
2. *Соловьев В.С.* Собрание сочинений. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1913. Т. 9. 2-е изд. 444 с.
3. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 386. Картон. 102.7.

References

1. Literary inheritance. Volume 98. Valery Brusov and his correspondents. Book 1. Academy of Sciences of the USSR A.M. Gorky IWL / Ed. by NA. Trifonova. Moscow: Nauka Publ.; 1991. 831 p. (In Russ.)
2. Solov'ev VS. Collected works. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo "Prosveshchenie" Publ.; 1913. Vol. 9. 2nd ed. 444 p. (In Russ.)
3. Research Department of manuscripts of the Russian state library. 386. Cardboard. 102.7. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrey L. Iurganov, Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Iurganov@yandex.ru

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-111-116

Публицистическая позиция В.В. Розанова в «деле Бейлиса»

Наталья Ю. Казакова

*Городской университет Нью-Йорка, Хантер колледж,
Нью-Йорк, США, nk105@hunter.cuny.edu*

Аннотация. В статье речь идет о позиции публициста и философа В.В. Розанова в связи с «делом Бейлиса». Анализируются его статьи 1911–1913 гг., опубликованные в газете «Новое время». Соглашаясь с выводом о возможности для евреев совершить ритуальное убийство русского мальчика, Розанов, по мнению автора статьи, развивал тем самым свои сложные философские взгляды на иудаизм. Однако эта позиция не была принята либеральными кругами, привела его к общественной изоляции.

Ключевые слова: В.В. Розанов, газета «Новое время», «дело Бейлиса», А. Ющинский

Для цитирования: Казакова Н.Ю. Публицистическая позиция В.В. Розанова в «деле Бейлиса» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 111–116. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-111-116

A journalistic position of V.V. Rozanov in the “Beilis case”

Natalia Yu. Kazakova

*City University of New York, Hunter College, New York, USA,
nk105@hunter.cuny.edu*

Abstract. The article is about the position of the publicist and philosopher V.V. Rozanov in connection with the “Baileys case”. His articles of 1911–1913, published in the newspaper “Novoye Vremya”, are analyzed. Agreeing with a conclusion about the possibility for Jews to commit ritual murder of a Russian

boy, Rozanov, according to the author of the article, thus developed his complex philosophical views on Judaism. However, that position was not accepted by the liberal circles, which led to his social isolation.

Keywords: VV. Rozanov, newspaper “Novoye Vremya”, “Beilis case”, A. Yushchinsky

For citation: Kazakova NYu. A journalistic position of VV. Rozanov in the “Beilis case”. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;11(44):111-16. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-111-116

Введение

Начало XX в. было ознаменовано рядом трагических событий: поражение России в Русско-японской войне, революция 1905 г., усиление революционного террора, нерешительность и полная растерянность власти – все это не предвещало радужного грядущего. Одним из этих событий было и так называемое дело Бейлиса.

Весной 1911 г. в Киеве был убит при странных обстоятельствах мальчик Андруша Ющинский. В убийстве был обвинен Мендель Менахем Тевье Бейлис – местный еврей, отец пятерых детей, экспедитор на кирпичном заводе. Бейлис занимался, в частности, распределением мацы к Пасхе среди местных евреев. Этот факт стал роковым в его биографии: Бейлиса обвиняли в том, что он убил Ющинского в ритуальных целях. Маца должна была – в соответствии с выдвинутым обвинением – содержать христианскую кровь.

В связи с этим судебным процессом общество резко разделилось на два враждебных лагеря. Либерально настроенная интеллигенция взывала к чувству разума, пылко доказывая, что Бейлис невиновен. Консервативно-реакционная часть доказывала обратное, ссылаясь на всемирный еврейский заговор. Диапазон мнений открывал чрезвычайно широкие возможности как той, так и другой стороне. Основная же часть русского общества все-таки хотела досконально разобраться в преступлении и судить виновных.

«Дело Бейлиса» и газета «Новое время»

Ситуацию усугубило убийство в Киеве молодым евреем Д.Г. Богровым премьер-министра П.А. Столыпина. Этот факт существенно повлиял на дело Бейлиса: необходимо было найти

и наказать реальных виновников убийства Столыпина, и правительство решило разыграть «еврейскую карту». Столичная газета «Новое время», освещая убийство Ющинского, поначалу ограничивалась редкими сообщениями в отделе «Судебной хроники» или «Судебных разбирательств». Однако вскоре судебный процесс над Бейлисом превратился для газеты едва ли не в главное событие в стране. Тональность газетных рассуждений изменилась: «Новое время» активно занялось антисемитской пропагандой. Статьи В.В. Розанова – тогда сотрудника «Нового времени» – вполне вписывались в такого рода газетную риторiku.

Публиковать статьи о «деле Бейлиса» Розанов начал в конце 1911 г. Очевидно, что к этим публикациям его подтолкнул опубликованный тогда же в газете «Речь» манифест к русскому обществу, подписанный 83 представителями русской интеллигенции (писателями, поэтами, художниками, учеными), осудивших «темную и злую легенду» о ритуальном убийстве и протестовавших против обвинений в адрес евреев. «Новое время», отвечая на «манифест восьмидесяти трех», подвергло критике основной пафос его содержания:

Несмотря на либерально-гуманный стиль манифеста, его трудно понять иначе как покушение на свободу суда и той самой живой совести, к которой взывают составители [1].

«Новое время» считало, что в создавшейся обстановке евреи должны «всем миром содействовать» торжеству российского правосудия [1].

«Юдофил» в антисемитском обличье

Розанов был не только ведущим сотрудником «Нового времени», но, прежде всего, одним из тех, кто серьезно занимался иудаизмом. Публикуя статьи, посвященные процессу Бейлиса (их около 15), Розанов так и не стал выразителем общего мнения редакции. Его статьи о Бейлисе – это не примитивные прокламации антисемитов, а попытки философского осмысления собственных мистических откровений и прозрений.

Парадигма розановского отношения к евреям выходила далеко за рамки обсуждаемых в связи с убийством Ющинского проблем. Главным для публициста было другое: свершение ритуального убийства подтверждало концепцию Розанова об особом отношении

евреев к крови. А подобная интерпретация открывала ему тайну иудейства. Именно ритуальная кровь и была для него неким ключом для разрешения таинства у евреев:

Так как в юдаизме – все тайны и покров, все иносказание и намек... посторонним людям необыкновенно трудно судить, где кончаются эти намеки, чем ограничиваются эти иносказания [2 с. 283].

В момент суда над Бейлисом (1913 г.) все газеты России давали материалы своих корреспондентов из Киева. «Новое время», публиковавшее информацию о процессе на первой полосе, использовало все средства для доказательства правоты собственной антисемитской позиции. Однако надо признать, что издание ни разу четко не оговорило вины Бейлиса – все ждали приговора суда и до этого времени соблюдали некую политкорректность. Но в остальном борьба была беспрецедентной по степени той оскорбительной брани, которая ежедневно выливалась в адрес оппонентов.

В самый разгар черносотенного безумия, до которого опустилось «Новое время», Розанов опубликовал статью «К прекращению ритуального убоя скота», посвященную ритуальному процессу убоя скота у евреев. Вывод из этой статьи состоял в том, что «Россия вовсе не обязана законом признавать грубейшие остатки язычества (фетишизм крови, “кровь-фетиш”)». По мнению публициста, «просвещенное право» России – сказать этому «фетишизму» «*volò et veto*» [3].

Статьи в «Новом времени» Розанов писал скорее как мистик и философ, а не как журналист официозной газеты. Исследователь его творчества утверждал:

Розанов с уверенностью утверждал, что есть ортодоксальные еврейские секты, употребляющие христианскую кровь для своих ритуалов, и он этим не только не возмущался, а видел в этом особую глубину и значение [4 с. 173].

Однако в тот момент читателям газет было недосуг разбираться в метафизических метаниях странного философа-юдофила. Экстремальность момента требовала политической однозначности, а не размытой философичности оценок. Розанов в восприятии либерального русского общества и оказался в одной компании с яростными антисемитами – ксендзом Пранайтисом, А.С. Шмаковым. Интеллектуальная интуиция в данном случае подвела публициста. Его философская позиция обернулась аберрацией нравственного зрения и привела к потере авторитета.

Заключение

Конец этой истории для всех оказался печальным. Бейлис был оправдан и отпущен на свободу. Но он не смог оставаться в России и уехал с семьей сначала в Палестину, а потом в Америку.

Розанов же жестоко расплатился за свое понимание дела Бейлиса. В понимании либеральной интеллигенции он был и оставался ярким реакционером и воинствующим антисемитом. В итоге он оказался в полной изоляции, «почти в одиночестве и замкнулся в себе. Статьи его почти перестали печатать и положение его резко изменилось» [5 с. 110]. Сам Розанов был глубоко оскорблен и обижен непониманием собственной позиции. В 1914 г. он опубликовал книгу «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови», в которой собрал все свои статьи, опубликованные в момент этого дела. В книге до поры он остался верным своей точке зрения: «Не уступлю. Не уступлю. Не уступлю. Не уступлю» [6 с. 239]. Однако спустя четыре года Розанов раскается и попросит прощения у народа иудейского [7 с. 304–352].

Литература

1. Евреи и убийство Ющинского // Новое время. 1911. 4 дек.
2. Розанов В.В. Есть ли у евреев «тайны» (Ответ на заявление 400 раввинов) // Розанов В.В. Собр. соч.: В 30 т. Т. 9. М.: Республика, 1998. С. 281–283.
3. Розанов В.В. К прекращению ритуального убоя скота // Новое время. 1913. 7 окт.
4. Крымов В.П. Портреты необычных людей. Париж: б/и, 1971. 298 с.
5. Розанова Т.В. «Будьте светлы духом» (Воспоминания о В.В. Розанове). М.: Blue Apple, 1999. 182 с.
6. Розанов В.В. Сахарна // Розанов В.В. Собр. соч.: В 30 т. Т. 9. М.: Республика, 1998. С. 7–275.
7. Кацис Л. Кровавый навет и русская мысль: Историко-теологическое исследование дела Бейлиса. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2006. 496 с.

References

1. Jews and murder of Yushchinsky. *Novoe vremya*. 1911. Dec 4.
2. Rozanov VV. Do Jews have “secrets” (An answer to the statement of 400 rabbis). Rozanov VV. *Collected works*. In 30 vols. Vol. 9. Moscow: Respublika Publ., 1998. P. 281-83.

3. Rozanov VV. Towards discontinuance of the ritual animals slaughter. *Novoe vremya*. 1913. Oct. 7.
4. Krymov VP. Portraits of unusual people. Paris, 1971. 298 p.
5. Rozanova TV. "Be light in spirit" (Memories about VV. Rozanov). Moscow: Blue Apple Publ.; 1999. 182 p.
6. Rozanov VV. Sakharna. Rozanov VV. *Collected works*. In 30 vols. Vol. 9. Moscow: Respublika Publ., 1998. P. 7-275.
7. Katsis L. The blood libel and the Russian idea. Historical and theological investigation of the Beilis case. Moscow: Mosty kul'tury; Jerusalem: Gesharim, 2006. 496 p.

Информация об авторе

Наталья Ю. Казакова, кандидат филологических наук, Городской университет Нью-Йорка, Хантер колледж; 10065, США, штат Нью-Йорк, Нью-Йорк, Парк авеню, д. 695; nk105@hunter.cuny.edu

Information about the author

Natalia Yu. Kazakova, PhD in Philology, City University of New York, Hunter College, New York, USA; 695 Park Avenue, New York, NY 10065, USA; nk105@hunter.cuny.edu

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-117-122

Конфликт А.И. Деникина и П.Н. Краснова в освещении публицистики времен Гражданской войны и эмиграции

Артем А. Панов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, panov.artem@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена публицистическому осмыслению конфликта генералов А.И. Деникина и П.Н. Краснова в газетах эпохи Гражданской войны и периодике русской эмиграции. По мнению автора, историки, описывавшие разногласия двух военных руководителей, ориентировались на мемуарные свидетельства, а материалы периодики не учитывали, потому что масштабы конфликта были значительно преувеличены.

Ключевые слова: П.Н. Краснов, А.И. Деникин, «Очерки русской смуты», Добровольческая армия, Всевеликое войско Донское

Для цитирования: Панов А.А. Конфликт А.И. Деникина и П.Н. Краснова в освещении публицистики времен Гражданской войны и эмиграции // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 117–122. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-117-122

The conflict of A.I. Denikin and P.N. Krasnov in the journalism coverage during the times of Civil war and Russian emigration

Artem A. Panov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
panov.artem@list.ru*

Abstract. The article is devoted to the journalistic understanding of the conflict between generals A.I. Denikin and P.N. Krasnov in the newspapers of the Civil War and Russian emigration. According to the author, historians who

described the differences between the two military leaders, focused on memoir evidence, and did not take into account the materials of periodicals that's why the scale of the conflict was greatly exaggerated.

Keywords: P.N. Krasnov, A.I. Denikin, "Russian Turmoil", Volunteer army, Almighty Don Host

For citation: The conflict of A.I. Denikin and P.N. Krasnov in the journalism coverage during the times of Civil war and Russian emigration. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;11(44):117-122. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-117-122

Во время Гражданской войны не было единства среди противников советского правительства. Характерный пример – разногласия командующего Добровольческой армией А.И. Деникина и атамана Всевеликого войска Донского П.Н. Краснова. Этот конфликт многократно описан в историографии [см., напр., 1–7].

Историки описывают различные причины конфликта. Например, политические: Краснов ориентировался на Германию, а Деникин – на Францию и Англию. Кроме того, Краснов был, по мнению ряда современников, убежденным монархистом, Деникин же к монархизму относился критически. Немаловажную роль сыграло и соперничество за роль лидера антибольшевистских вооруженных сил. Различными были и стратегические планы.

Соответственно, один из авторитетных исследователей утверждал: «Все это, вместе взятое, мешало добровольцам и донцам договориться о едином командовании и лишало их необходимой для борьбы с большевиками координации сил» [8 с. 26]. Непримиимость была изрядной помехой. По мнению ряда исследователей, «неспособность Деникина и Краснова найти компромисс» привела к падению донского режима и разгрому Вооруженных сил Юга России [9 с. 21].

Описывая взаимоотношения Деникина и Краснова, историки опираются на мемуарные свидетельства как самих генералов, так и бывших их подчиненных.

В 1922 г. в Берлине Краснов опубликовал мемуарную статью «Всевеликое войско Донское» [10]. Утверждал, что первая встреча с Деникиным 15 мая 1918 г. оставила у него чувство неудовлетворенности. Деникин критиковал его за сотрудничество с немцами, и это Краснову не понравилось. Сам автор мемуаров предстает

мудрым стратегом, патриотом, поддерживаемым простыми казаками. Деникин же

оказался в центре самых сложных и запутанных политических интриг. Он поставил на своем знамени «единую и неделимую Россию», и все то, что не совпадало с этим, – было ему ненавистно, и он враждебно к этому относился [10 с. 257].

Деникин ответил в собственных мемуарных «Очерках русской смуты», где взаимоотношения с Красновым посвящен третий том второй книги (Берлин, 1924 г.) [10]. Генерал соглашается с тем, что «наиболее тяжелые отношения установились у нас с донским атаманом», но «добровольчество и донское казачество жили мирно, не следуя примеру своих вождей»; причина же разногласий – политика Краснова, которую мемуарист называет «слишком умной» либо «слишком беспринципной» [11 с. 513–522].

Очевидцы событий, как правило, описывали разногласия генералов в зависимости от симпатий к одному из лидеров. Например, начальник штаба Донского войска И.А. Поляков утверждал, что в своих мемуарах Деникин «неоднократно грешит против истины» [12]. Тон, который Деникин принял в отношениях с Красновым, «служил дурным предзнаменованием установлению добрых искренних и приятельских отношений», командующий Добровольческой армией «проявлял чрезвычайное высокомерие», «признавал возможным сводить личные счеты» и «добивался уничтожения самостоятельности отдельных образований». А, например, А.С. Лукомской, соратник Деникина, говорил, что «трудно было надеяться добиться полного соглашения», поскольку Краснов «вел двойную игру» и подрывал всякие надежды на создание партнерских отношений [13 с. 78–86].

Однако исследователи, анализирующие конфликт, обычно не используют современные событиям периодические издания. Те, что издавались на территориях, контролировавшихся деникинцами и красновцами, а также эмигрантские.

Статей, где бы каким-то образом упоминалось о конфликте, немного. К примеру, газеты, выходявшие на деникинских территориях, не пытались объяснить суть разногласий. В изданиях, контролировавшихся представителями Добровольческой армии, журналисты рассуждали о «всемерной поддержке донским казакам в их борьбе с большевиками» [см, напр., 14 с. 1; 15 с. 1]. Правда, газета «Казачья речь», тоже патронировавшаяся деникинцами, сообщала, что истинные казаки не имеют прогерманских настроений и настроены на борьбу в союзе с Антантой [16 с. 3].

Газета «Донские ведомости», выходявшая на территории, подконтрольной красновскому командованию, в ноябре 1918 г. упрекала Деникина за то, что он провел наступление на южные территории, тогда как уместен был поход на Москву. Знаменательно, что в том же номере опубликовано приветствие Краснова Добровольческой армии [17 с. 3].

Судя по газетам, конфликт был не так уж значителен. А после объединения Всевеликого войска Донского с Добровольческой армией и отставки Краснова в феврале 1919 г. разногласия вообще не фиксируются прессой.

К конфликту журналисты вернулись уже в эмиграции. Он отражен в немногочисленных рецензиях на мемуары участников событий.

Так, в берлинской газете «Дни» рецензент сообщил, что бывший атаман Всевеликого войска Донского не вполне объективен. Потому «трудно соглашаться с ним в отношении к Деникину и Добровольческой армии...» [ГА РФ. Ф. Р5882. Оп. 1. Д. 26. Л. 31]. Напротив, газета «Руль», критикуя мемуары бывшего командующего Добровольческой армией – «Очерки русской смуты», утверждала, что Деникин напрасно инкриминирует Краснову интриги, тогда как сам не проявил нужную инициативу [ГА РФ. Ф. 5882. Оп. 1. Д. 36. Л. 1].

Упоминания о конфликте двух генералов единичны в периодике Гражданской войны и эмиграции. Следовательно, он тогда не был таким значительным, каким его увидели исследователи, ориентировавшиеся на мемуарные свидетельства Деникина и Краснова. И конечно, разногласия генералов не стали причиной разгрома сил, противостоявших советскому правительству.

Источники

ГА РФ. Ф. Р5882. Оп. 1. Д. 26. Л. 31.

ГА РФ. Ф. 5882. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

Литература

1. *Пученков А.С.* Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России (ноябрь 1917 г. – январь 1919 г.): идеология, политика, основы режима власти. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2014. 958 с.
2. *Гражданов Ю.Д.* Антибольшевистское движение и германская интервенция в период Гражданской войны: 1917–1920 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д: Волгоградская акад. гос. службы, 1998. 649 с.

3. *Ходаков И.М.* «Очерки Русской Смуты» А.И. Деникина как источник по изучению гражданской войны на юге России: Дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т истории РАН, 2006. 508 с.
4. *Тучапский А.К.* Петр Николаевич Краснов: судьба русского офицера: Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет, 2006. 222 с.
5. *Каширина Е.И.* Белый режим Юга России: социально-политическое развитие и экономическая основа (1917–1920): Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2007. 271 с.
6. *Казначеев А.* Противоречия добровольчества и казачества: конфликт командующего Добровольческой армией А.И. Деникина и атамана П.Н. Краснова // Исторический дискуссионный клуб [Электронный ресурс]. URL: <http://historicaldis.ru/blog/43296194267/Protivorechiya-dobrovolchestva-i-kazachestva-konflikt-komanduuyu> (дата обращения 12 декабря 2017).
7. *Шишов А., Венков В.* Белые генералы. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 416 с.
8. *Пученков А.С.* Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России (ноябрь 1917 г. – январь 1919 г.): идеология, политика, основы режима власти: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский ин-т истории РАН, 2014. 41 с.
9. *Тучапский А.К.* Петр Николаевич Краснов: судьба русского офицера: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет, 2006. 23 с.
10. *Краснов П.Н.* Всевеликое войско Донское // Архив Русской революции. Берлин: Слово, 1922. Т. 5. С. 191–321.
11. *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. М.: АЙРИС-пресс, 2015. Кн. 2. Т. 3. 733 с.
12. *Поляков И.А.* Донские казаки в борьбе с большевиками // Библиотека электронной литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/polyakov-i-a/donskie-kazaki-v-borjbe-s-boljshevikami> (дата обращения: 14. 12. 2017).
13. *Лукомской А.С.* Воспоминания. Берлин: Отто Кирхнер и К°, 1922. Т. 2. 332 с.
14. Вестник Добровольческой армии. 1918. 20 июня. № 4.
15. Приазовский край. 1918. 28 дек. № 230.
16. Казачья речь. 1918. 24 сент. № 23.
17. Донские ведомости. 1918. 25 нояб. № 140.

References

1. Puchenkov AS. Anti-Bolshevik movement in the South and South-West of Russia (November 1917 – January 1919): ideology, politics, the foundations of the regime. Dis. ... doktora ist. nauk. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskii institut istorii RAN Publ.; 2014. 958 p.
2. Grazhdanov YuD. Anti-Bolshevik movement and the German intervention during the Civil war of 1917–1920. Dis. ... doktora ist. nauk. Rostov-on-don: Volgogradskaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby Publ.; 1998. 649 p.

3. Khodakov IM. "Russian Turmoil" by A.I. Denikin as a source for the study of the civil war in the South of Russia. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow: Institut istorii RAN Publ.; 2006. 508 p.
4. Tuchapsky AK. Pyotr Nikolaevich Krasnov. The fate of the Russian officer. Dis. ... kand. ist. nauk. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskii gos. Universitet Publ.; 2006. 222 p.
5. Kashirina EI. White regime of the South of Russia. Socio-political development and economic basis (1917–1920). Dis. ... kand. ist. nauk. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet Publ.; 2007. 271 p.
6. Kaznacheev A. Contradictions of dobrovol'shestvo (voluntary service) and the Cossacks. The conflict of the commander of the Volunteer army A.I. Denikin and Ataman (chieftain) P.N. Krasnov. Istoricheskii diskussionnyi klub [Internet]. URL: <http://historicaldis.ru/blog/43296194267/Protivorechiya-dobrovolchestva-i-kazachestva-konflikt-komanduyu> (data obrashcheniya 12 Dec 2017).
7. Shishov A., Venkov V. White generals. Rostov-on-don: Feniks Publ.; 1998. 416 p.
8. Puchenkov AS. Anti-Bolshevist movement in the South and South-West of Russia (November 1917 – January 1919): ideology, politics, the foundations of the regime. Avtoreferat dis. ... doktora ist. nauk. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskii institut istorii RAN Publ.; 2014. 41 p.
9. Tuchapsky AK. Pyotr Nikolaevich Krasnov. The fate of the Russian officer. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskii gos. universitet, 2006. 23 p.
10. Krasnov PN. The Great Army of Don Almighty Don Host. *Arkhiv Russkoi revolyutsii*. Berlin: Slovo Publ.; 1922. Vol. 5. P. 191-321.
11. Denikin AI. "Russian Turmoil" Moscow: AIRIS-press; 2015. Book 2. Vol. 3. 733 p.
12. Poliakov IA. Don Cossacks in the fight against the Bolsheviks [Internet]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/polyakov-i-a/donskie-kazaki-v-borjbe-s-bolshevikami> (data obrashcheniya 14 Dec 2017).
13. Lukomskoi AS. Memories. Berlin: Otto Kirchner i Ko, 1922. Vol. 2. 332 p.
14. Vestnik Dobrovol'cheskoi armii. 1918. June 20. № 4.
15. Priazovsky kray. 1918. Dec. 28. № 230.
16. Kazach'ya rech'. 1918. Sept. 24. № 23.
17. Donskie vedomosti. 1918. Nov. 25. № 140.

Информация об авторе

Арте́м А. Па́нов, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; panov.artem@list.ru

Information about the author

Artem A. Panov, degree-seeking applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; panov.artem@list.ru

УДК 070.41

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-123-131

Из истории одной победившей ошибки (глагол *довлеть* в современном газетном тексте)

Евгения Н. Басовская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Jeni_ba@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается история семантической эволюции глагола *довлеть* в русском языке и функционирование данного слова в современной газетной публицистике. Представлена история заимствования и постепенного переосмысления глагола с XVII до начала XXI в. Приведены данные лингвистических словарей, в которых отражены и сопровождаются стилистическими пометами различные толкования слова. Сопоставляются языковая рефлексия, нашедшая отражение в просветительских публикациях на лингвистическую тему, и речевая практика изданий «Российская газета», «Коммерсантъ», «Независимая газета», «Новая газета», «Завтра» 2017–2018 гг. Отмечается продолжающееся в настоящее время расширение семантики слова *довлеть*. Автор доказывает высокую значимость словоупотребления журналистов для формирования речевой культуры общества.

Ключевые слова: глагол *довлеть*, культура речи, семантическая эволюция

Для цитирования: Басовская Е.Н. Из истории одной победившей ошибки (глагол *довлеть* в современном газетном тексте) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 123–131. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-123-131

From the history of one of the victorious errors (the verb *dovlet'* in modern newspaper text)

Evgeniya N. Basovskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
jeni_ba@mail.ru*

Abstract. The article deals with the history of the semantic evolution of the verb *dovlet'* (*to suffice*) in Russian language and the functioning of the word in modern newspaper journalism. The history of borrowing and a gradual re-thinking of the verb since the 17th till the 21st century is considered. The article presents the data of linguistic dictionaries, in which different interpretations of the word are accompanied by stylistic marks. It compares language introspection, reflected in the educational publications on the topic of linguistics, to the speech practice of “RossiyskayaGazeta”, “Kommersant”, “Nezavisimaya Gazeta”, “Novaya Gazeta”, “Zavtra” (2017–2018) and marks the proceeding semantic extension of the verb. The author proves the high importance of journalists’ use of words for the formation of the society’s speech culture.

Keywords: verb *dovlet'*, speech culture, semantic evolution

For citation: Basovskaya EN. From the history of one of the victorious errors (the verb *dovlet'* in modern newspaper text). *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;11(44):123-31. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-123-131

Введение

Данная статья посвящена анализу функционирования в газетных текстах 2017–2018 г. одного из слов, на протяжении многих лет привлекавших к себе внимание борцов за так называемую чистоту языка. Представляется важным рассмотреть в сопоставлении теоретические положения, касавшиеся одной из лексических норм русского литературного языка и нашедшие отражение на страницах советской прессы, и сформировавшуюся на этом фоне практику словоупотребления. Такое исследование позволяет сделать некоторые предположения относительно того, как соотносятся воспитательное воздействие на аудиторию просветительских публикаций СМИ, с одной стороны, и влияние самого качества журналистского текста – с другой. Анализ этой проблемы приобретает особую актуальность

в связи с возрастающей ролью средств массовой коммуникации и медиадискурса, которые, по справедливому замечанию И.В. Анненковой, должны быть осмыслены в качестве «главного культурообразующего фактора современной эпохи» [1 с. 5].

История употребления и словарной фиксации слова довлеть

Глагол *довлеть*, заимствованный русским языком из старославянского в исходном значении «быть достаточным», с течением времени претерпел ряд семантических трансформаций. Как отмечает В.В. Виноградов, уже во второй половине XVII в. слово стало осмысливаться как «надлежать, подобать», а к концу XIX в. выработало новое значение – «тяготеть над кем-либо, оказывать решающее влияние» [2 с. 889–890].

В начале XX столетия новое употребление слова *довлеть* оставалось приметой разговорной речи. Словари отражали лишь первое значение: «довлеет – *цсл.* достаточно, довольно» [3 с. 178]. Первый советский толковый словарь, начавший выходить в 1935 г., зафиксировал новое значение глагола, сопроводив, однако, эту информацию однозначным указанием на ошибочность данного толкования: «С недавних пор стало встречаться неправ. употр. этого слова в смысле “тяготеть над кем-н.” или “иметь преимущественное значение среди чего-н.” ...» [4 с. 733].

В советский период нормализаторская деятельность в области русского языка стала одним из важных направлений государственной культурной политики, в частности – работы средств массовой информации. При этом советская пресса пропагандировала представления о том, что защита языка – дело не только и не столько специалистов-филологов, сколько всего народа. Поощряя лингвокритическую активность массовой аудитории, советские газеты регулярно публиковали тематические письма трудящихся.

Уже в 1930-х гг. выяснилось, что смысловая эволюция глагола *довлеть* воспринимается частью носителей языка как яркое проявление его «засорения» и «порчи». Так, в 1938 г. «Литературная газета» опубликовала письмо преподавателя русского языка Н. Прянишникова, который не только напомнил читателям, что слово *довлеть* нельзя использовать в значении «давить, угнетать», но и призвал в связи с этим «объявить войну коверканью русского языка» (Литературная газета. 1938. № 12). Правда, редакция не поддержала Н. Прянишникова и вскоре напечатала подборку чита-

тельских писем, в которых его позиция оценивалась как консервативная и подчеркивалось, что ученые не должны указывать народу, как следует употреблять слова (Литературная газета. 1938. № 22).

В 1951 г. газета вернулась к обсуждению глагола *довлеть*. В защиту словарной нормы выступил писатель Ф.В. Гладков. По его мнению, фраза «страх довлеет над реакционерами Америки» есть не что иное, как «абракадабра» (Литературная газета. 1951. № 121). Но и на этот раз редакция дистанцировалась от мнения энтузиаста борьбы за «чистоту языка» и противопоставила ему более взвешенную позицию В.В. Виноградова, так оценивавшего новое понимание слова *довлеть*: «Нельзя закрывать глаза на то, что такое словоупотребление в языке современной литературы распространяется все шире и большие знатоки современного русского языка не брезгают им» (Литературная газета. 1951. № 146).

Интересно, что вскоре после этой дискуссии вышло в свет второе издание «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, в отличие от первого, 1949 г., включившее в себя омонимы – *довлеть*¹ – «быть достаточным для кого-чего-н., удовлетворять» и *довлеть*² – «тяготеть, господствовать, воздействуя на кого-что-н.». Первый вариант был помечен как «старое», а второй – как «разговорное» [5 с. 144–145].

Составители словарей и в дальнейшем продолжали колебаться в стилистической оценке «народного» толкования слова *довлеть*. Так, в «Большом академическом словаре» «новое употребление» глагола охарактеризовано как возникшее «под влиянием ошибочного отождествления по смыслу со сл. *давить*, *давление* [6 с. 866]. В начавшем выходить в новейшее время втором издании много-томного академического словаря значение «господствовать, тяготеть над кем-, чем-л.» сопровождается пометой «просторечное» [7 с. 295], то есть преподносится как неверное, нежелательное в литературной речи.

Показательно, что и пресса продолжает периодически возвращаться к теме глагола *довлеть*, причем для просветительской журналистики XXI в. по-прежнему характерно максимально взвешенное и несколько более терпимое, чем у лексикографов, отношение к семантической эволюции слова. В частности, в 2017 г. «Российская газета» поместила заметку филолога и журналиста М.А. Королевой «Довлеть или не довлеть», в которой отмечается: «...“довлеть” – это вовсе не “давить”! По крайней мере изначально смысл его был совсем другим...», а далее о новом употреблении глагола говорится: «... как бы ни возражали специалисты по культуре речи, слово “довлеть” продолжает внедряться в нашу речь, и на этом пути достигло серьезных успехов» (РГ. 20.07.2017).

*Глагол довлесть
в современной газетной публицистике*

В исторической перспективе попытки запретить носителям языка использовать слово не в его исходном значении, а в новом, развившемся под влиянием закона аналогии, продемонстрировали свою несостоятельность. Обращаясь к современному речевому материалу, мы обнаруживаем решительное количественное преобладание контекстов, в которых *довлеть* проявляет значение «давить, нависать».

Глагол *довлеть* фиксируется в 2017–2018 гг. не во всех центральных изданиях. Так, в «Литературной газете», в свое время уделявшей данной лексеме повышенное внимание, слово на протяжении полутора последних лет не используется ни разу. В газете «Коммерсантъ» оно употреблено дважды, причем не в журналистском тексте, а в прямой речи интервьюируемых – бизнесмена Р.А. Юсипова: «Высокие политические риски расширения антироссийских санкций и низкая культура корпоративного управления все еще довлеют над рынком» (Коммерсантъ. 8.11.2017) и министра экономического развития РФ М.С. Орешкина: «Проблема бедности в российской экономике гораздо важнее на данном этапе, чем проблема неравенства, которая довлеет над экономическим ростом развитых стран» (Коммерсантъ. 9.01.2017). В обоих примерах в газете воспроизводится высказывание современного делового человека, вероятно, имеющего представление лишь об одном, позднейшем значении лексемы.

В «Российской газете» 2017–2018 гг. глагол *довлеть* встречается в публикациях различной тематики (экономика, кинематограф, спорт и др.), в журналистском тексте и в прямой речи ньюсмейкеров. Во всех рассмотренных контекстах слово используется исключительно в новейшем значении, на что однозначно указывает его устойчивая сочетаемость с предлогом *над*: «Одновременно над регионами довлеет другая проблема – территориальная...» (РГ. 24.01.2017); «...груз ожиданий, который довлеет над командами, несопоставим» (РГ. 18.04.2017); «Касаясь военно-политического аспекта сотрудничества внутри организации, Лавров отметил, что “в данной сфере пока довлеет тенденция ряда западных стран, начавшаяся три года назад, узурпировать ключевые решения”» (РГ. 11.07.2017); «Это такое кино, в котором желание сделать зрителю красиво... довлеет над всем остальным – в том числе вкусом и здравым смыслом» (РГ. 26.04.2018).

Те же тенденции в использовании слова *довлеть* проявляются и на страницах либеральной, прозападной «Новой газеты»: «А вот

страх потерять место в обойме действительно довлеет практически над всеми судьями и вкупе с вопиющей нехваткой профессионализма дает такие дикие плоды, как в рекордном 24-м туре» (НГ. 25.04.2017); «Это не просто антивоенный рассказ, но и суровая, уничтожающая все иллюзии критика школы прусского образца, где поставленная на ходули националистическая идеология довлела над всем, чему там обучали, лживо опираясь якобы на гуманистическую немецкую традицию» (НГ. 15.12.2017); «Над памятью о замечательном театральном действе, посвящённом истории страны, истории любви, довлеет проклятие теракта на Дубровке» (НГ. 22.12.2017).

Подчеркнутые слова с отрицательными коннотациями свидетельствуют о том, что для глагола *довлеть* сегодня типично функционирование в контекстах, в которых речь идет о негативно оцениваемых автором явлениях. Такой характер употребления позволяет говорить об ассоциативной связи в сознании носителей русского языка не только между *довлеть* и *давить*, но и *довлеть* и *подавлять*.

В издании иной идеологической направленности – националистической, имперской газете «Завтра» – глагол *довлеть* также встречается преимущественно в новейшем значении и с тем же управлением, что и в «Российской газете» и «Новой газете». При этом свойственная в целом публицистике «Завтра» повышенная эмоциональность проявляется в том, что здесь, как и в «Новой газете», употребление лексемы *довлеть* нередко сопровождается применением негативизмов – в том числе контекстуальных: «Сегодня указанная провокация довлеет над Россией, а во времена Горбачёва вызывала ненависть к СССР поляков, других народов Европы и мира» (Завтра. 03.07.2017); «Вся мишура скрывает глубокий комплекс. Комплекс, который довлеет над всеми деяниями националистов» (21.08.2017); «Несправедливое обвинение довлеет над экипажем уже полвека» (11.04.2018).

Экспрессия глагола *довлеть* ярко реализуется в поэтическом тексте публициста С. Сокурова:

И так в душе: довлеет чернота –
тяжёлых дум расплывчатые тени.
И вдруг полоска узкая, светла,
прорежет мрак желанным вдохновеньем
(Завтра. 11.03.2017).

Следует обратить внимание на использование слова *довлеть* без зависимого компонента. Контекстуальный смысл глагола при-

ближается к значению «преобладать». Это, несомненно, авторское словоупотребление, которое можно расценивать и как не вполне корректное, и как продолжающее тенденцию расширения семантики лексемы.

В газете «Завтра», единственной из рассмотренных в рамках данного исследования, есть единичные случаи применения глагола *довлеть* в первом значении – «быть достаточным». Оно реализуется не в авторской речи публицистов, а в цитатах и служит средством апелляции к традиционной религиозной культуре: «И это мне кажется еще очень “довлеет злобе дня”, и незачем было сочинять “хомут не по плечам”, и тем людей пугать и давать против себя орудие пустословам» (Завтра. 23.04.2017); «Возможно, все мы преувеличиваем значимость нынешнего времени, поскольку “довлеет гнев и злоба его”» (Завтра. 10.01.2018).

В обоих примерах содержится евангельская реминисценция: «...довольно для каждого дня своей заботы» – фрагмент ст. 34 главы 6 Евангелия от Матфея. Показательно, что только во втором случае цитата приведена и интерпретирована адекватно. Что касается фразы «это ... очень “довлеет злобе дня”», то она свидетельствует о превратном толковании евангельского текста и понимании публицистом глагола *довлеть* как «соответствовать».

Явления, обнаруженные в текстах газеты «Завтра», встречаются и в материалах стремящейся к объективности и предпочитающей нейтральный тон «Независимой газеты». На протяжении 2017–2018 гг. это издание демонстрирует весьма немногочисленные примеры употребления глагола *довлеть*, но среди них есть практически все описанные выше варианты: использование в новейшем значении с предлогом «над»: «В любом случае пока Трансатлантическое партнерство явно довлеет над канцлером» (Независимая газета. 22.05.2018); применение без предлога, в значении, близком к «доминировать»: «Однако о политическом контексте, который довлеет во всех его взаимоотношениях с государством» (Независимая газета. 02.02.2017); функционирование в составе евангельской цитаты: «...в 2012 году гражданам было обещано только прямое избрание всех руководителей на уровне местного самоуправления... Однако, как сказано давно, «довлеет дневи злоба его» – и вот теперь прямых выборов внизу вообще практически и не осталось» (Независимая газета. 19.04.2017). Все это дает основания полагать, что, начав вскоре после заимствования русским языком из церковнославянского расширять свое значение, слово *довлеть* продолжает делать это и сегодня, причем при активном участии средств массовой информации.

Заключение

История глагола *довлеть* позволяет говорить о различных формах влияния СМИ на речевое поведение и языковую рефлексию носителей языка. Публикации просветительского характера привлекают внимание аудитории к лингвистической проблеме, фиксируют ее как общественно и культурно важную, предлагают различные пути ее решения. Определяющим же становится не то, какую точку зрения защищают на страницах газеты ученые, писатели, журналисты и другие участники дискуссии, а то, какова речевая практика самого издания и других медиа. Отдельные выступления защитников «чистоты языка» против того или иного понимания слова (как и против какой-либо грамматической формы или конструкции – *крепкое кофе, одеть пальто* и т. п.) неспособны противостоять обширному речевому материалу, распространяемому этими и другими СМИ. Следовательно, не отрицая значимости просветительских публикаций, необходимо признать речевую культуру самих средств массовой коммуникации более важным фактором формирования речевой культуры общества.

Источники

- Завтра: Газета Государства Российского. 2017. 11.03, 23.04, 03.07, 21.08.
Завтра: Газета Государства Российского. 2018. 10.01, 11.04.
Коммерсантъ: Ежедневная общенациональная деловая газета. 2017. 09.01, 08.11.
Литературная газета: Орган Правления СП СССР. 1938. № 12, № 22.
Литературная газета: Орган Правления СП СССР. 1951. № 121, № 146.
Независимая газета: Ежедневная общественно-политическая газета. 2017. 02.02, 19.04.
Независимая газета: Ежедневная общественно-политическая газета. 2018. 22.05.
Новая газета: Общественно-политическая газета. 2017. 25.04, 15.12, 22.12.
Российская газета: Общественно-политическая газета. 2017. 24.01, 18.04, 11.07, 20.07.
Российская газета: Общественно-политическая газета. 2018. 26.04.

Литература

1. *Анненкова И.В.* Современная медиакартина мира: неориторическая модель: лингвофилософский аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 60 с.
2. *Виноградов В.В.* История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с.

3. *Стоян П.Е.* Краткий толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: В.Я. Макушкин, 1913. 704 с.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1935. 1564 с.
5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. 848 с.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 3. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 1340 с.
7. Словарь современного русского литературного языка. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 4. М.: Русский язык, 1993. 576 с.

References

1. Annenkova IV. The modern media image of the world. The neorhetorical model. Linguophilosophical aspect. The dissertation of doctor of Philology. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2012. 60 p. (In Russ.)
2. Vinogradov VV. The history of words. Moscow: Tolk Publ.; 1994. 1138 p. (In Russ.)
3. Stoyan PE. Short explanatory dictionary of the Russian language. Saint-Petersburg: V.Ya. Makushkin Publ.; 1913. 704 p. (In Russ.)
4. Explanatory dictionary of the Russian language. Edited by D.N. Ushakov. Vol. 1. Moscow: OGIZ Publ.; 1935. 1564 p. (In Russ.)
5. Ozhegov SI. Dictionary of the Russian language. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1952. 848 p. (In Russ.)
6. Dictionary of modern Russian literary language. In 17 vols. Vol. 3. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ.; 1954. 1340 p. (In Russ.)
7. Dictionary of modern Russian literary language. 2nd revised ed. Vol. 4. Moscow: Russkii yazyk Publ.; 1993. 576 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгения Н. Басовская, доктор филол. наук, Российский государственный гуманитарный университет; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; jeni_ba@mail.ru

Information about the author

Evgeniia N. Basovskaia, Dr. in Philology, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; jeni_ba@mail.ru

УДК 070.41

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-132-142

Реализация прагматических свойств
языковых единиц в медиатексте:
подходы к изучению

Ольга М. Афанасьева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Olga.Afanasyeva@mail.ru*

Яна Е. Каневская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, miss.kanewsckaya@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка наметить подходы к изучению реализации в медиатексте прагматических свойств языковых единиц, что вносит определенный вклад как в теорию и практику журналистики, так и в формирование научно-исследовательского аппарата новой лингвистической дисциплины – медиалингвистики. Кроме того, изучение прагматических свойств языковой единицы даст возможность выявить механизмы ее воздействия на адресатов медиатекста, а значит, позволит журналистам осознанно направлять аудиторию СМИ к гуманистическим идеалам, к духовности. Авторы статьи впервые выявляют различие между терминами «прагматический заряд языковой единицы» и «прагматический потенциал языковой единицы», уточняют, что прагматический заряд может быть как языковым, так и контекстуальным, отмечают, что прагматический потенциал языковой единицы реализуется в журналистском тексте тогда, когда на ней основаны прием, тактика, стратегия речевого воздействия. Подчеркивая, что прагматически заряженными могут оказаться единицы различных уровней языковой системы (фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложения), авторы статьи останавливаются на методах изучения прагматического заряда и прагматического потенциала слова как единицы лексики, поскольку изучение прагматических свойств слова составляет основу изучения прагматических свойств медиатекста. Именно выбор слова при реализации той или иной прагматической цели тесно связан с мировоззрением создателя текста, с его системой ценностей (т. е. с «фактором адресанта», определяющим вектор речевого воздействия журналистского текста на аудиторию).

Ключевые слова: медиатекст, медиалингвистика, прагматика медиатекста, прагматический заряд языковой единицы, прагматический потенциал языковой единицы, прагматические свойства слова, вектор речевого воздействия журналистского текста, «Коммерсантъ.Власть», «Огонек»

Для цитирования: Афанасьева О.М., Каневская Я.Е. Реализация прагматических свойств языковых единиц в медиатексте: подходы к изучению // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 132–142. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-132-142

Realization of pragmatic properties of linguistic units in the media text. Approaches to learning

Ol'ga M. Afanas'eva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

Olga.Afanacieva@mail.ru

Yana E. Kanevskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

miss.kanewsckaya@yandex.ru

Abstract. The article attempts to outline approaches to studying the pragmatic properties of linguistic units in the media text, which contributes to both the theory and practice of journalism and the formation of the research apparatus of a new linguistic discipline – media linguistics. In addition, the study of the pragmatic properties of language unit will make it possible to identify mechanisms of its influence on the recipients of media and, therefore, journalists will have an opportunity to consciously direct the media to the audience humanistic ideals, to spirituality. For the first time the authors identify the difference between the terms “pragmatic charge of the language unit” and “pragmatic capacity of the linguistic unit”, they clarify that the pragmatic charge can be both linguistic and contextual, and note that the pragmatic potential of the linguistic unit is realized in a journalistic text when it is based on the reception, tactics, strategy of speech influence. Emphasizing that the units of different levels of the language system (phonemes, morphemes, words, word combinations, sentences) can be pragmatically charged, the authors of the article focus on methods of studying the pragmatic charge and the pragmatic potential of the word as a unit of vocabulary, as the study of pragmatic properties of the word is

the basis for studying pragmatic properties media text. The choice of a word in the implementation of a particular pragmatic goal is closely related to the worldview of the creator of the text and with its value system (i. e. with the “sender factor”, which determines the vector of speech influence of the journalistic text on an audience).

Keywords: media text, media linguistics, pragmatics of the media text, pragmatic charge of the linguistic unit, pragmatic capacity of the linguistic unit, pragmatic properties of the word, vector of speech influence of the journalistic text, “Kommersant.Vlast”, “Ogonek”

For citation: Afanas'eva O.M., Kanevskaya YaE. Realization of pragmatic properties of linguistic units in the media text. Approaches to learning. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;11(44):132-42. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-132-142

Введение

Современные лингвисты отмечают сдвиг научной парадигмы в сторону коммуникативной стилистики [1 с. 33], одним из ключевых в которой является вопрос о прагматическом потенциале современного медиатекста. Этот вопрос становится все более актуальным, поскольку область лингвистики, изучающая язык и стиль СМИ, начинает оформляться как медиалингвистика, т. е. самостоятельная дисциплина, имеющая свой объект исследований, предмет и методику.

Новые направления медиаисследований

Одним из положений, задающих направление медиаисследований, служит вывод Н.И. Клушиной о том, что в условиях отсутствия высоких нравственных ориентиров важным для массмедиа становится не война с массовым сознанием, а возможность влиять на него в направлении гуманизации, предполагающей обращение к духовности [2 с. 28]. При изучении возможности массмедиа воздействовать на массовое сознание плодотворным следует признать выявление аксиологической и прагматической составляющих медиатекста.

Аксиологический аспект исследований предполагает рассмотрение того, как в медиатексте представлены ценностно значимые

понятия и какая система ценностей формируется в медиапространстве. В данной статье остановимся на исследовании прагматических свойств медиатекста.

При проведении такого рода исследований возникают вопросы методологического характера, связанные с изучением прагматического заряда и прагматического потенциала языковых единиц, а также с выявлением прагматических принципов использования той или иной языковой единицы.

Прагматические свойства языковых единиц

Анализ трудов по прагматике, написанных с момента ее зарождения [в том числе 3, 4] до наших дней [включая 5–7], позволил обозначить некоторые прагматические свойства языковых единиц. На выбор языковой единицы при решении прагматических задач влияют следующие ее способности: четко и однозначно выявить позицию автора, представить мнение автора текста как истину (вне зависимости от того, насколько это мнение объективно), оценить сообщаемое как истинное или ложное. Даже такое очевидное прагматическое свойство языковой единицы, как способность передавать эмоции пишущего, в проанализированных нами трудах упоминалось далеко не всегда.

Таким образом, несмотря на важность исследований прагматической составляющей медиатекста, прагматические свойства языковых единиц до сих пор остаются малоизученными, а вопрос о прагматическом потенциале медиатекста не может быть решен окончательно без анализа свойств отдельных языковых единиц.

При их анализе следует различать термины «прагматический заряд языковой единицы» и «прагматический потенциал языковой единицы» (упоминания о различии этих терминов в литературе нами обнаружено не было).

Прагматический заряд языковой единицы

Термином «прагматический заряд языковой единицы» мы обозначаем наличие в ее значении прагматического компонента, обусловленное либо самой языковой системой (существующее в значении языковой единицы изначально, еще до включения ее в текст), либо контекстом (возникающее лишь в определенном тексте при определенных обстоятельствах). То есть прагматичес-

кий заряд языковой единицы – это обусловленная значением единицы (языковым или контекстуальным) способность воздействовать на ментальную и эмоциональную сферу сознания человека.

Прагматически заряженными могут оказаться единицы различных уровней языка: фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложения. Особенно значимы прагматические возможности слова, поскольку выбор слова при реализации той или иной прагматической цели тесно связан и с мировоззрением создателя текста, с его системой ценностей, концептуальной картиной мира, отражающейся в картине мира языковой (т. е. с «фактором адресанта», с определением вектора воздействия), и с эпохой, в которую был создан текст (выбор же синтаксической конструкции, по нашему предположению, зависит прежде всего от «фактора адресата» и связан с выбором способа воздействия).

Изучение прагматического заряда лексической единицы опирается на данные толковых словарей и на анализ возможных контекстуальных изменений словарных значений рассматриваемой лексической единицы. Одни слова приобретают свой прагматический заряд исключительно в самом тексте (т. е. имеют контекстуальный прагматический заряд; вне контекста они нейтральны), другие прагматически заряжены изначально, еще до включения в текст (т. е. имеют языковой прагматический заряд).

Прагматический потенциал языковой единицы

Изучение такого прагматического свойства лексической (и – шире – языковой) единицы, как прагматический заряд, интересно, но не самодостаточно. При изучении прагматических свойств медиатекста важен также и другой показатель – прагматический потенциал языковой единицы. Под прагматическим потенциалом мы понимаем контекстуально и социально обусловленную возможность того, что языковая единица реализует в определенном тексте в той или иной мере свой прагматический заряд. Изучение этого прагматического свойства языковых единиц, как правило, затруднено в связи с отсутствием «обратной связи» с адресатом текста (исключение составляют интернет-тексты, прагматический потенциал которых в некоторой степени определяется их «кликабельностью»). Прагматический потенциал языковой единицы реализуется в полной мере тогда, когда на ней основаны прием, тактика, стратегия речевого воздействия.

Прагматический заряд и прагматический потенциал слова

В качестве гипотезы исследования прагматического потенциала слова нами было выдвинуто следующее предположение: большим прагматическим потенциалом должны обладать слова, служащие языковым воплощением культурных концептов (лингвокультурные концепты), поскольку такие слова обозначают явления и процессы, важные не только для отдельного носителя языка или определенной группы, но и для общества в целом.

По своей значимости для социума лингвокультурные концепты неравноценны. Значительная часть их – универсальные категории культуры и философии (*время, пространство, движение* и др.). Наличие или отсутствие прагматического заряда у таких слов, как правило, обусловлено контекстом. И даже тогда, когда эти слова оказываются прагматически заряженными, прагматический потенциал этих лексических единиц, имеющих универсальный, «вневременной» характер, не столь остро ощущается и не всегда намеренно используется журналистом при обращении к темам животрепещущим, злободневным (но может быть актуализирован контекстом; пример такой актуализации – словосочетание *время не ждет*).

Часть лингвокультурных концептов – категории не только философские, но и социальные¹ (*свобода, справедливость, дружба* и др.). Эти лингвокультурные концепты, как правило, не универсальны, а культуроспецифичны. Такие слова в большинстве своем имеют прагматический заряд изначально, до включения в текст (языковой, а не контекстуальный прагматический заряд), а их прагматический потенциал в медиатексте весьма велик, поскольку понятия, выраженные такими лексическими единицами, значимы не только как «вневременные» ценности; для большинства носителей языка они актуальны, значимы «здесь и сейчас» (для нас важна не «свобода вообще», а наша свобода, не «абстрактная справедливость», а то, насколько что-либо справедливо по отношению к нам). Обращение журналиста к лексическим единицам, обозначающим социальные категории, обостряет социальную значимость текста и усиливает его прагматический потенциал.

¹ О делении лингвокультурных концептов на философские категории и на социальные категории пишет А.Я. Гуревич [8].

Методы изучения прагматических свойств языковых единиц

Методика изучения прагматических свойств языковых единиц практически не разработана. Обозначим лишь некоторые вехи, на которые можно ориентироваться в исследованиях, посвященных прагматическим свойствам слова.

Изучая прагматические свойства слова, мы можем найти ответы на многие важные для медиалингвистики и для прагматики текста вопросы. Так, анализ словарных дефиниций позволяет установить, есть ли у рассматриваемой лексической единицы языковой прагматический заряд, а сопоставление словарных дефиниций и смысла слова, реализованного в определенном контексте, дает возможность установить наличие контекстуально обусловленного прагматического заряда. Интересны и случаи, когда языковой прагматический заряд нивелируется, стирается контекстом.

Воссоздание лексико-семантических полей, представленных в медиатексте, и их иерархии покажет, в какую ценностную шкалу включает анализируемое слово обозначенное им явление действительности (т. е. позволит охарактеризовать рационально-ценностную интерпретацию реалий бытия), а описание лексико-семантического поля (или микрополя), имеющего своим ядром анализируемое слово, будет ключом к пониманию приоритетно-смысловой интерпретации говорящим компонентов события.

Анализ экспрессивных и модальных свойств слова и эмоционально-оценочных компонентов его значения даст представление о степени убежденности журналиста в том, о чем он пишет, о его отношении к действительности, к содержанию сообщения, к адресату. Выясняя, как выражается в тексте степень известности сообщаемого, дает ли слово возможность представить некий факт как истинный или ложный, позитивный или негативный, является ли такое представление объективным или оно отражает субъективную позицию автора, можно обратиться к анализу синтагматических и парадигматических связей, в которые вступает данное слово в тексте. Изучение прагматического аспекта сочетаемости слов не будет полным без выявления функций, которые выполняет данное слово в тексте, без определения приема, тактики, стратегии речевого воздействия, базирующихся на использовании данного слова.

*Реализация прагматических свойств слова «свобода»
в качественной прессе 2000–2015 гг.*

Было решено проанализировать, как реализуются в качественной прессе прагматические свойства слова «свобода» – культуро-специфичного [см. 9] лингвокультурного концепта. Источниками исследования стали журналы «КоммерсантЪ. Власть» и «Огонек» за 2000–2015 гг. Корпус текстов для исследования отбирался методом случайной выборки и составил по 15 авторских листов для каждого издания.

Анализ значений слова «свобода», зафиксированных в словаре [10 с. 704], и анализ объема понятия «свобода» показали, что слово «свобода» имеет языковой прагматический заряд, т. е. все значения данного слова содержат прагматический смысловой компонент еще до включения в текст. Ограниченный объем статьи не позволяет подробно остановиться на данном вопросе. Отметим только, что в «Философском энциклопедическом словаре» подчеркивается «*особая* (курсив наш. – О. А., Я. К.) жизненная значимость» проблемы свободы и ее «*центральное* положение в представлениях о личности как о субъекте нравственной и творческой деятельности» [11 с. 571], следовательно, слово «свобода» обладает высоким прагматическим потенциалом.

За свободу *борются* (КВ² 2004), за нее *выступают* (КВ 2004), ее *выбирают* как главную жизненную ценность (КВ 2004), *защищают* (ОК 2000). В числе желаемых человеком «свобод» оказываются *демократические свободы* (КВ 2000), *гражданские свободы – свобода слова, свобода вероисповедания, свобода въезда-выезда из страны* (КВ 2002), *художественная свобода* (т. е. свобода самовыражения автора в произведении искусства, КВ 2014). На рубеже веков, после *десятилетия свободы*, которым *никто не сумел воспользоваться* (ОК 2003), наступает переосмысление этого понятия. На страницах СМИ появляются упоминания о том, что *абсолютной свободы нет* (ОК 2001), это – *сказка* (ОК 2001), что свободой *злоупотребляют* (ОК 2012), *манипулируют* (ОК 2001). Свобода может *дойти до полного беспредела* (ОК 2000), и, чтобы подобное не происходило, необходим *опыт свободы* (ОК 2001), который россияне, наконец, приобрели. Когда от свободы получено все, что требовалось, и она больше не нужна, от нее отказываются и даже *ненавидят* (ОК 2000).

²КВ – журнал «КоммерсантЪ. Власть», ОК – журнал «Огонек»; год издания дается через пробел, обнаруженные в материалах журналов языковые единицы выделены курсивом.

Во всех микроконтекстах, содержащих слово «свобода», журналисты обращались к тактике прямого воздействия (ОК 2000: «А суть этих процессов была вот в чем: *беззаконная, непродуманная и половинчатая русская свобода* легализовала самых разных типов, в том числе и довольно омерзительных»). Способность слова «свобода» служить основой той или иной стратегии речевого воздействия свидетельствовала о том, что прагматический потенциал данного слова в исследуемом корпусе текстов реализован. Приведем пример: «Украина делает все возможное, чтобы достичь мира, и *ведет борьбу за свободу и демократию всей Европы*, принимая на себя львиную долю удара агрессора», – отметил Порошенко» (КВ 2015). В речи П.А. Порошенко слово «свобода» использовано для реализации стратегии внушения, а включение этой цитаты в журналистский текст осуществляет стратегию доказывания.

Частотность слова «свобода» и однокоренных с ним слов в исследуемом корпусе текстов невысока – в среднем 5 словоупотреблений на авторский лист, т. е. прагматический потенциал слова «свобода» в журналах «КоммерсантЪ. Власть» и «Огонек» реализуется не в полной мере. При этом в начале 2000-х гг. слово «свобода» встречалось в публикациях журналов, выбранных для исследования, чаще, нежели в конце рассматриваемого периода, что говорит о влиянии изменения социальных ценностных установок на прагматические свойства слова.

Заключение

Анализ прагматических свойств слова есть основа изучения прагматических свойств медиатекста. Такой подход дает возможность выявить механизмы воздействия лингвистических единиц на адресата медиатекста, а значит, позволяет журналистам осознанно направлять аудиторию СМИ к гуманистическим идеалам, к духовности. В процессе анализа прагматических свойств языковых единиц будет формироваться научно-исследовательский аппарат новой лингвистической дисциплины – медиалингвистики.

Литература

1. *Клушина Н.И.* Стилистика публицистического текста. М.: Медиамир, 2008. 242 с.
2. *Клушина Н.И.* Гуманистическая концепция современных массмедиа // Актуальные проблемы стилистики. 2017. № 3. С. 26–29.

3. Пирс Ч.С. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ: Алетейя, 2000. 342 с.
4. Dijk T.A. van. Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics. London: Longman, 1977. 261 p.
5. Степанов Ю.С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 325–332.
6. Апресян Ю.Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. С. 10–22.
7. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику. М.: Флинта: Наука, 2010. 152 с.
8. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
9. Везбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 777 с.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
11. Гальцева Р.А. Свобода воли // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 571–572.

References

1. Klushina NI. The stylistics of the media text. Moscow: Mediamir Publ.; 2008. 242 p. (In Russ.)
2. Klushina NI. Humanistic concept of modern media. *Aktual'nye problem stilistiki*. 2017;3:26-9. (In Russ.)
3. Pierce ChS. The beginning of pragmatism. Saint-Petersburg: Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo fakul'teta SPbGU: Aleteiya Publ.; 2000. 342 p. (In Russ.)
4. Dijk TA. van. Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics. London: Longman, 1977. 261 p.
5. Stepanov YuS. In search of pragmatics (Subject issue). *Izvestiya AN SSSR / Seriya literatury i yazyka*. 1981;40(4):325-32. (In Russ.)
6. Apresyan YuD. Types of communicative informations for explanatory dictionary. *Language: system and functioning*. Moscow: Nauka Publ.; 1988. P. 10-22. (In Russ.)
7. Maslova AYu. Introduction to pragmalinguistics. Moscow: Flinta: Nauka Publ.; 2010. 152 p. (In Russ.)
8. Gurevich AYu. Categories of medieval culture. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1984. 350 p. (In Russ.)
9. Vezhbitskaya A. Semantic universals and description of languages. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ.; 1999. 777 p.
10. Ozhegov SI., Shvedova NYu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Azbukovnik Publ.; 1999. 944 p. (In Russ.)
11. Gal'tseva RA. Freedom of will. *Philosophical encyclopaedic dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.; 1989. P. 571-72. (In Russ.)

Информация об авторах

Ольга М. Афанасьева, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Olga.Afanacieva@mail.ru

Яна Е. Каневская, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; miss.kanewskaya@yandex.ru

Information about the authors

Ol'ga M. Afanas'eva, PhD in Philology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Olga.Afanacieva@mail.ru

Yana E. Kanevskaya, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; miss.kanewskaya@yandex.ru

УДК 070.41

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-143-150

Функционирование эквивалентных заимствований в современном медиатексте

Юлия В. Яковлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yak112@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена одной из самых дискуссионных лингвистических проблем: появлению в русской речи иностранных заимствований. Особое внимание уделяется иноязычным словам, имеющим русские семантические аналоги (эквивалентным заимствованиям). Основным источником данных неологизмов в последние десятилетия в силу политико-экономических причин стал английский язык. Поэтому под иностранными заимствованиями в данной статье имеются в виду англицизмы. Медиациентричность современной культуры делает медиатекст основной площадкой для любого лингвистического новаторства. Влияние лексических и стилистических предпочтений журналистов на формирование языкового вкуса общества, выработку у него представлений об образцовом владении русским литературным языком предполагает критическое отношение к отбору языковых средств. Материалом исследования послужили публикации 2006–2018 гг. в газетах «Коммерсантъ», «МК», «Российская газета», онлайн-издании «Wonderzine». Выбор источников обусловлен наличием в них публикаций разнообразной, часто социальной, тематики, а также массовым распространением, в том числе в сети Интернет. В статье делается попытка определить место и цели использования в текстах СМИ так называемых избыточных заимствований, связанных с отдельными социальными проблемами.

Ключевые слова: медиатекст, заимствование, абьюз, моббинг, буллинг, харассмент

Для цитирования: Яковлева Ю.В. Функционирование эквивалентных заимствований в современном медиатексте // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11(44). С. 143–150. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-143-150

© Яковлева Ю.В., 2018

The equivalent loanwords functioning in the modern media text

Yuliya V. Yakovleva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
yak112@inbox.ru*

Abstract. The article is devoted to one of the most debatable linguistic issues: loanwords emergence in the Russian speech. Special attention is paid to the foreign-language words which have Russian semantic analogs (equivalent loanwords). English is the main source of these neologisms in the last decades owing to the political and economic reasons. Therefore loanwords in this article are English equivalents. Media text is the main platform for any linguistic innovation because the modern culture is media culture. Lexical and stylistic preferences of journalists form the society language taste, the ideal models of Russian language and imply critical attitude to language means selection. “Kommersant”, “МК”, “Rossiyskaya Gazeta”, and online-edition “Wonderzine” publications of 2006–2018 are the material for this article. The choice of sources is caused by existence of various, often social, subjects in them and also by mass distribution, including Internet. In the article an attempt is made to define the place and purposes of the so-called excess loanwords using in media texts.

Keywords: media text, loanword, abuse, mobbing, bullying, harassment

For citation: Yakovleva YuV. The equivalent loanwords functioning in the modern media text. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;11(44):143-50. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-143-150

Введение

Вопрос о целесообразности использования в русской речи иностранных заимствований – один из самых трудных вопросов не только лексикологии, но и смежных дисциплин: экологии языка, культуры речи и других. Дискуссии о допустимости и границах языковой экспансии ведутся на протяжении веков (см., напр. [1, 2]) и отражают разные взгляды на коммуникативную, воспитательную и другие функции языка. Отношение к заимствованиям – проблема не только языковая, но и идеологическая и общекультурная.

Интеграции заимствований разных периодов посвящены работы В.В. Виноградова [3], В.Г. Костомарова [4], Л.П. Крысина [5] и других лингвистов. И в настоящее время данная проблематика становится предметом изучения как российских, так и зарубежных ученых-русистов, например, в связи с рассмотрением вопросов экологии языка и современных коммуникаций [6].

Если появление новых слов вместе с новыми предметами, явлениями или понятиями обычно признается необходимым [7 с. 187], то лингвистический вкус общества часто оскорбляют заимствования, имеющие русские аналоги. Как справедливо замечает В.Г. Костомаров, «по сложившейся традиции оценка заимствований у нас по большей части отрицательная, даже раздраженно-язвительная применительно и к отдельным словам, и к процессу как таковому» [4 с. 136]. Большая лояльность демонстрируется в отношении заимствованных терминов. Но и к ним предъявляются определенные требования. Заимствованный термин должен использоваться международным научным сообществом, быть короче русского эквивалента, обладать словообразовательной потенцией [8 с. 168].

Цель данной статьи – рассмотреть варианты использования в языке СМИ некоторых новейших заимствований.

В современном медиатексте можно встретить англицизмы, используемые при описаниях ситуаций, связанных с психологическим и/или физическим воздействием на человека. Среди них – *абыюз*, *моббинг*, *буллинг* и, вероятно, самое известное сегодня заимствование *харассмент*, признанное экспертным советом при Центре творческого развития русского языка одним из десяти «главных русских слов 2017 года»¹. Данные неологизмы еще не кодифицированы [9, 10], и роль лексикографов на данном этапе часто играют журналисты. «Чуть ли не каждый пятый работающий россиянин, по мнению экспертов, сталкивается с “моббингом” (от англ. mob – толпа) – психологическим насилием в виде травли сотрудника в коллективе»², «Нет у нас даже и соответствующего юридического термина для подобных ситуаций, которые на Западе определяются как “харассмент” (англ. harassment – оскорбление, притеснение, агрессия)»³, – пишет «Российская газета». «Буллинг – не просто агрессия и не любая школьная драка; он определяется как неоднократные попытки более сильного индивида (группы) причинить

¹ Названы главные русские слова 2017 года // Рос. газ. 2017. 25 дек.

² Брынцева Г. Моббинг дик // Рос. газ. 2010. 24 марта.

³ Андреев Ю. Служебный роман по принуждению // Рос. газ. 2006. 18 окт.

боль, унижить или как-то еще стрессировать менее сильного (группу)», – объясняет газета «Коммерсантъ»⁴.

Данные лексемы могут быть включены в текст в виде иноязычных вкраплений. «Что подразумевается под термином bullying? – задает вопрос журналист «МК» и сам же на него отвечает: – Это больше, чем просто драчливость, задиристость, хулиганство, издевательство. Считается, что это поведение одного или нескольких детей, которые демонстрируют свое превосходство над другими детьми, свою власть и статус»⁵.

Стремление использовать новые заимствования в бытовых ситуациях встречает и саркастическую реакцию. «Для любой проблемы – сложные слова. “Один мальчик уже издергал мелким физическим абьюзом всех девочек в классе”, – рассказывает мать второклассницы. Это означает – за косички дергает. Но “абьюз” звучит солиднее», – иронизирует автор публикации в «МК»⁶.

Отношения, определяемые новыми словами, сами новыми не являются, на что также указывают журналисты. «На то, что “на работе меня съедают”, люди жаловались и двадцать лет назад», – пишет автор статьи о моббинге⁷. «Вообще, “буллинг” – слово для русского языка новое, а понятие – нет. Если мы посмотрим источники, которые были еще до Интернета, то в русской литературе, в воспоминаниях о детстве и отрочестве, особенно выпускников закрытых учреждений, увидим: системная травля существует с незапамятных времен», – рассуждает автор⁸ газеты «Коммерсантъ». «Словечко “буллинг”... означает систематическое глумление над соучениками... испокон веков известное в армии под названием “дедовщина”», – пишет «МК»⁹.

Возникновение новых названий журналисты пытаются объяснить развитием сетевых технологий: «Явления из серии “все на одного” в человеческом коллективе были всегда, но эволюция и научно-технический прогресс внесли свою лепту и в этот вид

⁴ Цветкова Р. Та же травля. Как буллинг вошел в российские школы // Коммерсантъ. 2018. 24 февр.

⁵ Борщевский Л. Есть ли управа на хулигана? // МК в новом свете. 2015. 7 янв.

⁶ Тюкова Д. Планета несмеян // МК. 2018. 31 марта.

⁷ Брытцева Г. Указ. раб.

⁸ Цветкова Р. Указ. раб.

⁹ Лемуткина М. Учителей-националистов будут перевоспитывать. Покончат ли в Москве со школьной травлей? // МК. 2015. 19 янв.

человеческих взаимоотношений»¹⁰, «Компьютерные технологии добавили моббинг-мучителям новые возможности»¹¹.

Для обозначения травли в соцсетях появилось и особое лексическое новообразование *кибербуллинг*: «Отдельно выделяют кибербуллинг – травлю через Интернет»¹².

Новые слова еще не освоены русским языком, и в медиатекстах они часто образуют синонимическую пару с русскими эквивалентами: «Домогательство/харассмент»¹³, «Школьная травля, она же буллинг, вышла на новый виток»¹⁴.

Рассматриваемые понятия занимают различные позиции в синонимических рядах с русскими словами. «Следующие места в антирейтинге стран, где туристки чаще всего подвергаются опасности (*харассмент, домогательства, насилие*), заняли беспокойные Таиланд, Египет, Колумбия...»¹⁵.

Новые заимствования продуктивны. Так, появились названия (иногда иронические) для субъекта данных предосудительных действий: *буллер* («В ситуации буллинга всегда существуют три стороны: помимо агрессора (буллера) и жертвы присутствуют еще и наблюдатели...»¹⁶, *моббер* («Мобберы и их жертвы»¹⁷, *абыюзер* («Если муж был козлом, то нынче стал абыюзером»¹⁸). Заметим, что слово *моббер* имеет зафиксированный в словаре [10 с. 416] омоним, означающий участника флэш-мобба.

От новых слов могут образовываться прилагательные («моббинговая ситуация»)¹⁹ и глаголы: *буллить* («Иногда мы начинали кого-то “буллить”, – рассказывает Петр Налич... волонтер антибул-

¹⁰ Голубицкая Ж. Неодолайканные и недобаненные // МК. 2016. 28 мая.

¹¹ Брынцева Г. Указ. раб.

¹² Савина А. Травля и осуждение: Где между ними проходит граница и как одно может перейти в другое // Wonderzine. 2017. 24 нояб.

¹³ Названы главные русские слова 2017 года // Рос. газ. 2017. 25 дек.

¹⁴ Лемуткина М. Учителей-националистов будут перевоспитывать. Покончат ли в Москве со школьной травлей? // МК. 2015. 19 янв.

¹⁵ Соколова Н. Индия – самая опасная для туристок // Рос. газ. 2015. 26 февр.

¹⁶ Цветкова Р. Указ. раб.

¹⁷ Голубицкая Ж. Указ. раб.

¹⁸ Тюкова Д. Указ. раб.

¹⁹ Винчу А. Моббинг по-немецки. Что происходит, когда вы становитесь изгоем // МК. 2015. 25 февр.

лингвой программы для школ Травли.Net»²⁰, *моббить* («Коллеги моббят того, кто встряхнул их “болото”»)»²¹, ироничные окказионализмы *харассить* и *абыюзить* («Все-то ее харассили, все-то ее абыюзили»)»²².

Ироническое отношение журналистов к слишком частому и не всегда оправданному, по их мнению, употреблению новых слов выражается и в том, что рассматриваемые заимствования становятся частью экспрессивных заголовков, построенных на игре слов и реминисценциях: «Бабы стали делать бабки на харассменте: республика Стыд»²³, «Особенности национального харассмента»²⁴, «Моббинг дик»²⁵.

Заключение

Слова *моббинг*, *буллинг*, *абыюз* и *харассмент* относятся к числу новейших заимствований, и их дальнейшая судьба в русском языке не вполне определена. При отсутствии кодификации толкование данных понятий представляется свободным, зависящим от языкового чутья и экстралингвистических представлений авторов публикаций, а значит, не всегда однозначным.

Рассматриваемые заимствования можно отнести к лексике, определяемой Л.П. Крысиным как «условно терминологическая» [5 с. 5], претендующая на постоянное место в языке науки, в частности – в юриспруденции. По-видимому, употребление данных слов в медиатекстах свидетельствует о стремлении журналистов перевести проблему из бытовой области в правовую.

Данные слова более конкретны и компактны по сравнению с русскими синонимами (*Буллинг – не просто агрессия и не любая школьная драка...*). Следует также отметить их производительный потенциал, дающий простор как для нейтрального (*моббинговая ситуация*), так и для экспрессивного (*харассить*) словообразования.

²⁰ Лебедева Н. «Чучело» в нас. Как травля и насилие превратились в новый наркотик для подростков // Рос. газ. 2018. 22 марта.

²¹ Голубицкая Ж. Указ. раб.

²² Литовченко А. Убийца – Карл Маркс // Рос. газ. 2017. 19 окт.

²³ Райкина М. Республика «стыд» // МК. 2018. 1 марта.

²⁴ Шумейко И. Особенности национального харассмента // МК. 09.03.2018.

²⁵ Брынцева Г. Указ. раб.

Одним из мотивов употребления данных англицизмов в медиатексте следует признать и моду, которая, несмотря на критику строгих борцов за чистоту языка, была и остается мощным стимулом для разного рода «лексических трансферов».

Литература

1. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б.А. Избранные труды: В 3 т. Т. 2. Язык и культура. М.: Гнозис, 1994. С. 331–466.
2. *Басовская Е.Н.* Советская пресса – за чистоту языка: 60 лет борьбы. М.: РГГУ, 2011. 328 с.
3. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Учпедгиз, 1938. 448 с.
4. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
5. *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 206 с.
6. Русистика 2018: Материалы Международного научного симпозиума «Экология языка и современная коммуникация» 26–29 апреля 2018 г., посвященного 45-летию русистики в Шуменском университете им. Епископа Константина Преславского. Шумен: Химера, 2018. 446 с.
7. *Казак Е.А.* Роль заимствований в формировании русского литературного языка // Русский язык в современном обществе: функциональные и статусные характеристики: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 185–192.
8. *Даниленко В.П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 245 с.
9. *Крысин Л.П.* Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2011. 863 с.
10. *Шагалова Е.Н.* Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 2017. 571 с.

References

1. Lotman YuM., Uspenskii BA. Disputes on language at the beginning of the 19th century as a fact of Russian culture. Uspenskii BA. *Selected works*. In 3 vols. V. 2. Language and culture. Moscow: Gnozis Publ.; 1994. P. 331-466. (In Russ.)
2. Basovskaya EN. The Soviet press – for the language purity. 60 years of struggle. Moscow: RGGU Publ.; 2011. 328 p. (In Russ.)
3. Vinogradov VV. Articles on the history of the Russian literary language of the 17–19th centuries. Moscow: Uchpedgiz Publ.; 1938. 448 p. (In Russ.)

4. Kostomarov VG. The epoch language taste. From observations over mass media speech practice. Saint-Petersburg: Zlatoust Publ.; 1999. 320 p. (In Russ.)
5. Krysin LP. Foreign words in the modern Russian language. Moscow: Nauka Publ.; 1968. 206 p. (In Russ.)
6. The Russian philology of 2018. Materials of the International scientific symposium "Language ecology and modern communication", April 26–29, 2018, devoted to the 45-th anniversary of Russian philology at the Shumensky university of the Bishop Konstantin Preslavsky. Shumen: Khimera Publ.; 2018. 446 p. (In Russ.)
7. Kazak EA. Role of loanwords in the Russian literary language formation. *Russian language in the modern society. Functional and status characteristics*. Collection of reviews. Moscow: INION RAN Publ.; 2005. С. 185-92. (In Russ.)
8. Danilenko VP. The Russian terminology. An essay on the linguistic description. Moscow: Nauka Publ.; 1977. 245 p. (In Russ.)
9. Krysin LP. The illustrated explanatory dictionary of foreign words. Moscow: Eksmo Publ.; 2011. 863 p. (In Russ.)
10. Shagalova EN. Dictionary of the newest foreign words. Moscow: AST-Press; 2017. 571 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Юлия В. Яковлева, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; yak112@inbox.ru

Information about the author

Yuliya V. Yakovleva, PhD in Philology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; yak112@inbox.ru

Рецензия на книгу

УДК 070(049.32)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-151-153

Распопова С., Богдан Е. Фейковые новости:
Информационная мистификация:
Учебное пособие. Москва: АспектПресс, 2018. 112 с.

Макар Е. Лисицин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, makarlisitsin@gmail.com*

Для цитирования: Лисицин М.Е. Рецензия на книгу: Распопова С., Богдан Е. Фейковые новости: Информационная мистификация: Учебное пособие. М.: АспектПресс, 2018. 112 с. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 151–153. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-151-153

Raspopova S., Bogdan E. Fake News:
Informational Hoax:
Tutorial. Moscow: AspektPress, 2018. 112 p.

Makar E. Lisitsin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
makarlisitsin@gmail.com*

For citation: Lisitsin ME. Review on thebook: Reviewon the book: Raspopova S., Bogdan E. Fake News: Informational Hoax: Tutorial. Moscow: Aspekt Press, 2018. 112 p. RSUH/RGGU Bulletin. "History. Phililigy. Cultural Studies. Oriental Studies" Series. 2018;11(44):151-53. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-151-153

«Лучше упустить эксклюзив, чем дать неправду». Такое название носит одна из публикаций Светланы Распоповой – соавтора рецензируемого пособия. Эта фраза представляет собой краткую формулировку основного послания книги. Главная цель пособия – научить читателей отличать настоящие новости от подделок.

Авторы – журналист, доктор филологических наук, профессор Светлана Распопова и журналист из Нидерландов Елена Богдан – рассматривают происхождение так называемых фейковых новостей и ищут подходы к проверке текстов авторитетных СМИ и крупных социальных сетей. В актуальности темы сомневаться не приходится: проблема достоверности станет главным вызовом журналистики будущего. Уже сегодня фейковые новости являются своеобразным трендом.

Первая глава книги называется «Фейковые новости: определение и природа происхождения» и рассматривает прототипы фейков: слухи, шутки, особые трактовки фактов.

Во второй главе – «Фейк как мистификация» – говорится об авторах подобного контента: троллях, ботах и пранкерах. Справедливо отмечается, что феномен мистификации затронул огромное количество текстов: от научных публикаций до рекламы.

Название третьей главы – «Фейковые новости как результат нарушения технологии в работе журналиста». В ней делается важный вывод: появление фейковых новостей напрямую связано с игнорированием главного принципа журналистики: описывать жизнь, а не вымысел. С. Распопова и Е. Богдан исследуют заголовки, особенности изложения и структуру информации в фальшивых новостях и рассуждают об уместности наличия фейков в некоторых жанрах (например, в фельетоне).

В третьей главе авторы рассматривают такие виды не подтвержденных сведений, как фактоиды – неполные и/или неточные заявления («Следствие затянулось на долгое время») – и эмпирические обобщения («По словам очевидцев, это был подросток»).

В заключительной главе – «Подходы к распознаванию фейков» – исследуются способы борьбы с фейковым контентом, разработанные в прошлом и возникающие сегодня. Авторы показывают, как это важно для повышения уровня профессионализма журналистики. Приводятся новейшие методы борьбы с фейками, используемые крупными СМИ, такими как *The Guardian* (например, сервисы факт-чекинга Politifact, FactCheck.org, Correctiv или Newscheckers). Помимо этого, в книге есть несколько интервью с российскими и западными журналистами, подтверждающими статус фейковых новостей как важной проблемы современности.

Главный вывод, который позволяет сделать книга, – это то, что распространение правдивых новостей потребует от журналистов значительных усилий. Несмотря на живой, легкий стиль изложения, пособие настраивает на осознание ответственности, лежащей на плечах не только представителей прессы, но и рядовых пользо-

вателей Интернета. В конечном итоге распространение правдивой, честной информации – важное условие развития здорового общества, и в политическом, и в психологическом смысле.

Информация об авторе

Макар Е. Лисицин, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; makarlisitsin@gmail.com

Information about the author

Makar E. Lisitsin, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125993; makarlisitsin@gmail.com

Художник *В.В. Сурков*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 20.11.2018.

Формат 60×90¹/₁₆

Усл. печ. л. 9,6. Уч.-изд. л. 10,1.

Тираж 1050 экз. Заказ № 346

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.

Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969
Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!
